

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

- ПРАВОВЫЕ ОСНОВЫ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ
- "ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ" И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО
- ЕВРОПЕЙСКИЕ СООБЩЕСТВА: ДО И ПОСЛЕ МААСТРИХТА
- ТОРГОВЫЕ ДОМА В РОССИИ
- СТАТУС ШПИЦБЕРГЕНА

Moscow
Journal
of International
Law

Главный редактор Ю.М. Колосов

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

Л.Б. АРХИПОВА (ответственный секретарь), К.А. БЕКЯШЕВ,
В.Д. БОРДУНОВ, Е.А. ВАСИЛЬЕВ, А.И. ГРИНБЕРГ (заместитель
Главного редактора), В.В. ДЕНИСОВ, Ю.Д. ИЛЬИН,
Э.И. КОЗЛОВ (ответственный за английское издание), И.И. КОТЛЯРОВ,
М.Н. КУЗНЕЦОВ, С.Н. ЛЕБЕДЕВ, Е.Г. ЛЯХОВ, Ю.Н. МАЛЕЕВ,
М.Н. МАРЧЕНКО, А.М. МАЛИК, В.П. ПАРХИТЬКО, А.П. СУРКОВ,
Г.П. ТОЛСТОПЯТЕНКО, В.Б. ТРАПЕЗНИКОВ (заместитель Главного
редактора), Г.А. ШЕВЧЕНКО (ответственный за английское издание).

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Н.И. АКУЕВ (Алма-Ата), В.Г. БУТКЕВИЧ (Киев),
Р.В. ДЕКАНОЗОВ (Тбилиси), Г.В. ИГНАТЕНКО (Екатеринбург),
Ю.М. КОЛОСОВ (Москва), Б.П. ЛИХАЧЕВ (Москва),
С.А. МАЛИНИН (Санкт-Петербург), Р.А. МЮЛЛЕРСОН (Таллинн),
А.Х. САИДОВ (Ташкент), Э.Р. САРЫЕВ (Ашхабад),
Л.А. СКОТНИКОВ (Москва), А.И. СТЕПАНОВ (Москва),
О.И. ТИУНОВ (Москва), А.А. ТРЕБКОВ (Москва),
В.Н. ФЕСЕНКО (Минск), Ю.Ю. ШАТАС (Вильнюс)

СОУЧРЕДИТЕЛИ:

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ИНСТИТУТ
МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ МИД РФ
МЕЖДУНАРОДНОЕ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЕ ОБЪЕДИНЕНИЕ
"СОЮЗ ЮРИСТОВ"

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ"

КОММЕРЧЕСКИЙ БАНК "ФАВОРИТ"

Спонсор: корпорация "СОЮЗ – ВОЗРОЖДЕНИЕ" (Президент – В.В. ВАХАНИЯ)

Адрес редакции: 117454, Москва, проспект Вернадского, 76

Телефон 434-94-52

Телефакс 434-94-52

200-22-04

© Издательство "Международные отношения"

"Московский журнал международного права"

Свидетельство о регистрации № 01130 от 25 мая 1992 г.

Московский журнал международного права

Moscow Journal of International Law

Научно-теоретический
и информационно-практический
журнал

Издается с 1991 года
на русском и английском языках

Выходит один раз в три месяца

№3. 1992г. июль—сентябрь

СОДЕРЖАНИЕ

Вопросы теории

- Б.В. Ганюшкин. К вопросу о концепции интеллектуальной свободы в современном обществе (философско-правовые аспекты) 3

Международное гуманитарное право

- Ю.А. Решетов. Возбуждение национальной вражды в контексте международного права, зарубежной и российской судебной практики 19
- С.В. Черниченко. Права человека и гуманитарная проблематика в современной дипломатии 33

Международные организации

- Филипп Киш. Растущая миротворческая роль Организации Объединенных Наций 49

Новая Европа

- А.Х. Сайдов. Концепция "европейского правового пространства": проблемы и перспективы 59
- Ю.М. Юмашев. Правовая эволюция Европейских сообществ: до и после Маастрихта 73
- И.А. Смирнов. "Общеввропейский дом" и европейское правовое пространство 93

Международное частное право

- М.М. Богуславский. Венская конвенция о договорах международной купли-продажи товаров и вопросы охраны интеллектуальной собственности 105

Право и бизнес	
И.С. Мартынов. Торговые дома в Российской Федерации: правовая концепция и вопросы создания и деятельности	119
Голоса молодых	
А.М. Орешенков. Особенности международно-правового режима Шпицбергена	128
Трибуна преподавателя и студента	
Томас Тешнер. Преподавание международного публичного права в университете г. Пуатье (Франция)	135
Кто есть кто в нашей науке	141
Хроника	
Московская ассоциация международного права	151
Книжная полка	
В.С. Семенов. — П.П. Шафиров. "Рассуждение о законных причинах войны между Швецией и Россией: 1700—1721" (Нью-Йорк, 1973); В.Э. Грабарь. "История международного права в России. 1647—1917" (Оксфорд, 1990)	160
К.А. Бекашев. — В.Н. Трофимов. "Военная и экологическая безопасность. Международное право и сила" (М., 1991)	165
Документы	
Россия и Республика Корея — новые отношения (Вступительный комментарий А.П. Суркова)	170
Консульская конвенция между Российской Федерацией и Республикой Корея	172
Меморандум о взаимопонимании между правительством Российской Федерации и правительством Республики Корея по вопросам выдачи виз.	196
Внешнеэкономические связи Республики Кыргызстан (Вступительный комментарий Э.Д. Бейшембиева)	200
Закон о концессиях и иностранных концессионных предприятиях в Республике Кыргызстан	203
Закон об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан	210
Создание новой неправительственной организации (Вступительный комментарий В.Ф. Шаврова)	218
Устав Ассоциации Евро-Атлантического Сотрудничества (АЕАС)	219

Вопросы теории

К ВОПРОСУ О КОНЦЕПЦИИ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СВОБОДЫ В СОВРЕМЕННОМ ОБЩЕСТВЕ (философско-правовые аспекты)

Б.В. Ганюшкин*

Еще в древности справедливо отмечалось, что прежде, чем приступать к дискуссии по той или иной проблеме, надо договориться о терминологии. Поэтому для того, чтобы выработать концепцию интеллектуальной свободы, необходимо прежде всего определить, что понимается под "свободой" вообще и под "интеллектуальной свободой" в частности.

Долгое время в нашей науке применялось и казалось незыблемым философское понятие свободы как осознанной необходимости.

Одним из первых свободу как осознанную необходимость определил ещё Спиноза. Затем диалектическое единство и взаимосвязь свободы и необходимости обосновал, правда с идеалистических позиций, Гегель. Впоследствии это определение, соответствующим образом трансформированное и обоснованное с позиций материализма, прочно вошло в марксистско-ленинскую теорию и превратилось в некий не подлежащий сомнению постулат, в общепринятую дефиницию, которой пользовались в своих работах о свободе практически все советские ученые.

В наши дни, когда пересматриваются и даже отбрасываются многие устоявшиеся за десятилетия понятия, догмы и целые теоретические построения, критика не обошла стороной и это определение свободы.

Критически осмысливая определение свободы как осознанной необходимости, целесообразно поставить вопрос: обязательно ли всегда и во всех случаях жестко связывать две эти категории – свободу и необходимость – и выводить одну из другой? По-видимому, представление о том, что степень свободы зависит от полноты осознания необходимости, хотя и отражает соотношение двух указанных

* Профессор кафедры правовых наук Академии пограничных войск, доктор юридических наук.

категорий, вместе с тем не позволяет с достаточной четкостью определить сущность каждой из них, поскольку содержание таких категорий, как свобода и необходимость, не исчерпывается лишь их диалектическим единством и взаимозависимостью. Каждая из этих категорий имеет и свое самостоятельное содержание.

Более того, определение свободы как осознанной необходимости вряд ли можно признать достаточно корректным, поскольку необходимость, пусть даже и осознанная, сама по себе уже предполагает несвободу, зависимость от тех или иных обстоятельств, условий и т.д. И хотя абсолютной свободы не существует, заранее ограничивать свободу в самом ее определении, связывая ее с необходимостью, по-видимому, нецелесообразно, так как при субъективном толковании необходимости это может привести к произвольному ограничению свободы.

Что же такое свобода, как можно определить это понятие?

Отнюдь не претендуя на изложение истины в последней инстанции, полностью отдавая себе отчет в том, что "всякие дефиниции опасны", то есть уязвимы для критики, можно было бы предложить следующее определение понятия "свобода" применительно к общественным отношениям, или, иными словами, понятия "свобода человека". Свобода есть возможность поступать по собственному усмотрению, при условии, что это не нарушает прав и свобод других людей, законов и моральных норм, существующих в обществе, в котором живет данный человек.

При таком подходе понятие "свобода" существенно отличается от трактовки его детерминистами, утверждавшими, что все действия и поступки человека определяются внешними, не зависящими от него обстоятельствами. В своем законченном виде эта концепция ведет к фатализму, обрекает человека на пассивность, на слепое подчинение внешним обстоятельствам, существующим условиям его бытия, отвергает саму возможность изменения этих обстоятельств и условий в результате основанной на свободном волеизъявлении и сознательной деятельности человека.

Вместе с тем предложенное понимание свободы принципиально отлично и от воззрений идеалистов, исходивших из того, что свобода воли, лежащая, с их точки зрения, в основе действий и поступков человека, является ничем не ограниченной и безусловной, полностью индетерминированной.

Указание на то, что человек может поступать по собственному усмотрению, лишь действуя таким образом, чтобы не нарушать прав других людей, как раз и имеет целью подчеркнуть, что свобода не может быть ни абсолютной, ни безграничной, что известное поло-

жение – “жить в обществе и быть свободным от общества нельзя” – вполне справедливо.

Еще Ж. Ж. Руссо утверждал, что свобода каждого кончается там, где начинается свобода другого.

“Права и свободы человека, – подчеркивает известный специалист по вопросам международной защиты прав человека В.А. Карташкин, – нельзя рассматривать как абсолютные и ничем не ограниченные. Человек живет в обществе и действует в рамках определенного коллектива людей. Для нормального же функционирования любого общества нужен определенный порядок... Если бы каждый имел ничем не ограниченные права и свободы, то общество было бы ввергнуто в хаос и анархию”¹.

Не случайно поэтому в статье 29 Всеобщей декларации прав человека, принятой в 1948 году, записано, что “каждый человек имеет обязанности перед обществом, в котором только и возможно свободное и полное развитие его личности”, и что при осуществлении прав и свобод человека законом могут быть установлены ограничения, необходимые в целях “обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе”².

Во внутреннем законодательстве Российской Федерации такой подход к правам человека получил закрепление, в частности, в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом России 22 ноября 1991 г., которая в пункте 1 статьи 4 предусматривает, что “осуществление человеком своих прав и свобод не должно нарушать права и свободы других лиц”. Вместе с тем, согласно пункту 2 статьи 4, “запрещается использование прав и свобод для насильственного изменения конституционного строя, разжигания расовой, национальной, классовой, религиозной ненависти, для пропаганды насилия и войны”³.

При этом неизменно подчеркивается, что любые ограничения прав и свобод человека не могут быть произвольными и должны быть установлены законом. Но в таком случае, может быть, не ссылаясь на нормы морали и нравственности, исходить лишь из того, что свобода находит свое выражение в формуле: “Разрешено все, что не запрещено законом”.

Представляется, что это было бы не вполне адекватным содержанию понятия свободы. Во-первых, те или иные ограничения на свободу индивида могут налагаться не только законом, но и нормами общественной морали, нравственности и другими принятыми в данном обществе правилами поведения, которые законодательно не закреплены, но считаются общепризнанными. Так, появление в об-

щественных местах в нетрезвом состоянии может не быть наказуемым по законам того или иного государства, но, несомненно, противоречит нормам морали.

Во-вторых, утверждая, что свобода индивида не является абсолютной и осуществляется в рамках, определяемых законами, нормами морали и нравственности, существующими в обществе, необходимо подчеркнуть, что такие законы или моральные нормы, которые могут предусматривать определенные ограничения, должны быть демократичными, отражать интересы общества и соответствовать им. Указать на это необходимо, так как возможно принятие недемократических, антинародных по своей сути законов, с помощью которых власти затем попытаются обосновать правомерность неоправданных ограничений прав и свобод человека, массовых репрессий и т.д.

Исходя из предложенного определения понятия "свобода", можно сформулировать и понятие "интеллектуальная свобода".

Интеллектуальная свобода – это возможность беспрепятственного развития интеллектуального потенциала и творческих способностей личности, а также полного удовлетворения духовных потребностей каждого индивида на основе обеспечения прав и свобод человека, признанных в современном обществе.

Какие же права и свободы необходимо обеспечить для того, чтобы каждый человек мог реально пользоваться интеллектуальной свободой?

В широком плане для этого требуется соблюдение и осуществление на практике всех прав и свобод человека, признаваемых в современном обществе и закрепленных в нормах международного права в качестве определенного стандарта, ниже которого не должно опускаться национальное законодательство, устанавливающее конкретные права и свободы индивидов.

И дело здесь не только в том, что, как утверждалось еще в древности, "in favorem libertatis omnia jura clamant" ("в пользу свободы взывают все права"). Дело даже не только в том, что в ООН и на различных форумах по правам человека неоднократно подчеркивалось, что "все права человека и основные свободы неделимы и взаимосвязаны" и что "должно уделяться одинаковое внимание и первостепенное значение осуществлению и защите гражданских, политических, экономических, социальных и культурных прав, и вследствие этого содействие, уважение, осуществление некоторых прав человека и основных свобод не может служить оправданием отказа в других правах и основных свободах"⁴. На неделимость прав человека, недопустимость противопоставления одних прав и свобод другим указывают практически все советские юристы-международники

ки: Р.А. Мюллерсон, Ю.А. Решетов, С.В. Черниченко и другие. "... права человека неделимы, – подчеркивает, например, С.В. Черниченко, – составляют единый комплекс (в том смысле, что какое-либо право или свобода либо группа прав и свобод не могут противопоставляться другому праву или свободе либо другой группе прав и свобод)"⁵.

Таким образом, неделимость прав и свобод человека, недопустимость противопоставления одних прав и свобод другим можно считать общепризнанными.

Тем не менее главный довод в пользу утверждения о том, что в широком плане для обеспечения интеллектуальной свободы важны все права и свободы человека в совокупности, заключается в том, что интеллектуальная свобода действительно невозможна, если не соблюдаются те или иные права человека и основные свободы, прежде всего право на жизнь, личную неприкосновенность, равенство всех перед законом, свобода мысли, совести, убеждений и т.д. Даже такое сугубо "экономическое" право человека, как "право каждого на достаточный жизненный уровень для него и его семьи, включающий достаточное питание, одежду и жилище"⁶, вряд ли кто-либо решится объявить ненужным или излишним для обеспечения интеллектуальной свободы. Все более полное осуществление экономических, социальных и культурных прав необходимо для обеспечения интеллектуальной свободы, которая и сама, в свою очередь, оказывает воздействие на социально-экономическое развитие общества.

Как указывается в Парижской хартии для новой Европы, принятой на встрече глав государств и правительств стран – участниц СБСЕ в ноябре 1990 года, "свободная воля личности, осуществляемая в условиях демократии и защищаемая верховенством закона, составляет необходимую основу для успешного экономического и социального развития"⁷. Более категорично эту мысль высказал еще в 1920 году русский философ Лев Шестов⁸, вынужденный покинуть родину. "Там, где нет свободы, – писал он, – не может быть ни устроенности, ни благосостояния, там вообще не может быть ничего, что ценится людьми на земле"⁹.

Однако при всей взаимосвязанности и неделимости прав человека и основных свобод в целях формирования концепции интеллектуальной свободы, более глубокого уяснения содержания этого понятия, выявления главного, существенного в нем представляется допустимым и с точки зрения методики исследования целесообразным выделить – отнюдь не противопоставляя их другим – те права и свободы, которые в совокупности и обеспечивают интеллектуальную свободу.

Подобные попытки выделить составные элементы свободы неоднократно предпринимались философами и юристами разных стран и разных эпох. Так, например, представитель французского либерализма Бенжамен Констан (1767–1830) под личной свободой понимал прежде всего гражданскую свободу (*liberté civile*), обеспечивающую личности определенную степень независимости от государственной власти. По мнению Б. Констана, личная свобода означает неприкосновенность личности, то есть свободу от произвольного ареста, право высказывать свое мнение, выбирать себе любой промысел и свободно заниматься им, право распоряжаться своей собственностью и даже, как считал он, злоупотреблять ею, право свободно передвигаться, не спрашивая разрешения и не отдавая никому отчета в мотивах изменения местожительства, право проведения собраний, право свободного отправления культа и, наконец, право воздействовать на государственные дела путем избрания всех или хотя бы некоторых должностных лиц или путем подачи петиций¹⁰.

Если исключить упоминаемое Б. Констаном право "злоупотреблять" собственностью, которое было бы неправильно признавать в качестве одного из составных элементов свободы, поскольку такое злоупотребление собственностью чревато нарушением прав и свобод других людей и может, в случае крайних проявлений, оказаться опасным для общества в целом, большинство других указанных им прав и свобод – если не все – вполне можно рассматривать как характерные признаки интеллектуальной свободы.

В современных условиях допустимость подобного выделения той или иной группы прав человека и основных свобод подтверждается существованием двух Международных пактов о правах человека: о гражданских и политических правах и об экономических, социальных и культурных правах¹¹, не говоря уже о принятии отдельных соглашений и конвенций о правах женщин, о правах ребенка, о статусе беженцев, апатридов и т.д. В широком смысле слова все права, предусмотренные в них, входят в общее понятие прав и основных свобод человека, но в целях более полного раскрытия различных сторон этого понятия государства сочли возможным и необходимым заключить по этим вопросам отдельные документы.

В теории международного права существует также деление прав и свобод человека на права первого, второго и третьего поколений. "Многие ученые, – пишет об этом В.А. Карташкин, – подразделяют права человека на три поколения. К первому поколению они относят гражданские и политические права, ко второму поколению – социально-экономические, а к третьему поколению – так называемые "коллективные" или "солидарные" права (право на развитие, право на защиту окружающей среды и другие).

Некоторые западные ученые к третьему поколению относят эклектическую смесь таких "новых" прав, как право на сон, право на изменение пола и т.д."¹².

Не вдаваясь в рассмотрение вопроса о том, насколько правомерно говорить о разных поколениях прав человека или включать в них указанные "новые" права, саму попытку подобной классификации можно рассматривать как подтверждение допустимости выделения той или иной группы прав и свобод человека в целях их более полного исследования¹³.

Исходя из этого, можно попытаться выделить права и основные свободы человека, составляющие суть интеллектуальной свободы. Прежде всего к ним, очевидно, следует отнести такие гражданские и политические права, как право на свободу мысли, совести, убеждений; право беспрепятственно придерживаться своих мнений и право на свободное выражение своего мнения, включая свободу искать, получать и распространять всякого рода информацию и идеи, независимо от государственных границ, устно, письменно или посредством печати или художественных форм выражения или иными способами по своему выбору; право на мирные собрания и на свободу ассоциации с другими, включая право на создание творческих союзов и других общественных организаций; право без какой-либо дискриминации участвовать в ведении государственных дел; право на пользование культурой; право покидать любую страну, включая свою собственную, и возвращаться в нее, свободное передвижение и выбор местожительства; право на свободу и личную неприкосновенность, свободу от произвольного или незаконного вмешательства в личную и семейную жизнь, от незаконных или произвольных посягательств на неприкосновенность жилища или на тайну корреспонденции, на честь и репутацию человека; право на равенство всех перед законом и равную для всех защиту закона.

Разумеется, эти права, закрепленные в Международном пакте о гражданских и политических правах, нельзя рассматривать как исчерпывающие все содержание понятия интеллектуальной свободы. Другие международные соглашения или внутреннее законодательство различных государств могут содержать иные, не менее важные для ее обеспечения права.

Так, согласно статье 29(1) уже упоминавшейся Декларации прав и свобод человека и гражданина, "свобода художественного, научного и технического творчества, исследований и преподавания, а также интеллектуальная собственность охраняются законом".

Даже если подобные положения не включены в международные соглашения по правам человека, ничто не мешает закреплению их в национальном законодательстве, которое, как представляется,

может идти дальше минимальных стандартов, определенных международным правом. Поэтому их включение в Декларацию прав и свобод человека и гражданина, принятую в Российской Федерации, вполне правомерно, а содержание указанных положений содействует более полному раскрытию понятия "интеллектуальная свобода", расширяет круг гражданских и политических прав, необходимых для обеспечения интеллектуальной свободы.

Ряд экономических, социальных и культурных прав также имеет непосредственное отношение к обеспечению интеллектуальной свободы. Это, например, равное для мужчин и женщин право пользования всеми экономическими, социальными и культурными правами, право на труд, справедливые и благоприятные условия труда, право на образование, на участие в культурной жизни, пользование результатами научного прогресса и их практического применения, а также на пользование защитой моральных и материальных интересов, возникающих в связи с любыми научными, литературными или художественными трудами, автором которых является данный человек¹⁴, свобода, необходимая для научных исследований и творческой деятельности.

С интеллектуальной свободой несовместимы любые формы расовой дискриминации, а также любая дискриминация по причинам цвета кожи, пола, языка, религии, политических или иных убеждений, национального или социального происхождения, имущественного положения, рождения, места жительства или иных обстоятельств.

Особое значение для обеспечения интеллектуальной свободы представителей национальных меньшинств имеют нормы международного и национального права, направленные на защиту прав этих меньшинств, в частности закрепляющие их право на пользование родным языком, обучение на родном языке, сохранение и развитие национальной культуры и самобытности, сохранение национальных обычаев, традиций и обрядов.

Все эти права и свободы, круг которых, несомненно, может быть расширен, в совокупности и составляют понятие интеллектуальной свободы, которой должен пользоваться каждый человек.

Вместе с тем разработка общей концепции интеллектуальной свободы не только не исключает, но и предполагает возможность ее конкретизации применительно к той или иной области интеллектуальной деятельности.

Примером такого рода конкретных разработок может служить инициативный проект закона об основах политики развития науки и техники, авторы которого попытались определить специфические права и свободы, обеспечивающие независимость исследователя¹⁵.

В этом проекте предусматривается следующее:

”1. Исследователь свободен в выборе направления, темы и методов исследования и руководствуется своим научным интересом и требованиями гуманизации науки, включая характер и назначение ее достижений.

2. Каждый исследователь, независимо от администрации, с которой он находится в служебных отношениях, имеет право на финансирование заявленных им в порядке конкурса работ и проектов, предоставляемое ему государственными, общественными или иными фондами в виде субсидий (гранта).

3. Исследователь имеет право на признание его авторства на полученные научные или технические результаты, а также право на распоряжение ими в случаях, предусмотренных Законом об изобретениях и другими законами, касающимися интеллектуальной собственности.

4. Государство содействует свободной и своевременной публикации результатов исследования в стране и за рубежом, всемерно способствует открытым и свободным контактам исследователя с международным сообществом.

Исследователь имеет право выбирать место своей работы в любой стране мира на срок, определяемый им самим, исходя из своих научных интересов.

5. Исследователи могут свободно и самостоятельно объединяться в коллективы, ассоциации, союзы и другие добровольные научные объединения, создавать независимые неприбыльные или ориентированные на коммерческий эффект организации (фирмы, предприятия, акционерные компании, корпорации) в любой форме, не запрещенной законом”.

Естественно, приведенный перечень прав исследователя не является исчерпывающим.

Возможна разработка подобных законов для писателей, театральных деятелей, профессорско-преподавательского состава высших учебных заведений, учителей, художников, композиторов и других лиц, с тем чтобы особенности пользования ими интеллектуальной свободой были учтены в таких законах. И хотя в настоящее время специфика деятельности многих из них уже отражена в уставах существующих творческих союзов (писателей, композиторов, кинематографистов и т.п.), законодательное закрепление этой специфики представляется отнюдь нелишним. Тем более, что в них, как и в приведенном выше проекте закона, могут быть урегулированы те или иные отношения между личностью и государством в процессе пользования интеллектуальной свободой в какой-то конкретной области.

Впрочем, этот вопрос представляет интерес и в более широкой постановке – как проблема соотношения прав личности и государственной власти вообще.

При рассмотрении этого вопроса надо, по-видимому, отказаться от высказываемой иногда крайней точки зрения о полной независимости личности от государства как идеального выражения свободы человека. Она просто не отвечает реальности, поскольку личность в своем поведении не может быть полностью независимой от государственной власти, от ее законов, постановлений и предписаний. Однако можно и необходимо обеспечить известную автономию личности от государства.

”Для общества необходимо, – справедливо указывает Б.Н. Топорнин, – чтобы человек развивался в условиях реальной свободы, автономии от государства. Нельзя не согласиться с выводом, согласно которому свобода – органическая среда обитания личности...”¹⁶.

Во всяком случае, права и свободы человека, и прежде всего те, которые составляют суть интеллектуальной свободы, должны считаться естественными, прирожденными, неотъемлемыми правами, и их конституционное или иное законодательное закрепление означает лишь признание их таковыми со стороны государства. При этом важно подчеркнуть, что ”права и свободы не даруются государством, за это не следует благодарить. Все права изначально принадлежат человеку, и государство лишь обязано гарантировать их соблюдение”¹⁷.

В течение длительного времени, во всяком случае в нашей стране, вопросы прав и свобод человека, конкретные меры по их обеспечению и защите считались внутренним делом государства, а вмешательство других государств, мирового сообщества в такие дела рассматривалось как противоправное и недопустимое, как нарушение принципов международного права.

Сегодня все более широко признается необходимость принципиально нового подхода к правам человека. Поэтому вполне справедливо мнение председателя Комитета по правам человека Верховного Совета Российской Федерации С. Ковалева, считающего, что ”давно пора забыть все ненужные слова о принципе невмешательства во внутренние дела. Когда речь идет о правах человека, нужно вмешиваться”¹⁸.

Такая точка зрения нашла отражение и в Документе Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ, в котором подчеркивается, что ”вопросы, касающиеся прав человека, основных свобод, демократии и верховенства закона, носят международный характер, поскольку соблюдение этих прав и свобод составляет одну из основ международного порядка... и не относятся

к числу исключительно внутренних дел соответствующего государства”¹⁹.

Для того, чтобы выполнить свои международные обязательства, гарантировать соблюдение прав и основных свобод человека, государство закрепляет их в конституции или отдельном акте, принимает необходимые законы. При этом в правовом государстве закон – выше власти, право – выше политики.

Разумеется, законы должны приниматься демократическим путем, быть демократичными и по своему содержанию. Вместе с тем законы должны быть стабильными и повсеместно строго исполняться, иначе невозможно не только обеспечение прав и свобод человека, но вообще никакое нормальное развитие общества, экономики и т.д. Как справедливо заметил Э. Бернштейн (1850–1932), ”везде, где нет упорядоченных правовых отношений, где господствует неуверенность в области права, где сегодня не знают, какие законы будут завтра, там наступает разорение”²⁰.

Таким образом, личность имеет право на пользование определенными естественными и неотчуждаемыми правами и свободами, а государство обязано признавать их и путем принятия демократических законов и иными средствами обеспечивать соблюдение этих прав и свобод. Это положение, как представляется, должно быть главным и определяющим в отношениях между личностью и государством.

В настоящее время это положение, имеющее прямое и непосредственное отношение к формированию концепции интеллектуальной свободы, получило закрепление в российской Декларации прав и свобод человека и гражданина. Как указывается в преамбуле декларации, она утверждает ”права и свободы человека, его честь и достоинство как высшую ценность общества и государства”.

Принципиальное значение для решения вопроса о соотношении прав личности и государственной власти имеет положение статьи 1 декларации: ”Права и свободы человека принадлежат ему от рождения”. Следовательно, эти права и свободы являются естественными и неотчуждаемыми²¹. Государство же обязано обеспечивать их соблюдение и защищать каждого человека от нарушения присущих ему прав и свобод.

Это важнейшее положение должно иметь приоритетное значение в законодательной и правоохранительной деятельности государства, и все противоречащие ему законодательные акты должны быть отменены или соответствующим образом изменены.

Так, с понятием свободы вообще и интеллектуальной свободы в частности несовместимо использование в законодательстве положений, подобных формулировкам ныне утратившей силу Конституции

СССР 1977 года, согласно статье 50 которой свобода слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций гарантировалась не безусловно, как это должно быть, а лишь "в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя". То же самое следует сказать и о статьях 47 и 51 Конституции бывшего СССР, где свобода научного, технического и художественного творчества, а также право объединяться в общественные организации предоставлялись гражданам "в соответствии с целями коммунистического строительства".

И дело здесь не только в том, что ныне у нас уже не идет речь о "развитии социалистического строя" или о "коммунистическом строительстве". Дело, в принципе, в том, что, как справедливо отметил Р.А. Мюллерсон, права и свободы должны гарантироваться всем людям, независимо от их приверженности к тому или иному общественному строю, их политических убеждений или принадлежности к какой-либо партии или иной общественной организации²². На недопустимость подобных "условий" пользования правами и свободами указывал, исследуя конституцию Гондураса, в которой такие условия касаются свободы совести, ассоциаций и других прав человека, профессор политических наук Орегонского университета США Глен С. Дили.

Очевидно, что в конституциях и других законодательных актах следует избегать каких-либо "привязок" прав и свобод человека к существующему общественному строю, а там, где они еще сохранились, их необходимо исключить. Следует также устранить противоречия между принятыми актами РФ и еще не отмененными законами бывшего СССР²³, а также отдельными принятыми ранее российскими законами, не отвечающими современному уровню развития демократии. В этих целях было бы целесообразно принять специальное постановление Верховного Совета Российской Федерации о том, что все законодательные и иные нормативные акты в части, противоречащей Декларации прав и свобод человека и гражданина, объявляются недействительными и подлежат отмене²⁴. Это дало бы возможность не только устранить все и всякие расхождения с декларацией, выявленные в том или ином законе, но и не допускать подобных расхождений впредь.

Тем самым Российская Федерация существенно продвинулась бы вперед по пути выполнения лежащей на ней как на участнице СБСЕ обязанности привести свое национальное законодательство в соответствие с международными стандартами в области прав и основных свобод человека, подтвержденной в Итоговом документе Венской встречи руководителей государств Европы, США и Канады, принятом 15 января 1989 г.

Принимаемые государством во исполнение своих международных обязательств и собственного законодательства меры по обеспечению интеллектуальной свободы могут дополняться соответствующими действиями и инициативами общественных организаций и объединений граждан.

Так, в феврале 1991 года Союз кинематографистов страны на своем пленуме принял специальную резолюцию о защите свободы слова и создании в этих целях Фонда защиты гласности, который вскоре был официально зарегистрирован. Целями фонда являются: материальная и юридическая поддержка журналистов, документалистов, работников телевидения, на которых оказывается давление; помощь семьям уволенных или погибших работников средств массовой информации; поддержка независимых изданий, новых телестудий и т.п. Его основное назначение – способствовать свободе слова, независимости средств массовой информации²⁵. В Союзе журналистов создан Комитет по защите свободы слова и прав журналистов, преследующий аналогичные цели²⁶.

Определенные права и обязанности, связанные с интеллектуальной свободой, имеет и общество в целом. К числу его обязанностей можно отнести, например, обязанность создавать благоприятную общественную атмосферу для развития творческих способностей личности и удовлетворения духовных потребностей каждого члена общества; оказывать моральную поддержку и поощрять творческий поиск, научные открытия и изобретения; воспитывать художественный вкус, терпимость к различным формам проявления творчества, к мнениям и убеждениям, не совпадающим с традиционными; содействовать привитию культуры научных и творческих дискуссий и т.д.

Общество вправе всеми доступными ему средствами бороться как против нарушения интеллектуальной свободы, ее неоправданных ограничений, так и против злоупотреблений этой свободой, которые хотя и не преследуются по закону, но несовместимы с признаваемыми в данном обществе моральными, нравственными, духовными ценностями и этикой поведения.

Если при этом усилия общества по обеспечению интеллектуальной свободы и защите от злоупотребления ею совпадают с соответствующей деятельностью государства и его органов и дополняют ее, то это свидетельствует о подлинно демократическом характере общественного развития. Если же интересы общества и государства в этой области расходятся или даже противоречат друг другу, то это может означать лишь то, что уровень развития демократии в данном государстве еще недостаточен.

В заключение следует подчеркнуть, что предложенная в статье концепция интеллектуальной свободы не будет целостной, если не указать, что такая свобода не только предполагает пользование индивида соответствующими правами, но и налагает на него определенные обязанности. Это было отмечено еще во Всеобщей декларации прав человека 1948 года, в Декларации прав и свобод человека и гражданина 1991 года.

Более подробно вопрос о возможности таких ограничений, их характере и пределах излагается в ряде статей Международного пакта о гражданских и политических правах. Так, пункт 3 статьи 12 этого пакта, закрепляющей право на свободное передвижение в пределах территории государства, свободу выбора местожительства, право покидать любую страну, включая свою собственную²⁷, предусматривает, что эти права "не могут быть объектом никаких ограничений, кроме тех, которые предусмотрены законом, необходимы для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения или прав и свобод других и совместимы с признаваемыми в настоящем Пакте другими правами"²⁸.

Возможность аналогичных ограничений свободы совести и убеждений предусмотрена пунктом 3 статьи 18 пакта. Право на свободное выражение своего мнения, предусмотренное в статье 19 Международного пакта о гражданских и политических правах, также может быть ограничено, поскольку, как сказано в пункте 3 этой статьи, оно "налагает особые обязанности и особую ответственность. Оно может быть, следовательно, сопряжено с некоторыми ограничениями, которые, однако, должны быть установлены законом и являться необходимыми: а) для уважения прав и репутации других лиц; б) для охраны государственной безопасности, общественного порядка, здоровья или нравственности населения". На тех же основаниях допускается ограничение права на мирные собрания, предусмотренного статьей 21, и права "на свободу ассоциации с другими, включая право создавать профсоюзы и вступать в таковые для защиты своих интересов", закрепленного в статье 22.

Как видно из этих статей, ограничения допускаются лишь в отношении некоторых прав и свобод в случаях, если они установлены законом и необходимы для защиты государственной безопасности, общественного порядка, здоровья и нравственности населения.

Что же касается Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах, то в нем предусматриваются "только такие ограничения этих прав, которые определяются законом, и только постольку, поскольку это совместимо с природой указанных прав, и исключительно с целью способствовать общему благосостоянию в демократическом обществе" (ст. 4).

Говоря о возможности указанных ограничений, следует подчеркнуть, что государства не вправе выходить за рамки, определенные для введения подобных ограничений в Международных пактах о правах человека²⁹. Любые такие ограничения не могут быть произвольными: они должны быть установлены законом, а причины, побудившие государство установить их, — подлинными, а не мнимыми. Представляется, что в демократическом государстве любые из допустимых ограничений прав и свобод человека могут вводиться лишь в виде редчайших исключений из общего широкого признания за личностью прав человека и основных свобод.

Таковы те принципиальные положения, которые, по нашему мнению, могут быть положены в основу концепции интеллектуальной свободы.

¹ Карташкин В.А. Международная защита прав человека. — М., 1976. — С. 92.

² Как будет показано ниже, возможность законодательного ограничения определенных прав и свобод предусматривается и в Международных пактах о правах человека.

³ Здесь и далее Декларация прав и свобод человека и гражданина цит. по: *Российская газета*. — 1991. — 25 дек.

⁴ Декларация о праве на развитие. Резолюция Генеральной Ассамблеи ООН 41/128 от 4 декабря 1986 г. На неделимость и взаимную связь прав человека и основных свобод указывается и во многих других документах.

⁵ Черняченко С.В. Борьба с нарушениями прав человека и международные процедуры // Сов. государство и право. — 1980. — № 1. — С. 92.

⁶ Статья 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах.

⁷ *Правда*. — 1990. — 22 нояб.

⁸ Его настоящее имя — Лев Исаакович Шварцман.

⁹ Цит. по: *Новое время*. — 1991. — № 35. — С. 43.

¹⁰ См. *История политических учений*. — М., 1955. — С. 369–370.

¹¹ Правда, первоначально предполагалось принять один пакт, который охватывал бы все права и свободы человека, но в дальнейшем было решено разрабатывать два международных пакта. Каковы бы ни были причины такого решения, существование двух пактов о правах человека может служить подтверждением возможности выделения той или иной группы прав и свобод человека, объединенных внутренней общностью, при условии, что любая такая группа прав и свобод не противопоставляется другим правам и свободам и не служит целям умаления их значения.

¹² Карташкин В.А. Всеобщая декларация и права человека в современном мире (К 40-й годовщине принятия Всеобщей декларации прав человека) // Сов. ежегодник международного права. 1988. — М., 1989. — С. 43–44.

¹³ В государственном праве тоже существует деление прав и свобод человека на политические, социально-экономические и личные. См. **Топорнин Б.Н.** Декларация прав человека: новые подходы // *Права человека: проблемы и перспективы.* — М., 1990. — С. 24.

¹⁴ Особую проблему, заслуживающую специального рассмотрения, составляет защита интеллектуальной собственности, являющаяся объектом регулирования ряда международных соглашений и национального законодательства государств.

¹⁵ Текст инициативного проекта см. **Сов. государство и право.** — 1991. — № 7. — С. 73–74.

¹⁶ **Топорнин Б.Н.** Указ. соч. — С. 18.

¹⁷ **Млечин Л.** Цветы для третьей корзины // *Новое время.* — 1989. — № 24. — С. 15.

¹⁸ **Ковалев С.** Союз требовал контроля, но Запад ему отказал // *Новое время.* — 1991. — № 40. — С. 19.

¹⁹ **Документ Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ** // *Сов. журнал международного права.* — 1991. — № 3–4. — С. 117.

²⁰ Цит. по: **Новое время.** — 1991. — № 29. — С. 43. Это написано давно, но, как будто заглядывая в наш сегодняшний день, Э. Бернштейн добавил еще одну фразу: "И, к сожалению, такую картину видим мы и в России".

²¹ Отмечая это, следует сказать, что указанное положение можно считать новеллой нашего законодательства, поскольку ранее естественные, неотъемлемые права человека и даже ссылки на такие права отсутствовали. В других государствах естественный характер прав человека признан уже давно. Так, при обсуждении американского Билля о правах профессор Луис Хенкин из Школы права университета штата Колумбия специально подчеркнул, что в США деятельность правительства "ограничена естественными и неотъемлемыми правами человека" (см. *American Society of International Law. Proceedings of the 70-th Annual Meeting.* — Washington, 1976. — P. 89).

²² См. **Сов. государство и право.** — 1991. — № 2. — С. 39.

²³ В постановлении Верховного Совета РСФСР "О ратификации Соглашения о создании Содружества независимых государств" № 2014-1, принятом 12 декабря 1991 г., указывается, что "на территории РСФСР до принятия соответствующих законодательных актов РСФСР нормы бывшего Союза ССР применяются в части, не противоречащей Конституции РСФСР, законодательству РСФСР и настоящему Соглашению".

²⁴ Эта мысль уже заложена в постановлении Верховного Совета Российской Федерации о принятии Декларации, в котором ряду комитетов Верховного Совета дано поручение "подготовить предложения по приведению законодательства РСФСР в соответствие с положениями настоящей Декларации". Однако на это потребуются время, и немалое. А специальное постановление, о котором идет речь, сразу решило бы эту проблему.

²⁵ **Известия.** — 1991. — 10 июня.

²⁶ **Там же.**

²⁷ Пункт 4 статьи 12 предусматривает также, что "никто не может быть произвольно лишен права на въезд в свою собственную страну".

²⁸ **Международное право в документах.** — М., 1982. — С. 322.

²⁹ См. **Баранченков С.М.** Правовое содержание принципа наибольшего благоприятствования индивиду // *Сов. журнал международного права.* — 1991. — № 1. — С. 115–118.

Международное гуманитарное право

ВОЗБУЖДЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ВРАЖДЫ В КОНТЕКСТЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА, ЗАРУБЕЖНОЙ И РОССИЙСКОЙ СУДЕБНОЙ ПРАКТИКИ

Ю.А. Решетов *

I. Современное международное гуманитарное право превращает все формы расовой дискриминации, одной из которых является возбуждение национальной или расовой вражды. Это запрещение носит, по существу, абсолютный характер. В практическом плане в связи с этим возникает целый ряд трудностей, поскольку его последовательное осуществление может и должно вести к некоторым ограничениям свободы выражения убеждений или свободы ассоциаций. Имеются в виду случаи, когда свобода выражения убеждений или свобода ассоциаций используются для подстрекательства к расовой дискриминации и национальной вражде.

Не вдаваясь в дискуссию о правовом характере положений документов общеевропейского процесса по вопросам о правах человека, которые, с нашей точки зрения, являются обязательными, в том числе и с юридической точки зрения, и соответствуют нормам общего международного права, сошлемся на Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. В нем государства – участники СБСЕ заявили, что они "четко и безоговорочно осуждают тоталитаризм, расовую и этническую ненависть, антисемитизм, ксенофобию и дискриминацию против кого бы то ни было, а также преследования по религиозным и идеологическим мотивам"¹.

Общепризнанно, что одной из основных норм, регулирующих вопросы осуществления прав человека, является обязанность государств обеспечить эффективные средства внутренней защиты в случае их нарушений. По эффективности этих средств можно де-

* Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Республике Исландия, доктор юридических наук.

лать вывод о подлинном или мнимом демократизме той или иной страны.

В Копенгагене государства – участники СБСЕ заявили также о том, что "будут принимать эффективные меры, включая, в соответствии с их конституционными обязательствами, принятие таких законов, которые могут быть необходимы для обеспечения защиты от любых актов, которые представляют собой подстрекательство к насилию против лиц или групп, основанное на национальной, расовой, этнической или религиозной дискриминации, враждебности или ненависти, включая антисемитизм", и "будут признавать право каждого лица на эффективные средства правовой защиты и будут стремиться признавать, в соответствии с национальным законодательством, право заинтересованных лиц и групп выступать с жалобами и поддерживать жалобы по поводу актов дискриминации, включая акты расизма и ксенофобии"².

II. Как показал вековой опыт развития демократических государств, традиционным и едва ли не самым надежным средством в системе средств защиты в случае нарушений прав человека зарекомендовал себя суд.

Представляемые многими государствами доклады в Комитет по ликвидации расовой дискриминации о выполнении принятых ими на себя обязательств по выполнению Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации свидетельствуют о довольно широкой, и прежде всего судебной, практике по охране расового равноправия и позволяют составить представление о принципах такой охраны.

Так, в *Нидерландах* вопрос о том, является ли осуществление основного права человека нарушением другого основного права, входит в компетенцию судов. В случаях расовой дискриминации суды принимают решения в соответствии с уголовным или гражданским правом³. При этом критерием подсудности расистских высказываний или материалов является их публичный характер. Направление писем или печатных материалов подобного характера по адресам отдельных лиц не может рассматриваться в качестве публичного выражения взглядов⁴. Например, в 1986 году в Департаменте государственного прокурора для производства судебного расследования было зарегистрировано 66 подобных дел⁵.

Видимо, типичным и показательным для понимания позиции нидерландского законодательства и судов является дело о публичном утверждении того, что евреи сами вызвали на себя преследование в результате распятия Христа, которое суд квалифицировал в качестве оскорбительного, вредного и клеветнического⁶.

Применительно к рассматриваемому вопросу Уголовный кодекс Швеции (разд. 8 гл. 16) гласит: "Если лицо публично или иным образом, в заявлении либо в другом сообщении, которое распространяется среди населения, угрожает этнической группе или любой другой аналогичной группе лиц и выражает пренебрежение путем уничижительного упоминания о расе, цвете кожи, национальном или этническом происхождении и вероисповедании, оно приговаривается к тюремному заключению за агитацию против этнической группы максимум на два года либо к штрафу, если правонарушение является мелким"⁷.

В соответствии с положениями Закона о свободе печати, ответственность за такие заявления возникает в случае их распространения в виде печатных изданий.

В Дании действуют Закон от 9 июня 1971 г., запрещающий дискриминацию по расовому признаку, и статья 266 б) Уголовного кодекса⁸. По двум делам, касающимся нарушения этой статьи, обвиняемые признали, что ими были сделаны оскорбительные и уничижительные замечания в отношении группы лиц по причине их национального и этнического происхождения. В обоих случаях на них наложили наказание в виде штрафов или десятидневного тюремного заключения общего режима⁹.

В докладе Франции сообщалось о довольно значительном числе судебных решений (34), связанных с подстрекательством к расовой вражде, и о правовых принципах, регулирующих судебную практику в этом отношении. К числу таких принципов относятся:

а) факт распространения через печать материала расистского характера представляет собой правонарушение – подстрекательство к расовой вражде;

б) если даже материал написан в юристической форме, но, тем не менее, представляет собой критические замечания в отношении французского законодательства, равно как и в отношении поведения определенных этнических групп, что затрагивает их честь и достоинство, он представляет собой акт подстрекательства к расовой вражде;

в) публикация материала расистского характера разрешается, если при этом такой материал сопровождается изложением позиции, избличающей содержащиеся в нем оскорбительные высказывания и суждения расистского характера¹⁰.

Мерой наказания за подстрекательство к расовой вражде являются штраф и публикация соответствующего судебного решения¹¹.

Интересна судебная практика ФРГ. Так, в 1984 году к лишению свободы был дважды приговорен человек, признанный виновным в

подстрекательстве населения (ст. 130 Уголовного кодекса) посредством антисемитской агитации и пропаганды, направленной против иностранцев, а также в распространении пропагандистских материалов и использовании символов антиконституционных организаций.

Подсудимый, поддерживающий национал-социалистскую идеологию, неоднократно распространял национал-социалистские символы (свастику), вывешивал лозунги (такие, как "не покупайте у евреев", "иностранцы, убирайтесь вон", сопровождавшиеся изображением свастики) и распространял пропагандистские издания в целях содействия деятельности национал-социалистских организаций.

В отличие от суда первой инстанции, который приостановил исполнение приговора с целью условно-досрочного освобождения осужденного, федеральный суд основывал свое решение на том факте, что защита правовой системы требует исполнения приговоров. Правонарушения, совершавшиеся подсудимым на протяжении ряда месяцев, свидетельствовали о значительной степени противоправности и зломном несоблюдении им закона. По мнению федерального суда, утверждение о том, что эти действия не нашли "большой поддержки" и "не привлекли особого внимания", не имеет отношения к делу. Достаточно уже и того, что вышеназванные действия могли привести к серьезным общественным беспорядкам. Приостановка исполнения приговоров к лишению свободы сроком по одному году каждый, вынесенных за совершение серьезного правонарушения, с учетом впечатления об усиливающихся праворадикальных настроениях в Федеративной Республике Германии, созданного многократностью подобных действий, могла бы привести к неправильному толкованию и подорвать доверие общества к эффективности правовой системы и судов. И, наконец, федеральный суд пришел к заключению, что если бы исполнение приговора, вынесенного по данному делу, было приостановлено, то у населения могло бы сложиться мнение, что суды проявляют снисходительность по отношению к праворадикальным элементам¹².

В том же году к десяти месяцам лишения свободы был приговорен человек за совершение различных правонарушений, включая клевету, связанную с оскорблением памяти умерших лиц, подстрекательство населения, принуждение к использованию символов бывших национал-социалистских организаций. Он, в частности, подготовил публикации, в которых отрицалось истребление евреев ("ложь о массовом уничтожении людей"; "газовых камер не было"; "каждое слово Симона Визенталя – это ложь"). Суд пришел к заключению, что отрицание той трагической участи, которая выпала на долю евреев, равносильно продолжению дискриминации. В качест-

ве отягчающего обстоятельства суд учел особое упорство и настойчивость, проявленные подсудимым в совершении данных правонарушений.

При определении приговора сыграло свою роль и стремление противодействовать преступным действиям праворадикальных группировок¹³.

В *Великобритании* вопросы, касающиеся разжигания расовой ненависти, регулируются частью III Закона 1986 года об охране общественного порядка, вступившего в силу 1 апреля 1987 г. Лица, совершающие действия, которые содержат угрозу, злоупотребление или оскорбление, демонстрирующие, публикующие или распространяющие такие материалы, являющиеся виновными в правонарушении не только в тех случаях, когда речь идет о возможности разжигания расовой ненависти (уже совершенное правонарушение), но и когда данное лицо намерено разжигать расовую ненависть. Кроме того, часть III закона распространяется и на вещание (за исключением Би-си и Ай-би-эй, которые являются ответственными государственными организациями, придерживающимися в своей деятельности строгих обязательств относительно норм подготовки передач), кабельные и иные средства информации, которые производят запись изображения или звука. Было также определено новое правонарушение, заключающееся в обладании материалами, способствующими разжиганию расовой ненависти. Любое лицо, обладающее письменными материалами, заключающими в себе угрозу, злоупотребление или оскорбление, в целях их распространения или публикации с намерением разжигания расовой ненависти посредством опубликования или в тех случаях, когда такое опубликование может повлечь за собой разжигание ненависти, является виновным в совершении правонарушения. Полиция была облечена новыми полномочиями, предусматривающими обыски и аресты при обнаружении материалов, подстрекающих к разжиганию расовой ненависти, а суды могут выносить решения об их конфискации¹⁴.

Что же касается организаций, подстрекающих к расовой дискриминации, то по закону 1936 года об охране общественного порядка считается противоправным ношение в общественном месте формы политических организаций или создание и обучение полувоенных формирований. Кроме того, все последовательно сменявшие друг друга правительства Соединенного Королевства придерживались мнения, что при условии соблюдения законов люди должны иметь право создавать политические организации и что в этом праве следует отказывать только в исключительных случаях. Поэтому юридический запрет распространяется лишь на те организации, которые явно привержены терроризму или которые стремятся к насильственному

ниспровержению государственного строя (практически это организации, связанные с Северной Ирландией). Не считается правонарушением обращение за финансовой помощью для любых организаций, за исключением организаций, запрещенных законом. Однако расширение положений о разжигании расовой ненависти укрепляет закон, препятствуя деятельности любой организации, которая распространяет оскорбительные и подстрекательские взгляды по расовым вопросам¹⁵.

Совершенно другой подход к возбуждению ненависти характерен для американской юриспруденции, базирующейся при этом на Конституции США¹⁶. Он сводится к тому, что, как это было установлено в деле Бранденбург против Огайо (1969 г.), расистские высказывания могут быть осуждены или запрещены только в случае, если они направлены на возбуждение или на то, чтобы вызвать немедленные незаконные действия или смогут возбудить и вызвать подобные действия¹⁷.

Руководствуясь американским конституционным правом, и в первую очередь Первой поправкой к Конституции, американские суды "анализировали степень близости между словами и последствиями, намерение автора, высказывания и точный смысл слов"¹⁸.

И причина такого, как кажется, излишне терпимого подхода к расистским высказываниям не в том, что конституционная система США "рассматривает пропаганду ненависти желательной, но скорее в том, что, несмотря на осуждение "пропаганды ненависти", она придает большее значение свободе выражения"¹⁹.

В вышеприведенном деле, которое рассматривается в американской юриспруденции в качестве исторического, было подтверждено право Ку-клукс-клана публично призывать к депортации из США черных и евреев (в Африку и Израиль), если только эти призывы не направлены к немедленным насильственным действиям²⁰.

Американский юрист Ф. Абрамс считает, что такой подход имеет несколько причин. Законодательство, регулирующее свободу слова, не может учитывать содержание высказываний. Он приводит при этом слова профессора Прайба: "Если Конституция побуждает правительство разрешать людям организовывать шествия, выступать и писать в защиту мира, братства и справедливости, то она должна также требовать от правительства разрешить им выступать в поддержку ненависти, расизма и геноцида"²¹.

Утверждается также, со ссылкой на ряд стран (Великобританию, США, Францию), что ограничение свободы слова чаще всего имеет не положительные, а негативные последствия для охраняемого меньшинства²². Не скрывают американцы и того факта, что такое либеральное отношение к пропаганде ненависти в США объясняется тем,

что у них не было трагического (европейского) опыта²³. И, наконец, высказывается мысль, что даже самые крайние высказывания содержат какую-то полезную информацию и что поэтому всегда лучше разрешить какие-то высказывания, чем запретить их²⁴.

III. Что же касается наших традиционных подходов к национальной проблематике, то до недавнего времени для них были характерны политико-идеологизированный характер, фактическое забвение или умаление роли судебных средств охраны национального достоинства. Так, Н.В. Витрук в разделе своей монографии, посвященной равноправию рас и национальностей в бывшем СССР, отталкиваясь от конституционных положений, дает краткую характеристику положения народов в царской России для того, чтобы затем описать то, что было принято выдавать за достижение фактического равенства всех наций и народностей в СССР (развитие бывших колоний, преподавание на местных языках и т.д.)²⁵.

Такой же подход присущ и коллективной монографии "Международные пакты о правах человека и советское законодательство" (раздел "Равноправие народов и наций")²⁶.

В последние годы, в условиях нашей открытости и гласности, на смену воспеванию решения национального вопроса в СССР пришло реалистическое освещение межнациональных отношений в нашей стране. К сожалению, их обострение приобрело невиданно напряженный, трагический характер, когда во многих случаях используется силовое давление, насилие со стороны тех или иных национальных групп, направленные против других национальных групп. В ответ на это со стороны правоохранительных органов имеет место также обращение к силе. Эти явления сопровождаются, как правило, массовыми и неприкрытыми призывами к национальной ненависти и нетерпимости. Отсюда – появление миллионов внутренних беженцев, выезд за рубеж сотен тысяч советских граждан. Правда, в отношении последнего явления данная причина вряд ли является единственной или даже доминирующей. Однако, видимо, для многих, кто принял решение эмигрировать, она, безусловно, играла какую-то роль наряду с другими мотивами.

В этих условиях поистине взрыва межнациональных отношений, конечно, вряд ли было бы реалистичным рассчитывать только на судебные меры пресечения розни между народами. Необходимо – и оно уже ведется – преобразование всей базы этих отношений на основе демократии и современных рыночных отношений, что в перспективе приведет к восстановлению согласия между национальностями. И все же неиспользование судебных мер в современных условиях является прежде всего инерцией прежних подходов, характерных для неправового государства. Эти подходы изживаются с боль-

шим трудом, причем очень часто в виде вербальных заверений в верности юридическим нормам. Характерен в этом отношении десятый периодический доклад бывшего СССР Комитету по ликвидации расовой дискриминации о принятии в Союзе за 1988–1990 годы законодательных, судебных, административных и других мер, с помощью которых проводятся в жизнь положения Международной конвенции о ликвидации всех форм расовой дискриминации.

В разделе доклада о выполнении положений статьи 4 конвенции, посвященных как раз юридическим, в частности судебным, мерам борьбы с расовой дискриминацией, говорилось: "В соответствии со ст. 36 Конституции СССР, запрещающей всякую проповедь расовой или национальной исключительности, вражды или пренебрежения, в советском законодательстве последовательно проводится линия пресечения создания и деятельности организаций, занимающихся расистской деятельностью и возбуждением национальной вражды и розни".

2 апреля 1990 г. был принят Закон СССР "Об усилении ответственности за посягательства на национальное равноправие граждан и насильственное нарушение единства территории Союза ССР". В статье 1 Закона отмечается: "Деятельность любых объединений граждан, в том числе политических партий, общественных организаций и массовых движений, направленная на возбуждение национальной или расовой вражды, розни или пренебрежения, применение насилия на национальной, расовой, религиозной основе, а также их деятельность, непосредственно направленная на насильственное нарушение закрепленного Конституцией СССР единства территории Союза ССР, союзных и автономных республик, автономных областей и округов, является противозаконной и подлежит запрету".

Закон полностью соответствует международным обязательствам страны, а именно: запретить любую деятельность, направленную на разжигание национальной ненависти, дискриминации, вражды и насилия. Организации, преследующие такие цели, объявляются вне закона, подлежат роспуску, а их имущество переходит к государству. Предусматривается ответственность в виде крупного штрафа за действия по созданию подобных организаций и активное участие в тех из них, деятельность которых запрещена. Усилена уголовная ответственность за публичные призывы к насильственному свержению советского государственного и общественного строя или к насильственному нарушению единства Союза ССР²⁷.

Характерно, что здесь совершенно не нашел отражения тот факт, что именно в этот период были изменены формулировки статьи 74 Уголовного кодекса РСФСР "Нарушение национального и расового равноправия". Однако эти изменения заслуживают анализа.

Ранее формулировка статьи 74 содержала два состава. Первый из них – "пропаганда или агитация с целью возбуждения расовой или национальной вражды или розни". Теперь же к преступным были отнесены "умышленные действия, направленные на возбуждение национальной или расовой вражды и розни, на унижение национальной чести и достоинства". Первое из этих изменений вряд ли является желательным с точки зрения защиты национального и расового равноправия, поскольку при рассмотрении таких дел нужно будет доказывать и умышленный характер. Упоминание здесь такого характера и не нужно, поскольку в статье уже говорится о направленности таких действий.

Второе же дополнение существенно и оправданно, поскольку расширяет объективную сторону преступления, включая в нее действия, унижающие национальную честь и достоинство.

Второй состав, а именно прямое или косвенное ограничение прав или установление прямых или косвенных преимуществ граждан в зависимости от их расовой или национальной принадлежности, в нашей стране не применялся, несмотря на многие факты, свидетельствующие как раз о необходимости его применения, и остался без изменений. Санкция в этой части статьи установлена до трех лет лишения свободы.

Вторая часть этой статьи предусматривает, что те же действия, соединенные с насилием, обманом или угрозами, а равно совершенные должностным лицом, наказываются лишением свободы на срок до пяти лет. Думается, что особенно важным здесь является установление более жесткой санкции для должностных лиц, поскольку возбуждение национальной вражды с их стороны, несомненно, носит особенно опасный характер.

Наконец, важным нововведением является третья часть нынешней редакции статьи 74, устанавливающая, что действия, предусмотренные частями первой или второй, совершенные группой лиц либо повлекшие гибель людей или иные тяжкие последствия, наказываются лишением свободы на срок до десяти лет. Здесь важным является распространение повышенной санкции на действия группы лиц, как отягчающее ответственность обстоятельство. Обращает на себя внимание и серьезный характер санкции.

Этот анализ является, однако, сугубо теоретическим, поскольку эта статья как в ее старой, так и в новой редакции практически не применялась, несмотря на, как мы уже отмечали, широкий размах проявлений в стране подстрекательства к национальной вражде.

Здесь, однако, надо сказать, что какой-либо статистики у нас по этому вопросу не ведется. Поэтому сошлемся на имеющийся у нас пример, касающийся лиц только одной национальности.

Опрос, проведенный летом 1990 года Антидиформационной лигой среди 500 советских эмигрантов в Израиле, показал, что за предшествовавшие два года 467 из них были вовлечены в акциденты антисемитского характера; 15 процентов сообщили о выпадах против детей, в то время как в 15 процентах других случаев имели место настенные надписи и ущерб имуществу; 5 процентов опрошенных указали на прямые физические посягательства²⁸.

Несомненно, что возбуждение национальной вражды – помимо антисемитизма как формы расовой дискриминации – имеет в нашей стране широкий размах в отношении лиц и других национальностей. И хотя меры борьбы с такими проявлениями должны носить самый строгий характер и быть самыми разнообразными, несомненно, как мы уже отмечали выше, что важное место среди них должны занять судебные.

В этой связи особого внимания заслуживает единственный известный нам случай применения статьи 74 УК РСФСР. Так, 18 января 1990 г. Осташвили Константин Владимирович, 1936 года рождения, образование – среднее, русский, оператор одного из московских НИИ, явился на мероприятие "Открытый микрофон" писательской организации "Апрель" в Центральном доме литераторов в Москве и, используя мегафон, совершал оскорбления, затрагивающие национальную честь и достоинство евреев, сопровождаемые угрозами и призывами к совершению над ними насилия (в частности: "вы, ублюдки", "вы, отколовшиеся от русских писателей жидомасоны", "мы в своей стране, а вы, пришельцы, покиньте зал", "товарищи евреи, покиньте зал", "теперь мы будем хозяевами страны, коренные жители, а вы, пришельцы, убирайтесь в Израиль", "прошу закрыть двери, сейчас будем всех арестовывать", "им место в Израиле, всем этим подонкам" и другие, подобного же характера). В зале произошли стычки, в ходе которых раздавались взаимные угрозы, оскорбления, применялось насилие, в том числе были нанесены телесные повреждения²⁹. Разносились фразы о еврейских погромах³⁰, было предпогромное состояние³¹, стали угрожать насилием 5 мая³².

Осташвили свою вину не признал. Его мотивировка сводилась к следующему:

– Свое поведение он объяснял тем, что был возмущен, спровоцирован отменой вечера в связи с возникшей обстановкой, и отрицал наличие у него умысла возбудить национальную вражду или унижить национальную честь и достоинство.

– Хотя вместе с ним были его единомышленники, о каких-либо совместных действиях они не договаривались.

– Он признал содержание им сказанного, однако утверждал, что угрозы в содержании и смысле им сказанного не содержались³³.

Тезис об отсутствии у Осташвили умысла был основным и в аргументации адвоката Н. Сапегинной: "Есть главное, что должно доказать следствие по этому делу, — это умысел". При этом, по ее мнению, речь может идти только о прямом умысле, когда человек осознает свои действия и желает наступления определенных последствий, то есть заранее обдуманном умысле³⁴. "Доказательств того, что умысел у Осташвили был направлен на это, то есть на разжигание розни и унижение национального достоинства, нет"³⁵.

В этой связи она также утверждала, что нет доказательств того, что Осташвили действовал в составе организованной группы³⁶.

В то же время, останавливаясь на деятельности организации "Память", адвокат высказалась за принятие в СССР закона, запрещающего подобные организации. Но, по ее словам, поскольку на тот момент такого закона не было, она не может быть запрещена³⁷.

Поведение Осташвили, утверждала адвокат, вряд ли можно назвать действиями в духе статьи 74, а скорее изложением определенных взглядов³⁸. Она также отрицала, что действия Осташвили были сопряжены с насилием или угрозами³⁹.

В своей обвинительной речи общественный обвинитель А. Макаров уделил большое внимание вопросу об умысле, попытке К. Осташвили использовать его для оправдания своих действий.

По определению А. Макарова, действия, направленные на разжигание национальной розни, — "это пропагандирование или высказывание каким-то иным путем системы взглядов, создающих образ врага в какой-то конкретной нации или народе, обвинение этой нации или народа в каких-то бедах, которые произошли у других народов, призыв к тому, чтобы проблемы, возникающие у народов, решать за счет дискриминации тех, на кого направлены эти оскорбления"⁴⁰.

Что же касается заявлений К. Осташвили о том, что он имел в виду не всех евреев, а только сионистов, то, по словам А. Макарова, "сионисты в данном случае существуют в роли виньетки, аранжировки к тем чисто антисемитским взглядам, к тем антисемитским лозунгам, которые были брошены в ЦДЛ. На что были направлены эти действия? Да, эти действия были направлены на унижение и оскорбление евреев. Но они были направлены и на разжигание национальной розни. Закон не требует, чтобы это было направлено на разжигание национальной розни у всех граждан страны или у всех граждан мира, вполне достаточно, если при этом будут присутствовать один, два, три человека"⁴¹.

Касаясь далее попытки Осташвили сыграть на том, что ему не удалось разжечь национальную рознь, общественный обвинитель говорил: "Но весь смысл в том, что закон не требует наступления по-

следствий. Правовая конструкция данной статьи такова, что наступления последствий, возникновения чувства национальной розни или вражды, вовсе не требуется. Закон говорит лишь о том, что подобные действия совершаются. А каковы будут последствия этих действий – закон вовсе не говорит. Они могут быть любые. Это могут быть убийства, которые будут караться ответственностью за убийство, это может быть нанесение тяжких телесных повреждений или изнасилование, что, кстати, тоже свойственно подобным группам лиц. Но тогда эти действия будут влечь за собой ответственность по конкретным статьям Уголовного кодекса”⁴².

Наконец, по мнению А. Макарова, действия Осташвили были, бесспорно, сопряжены и с угрозами, и с насилием⁴³.

Прокурор А. Колесникова заявила, что в ЦДЛ был “устроен антиеврейский шабаш”⁴⁴, в ходе которого Осташвили, “считая, что большинство членов “Апреля” составляют лица еврейской национальности, в целях возбуждения национальной вражды и унижения достоинства евреев, используя мегафон, стал выкрикивать оскорбления, затрагивающие национальную честь и достоинство, сопровождаемые угрозами и призывами к свершению над ними насилия”⁴⁵.

Проанализировав свидетельские показания, судебная коллегия отвергла утверждения Осташвили об отсутствии у него умысла. По ее мнению, о наличии умысла у подсудимого на возбуждение национальной вражды, на унижение национальной чести и достоинства лиц еврейской национальности свидетельствуют характер его действий, а также форма, содержание и смысл им сказанного на вечере в ЦДЛ через мегафон. При этом его речь не являлась диалогом, полемикой, а была направлена на унижение национальной чести и достоинства граждан еврейской национальности, на разжигание, столкновение одной национальности с другой, в частности русских с евреями, обвиняя одну национальность, тем самым раздражая, возбуждая присутствующих, желая тем самым вызвать неприязнь, несогласие, привести в состояние враждебности⁴⁶.

Суд не нашел, что действия подсудимого непосредственно были соединены с насилием, но констатировал, что его утверждения о том, что угрозы им не высказывались, противоречат фактическим обстоятельствам, установлены в судебном заседании и совокупностью доказательств, собранных по делу⁴⁷. Указанные умышленные действия были соединены с угрозами насилия, что явствовало из показаний свидетелей. Из них следует, что высказанные Осташвили в их адрес угрозы применения насилия они воспринимали с учетом сложившейся обстановки, реально⁴⁸.

При назначении наказания судебная коллегия, учитывая тяжесть совершенного преступления, отличающегося повышенной

степень общественной опасности, конкретные обстоятельства дела, другие обстоятельства, приговорила признать виновным Осташвили по части 2 статьи 74 УК РСФСР и назначить наказание в виде лишения свободы сроком на два года с отбыванием в исправительно-трудовой колонии усиленного режима⁴⁹.

Значение этого процесса состоит прежде всего в том, что, как говорил А. Макаров, "он стал первым в нашей стране процессом, когда человека судят, посадили на скамью подсудимых за антисемитизм, за пропаганду национальной розни, за попытку возбудить вражду к представителям конкретной нации или конкретного народа"⁵⁰.

Можно согласиться с критикой по поводу этого процесса. Действительно, в этих антисемитских действиях участвовала группа людей, в то время как осужден был только Осташвили. Сам процесс начался только после значительного нажима общественного мнения⁵¹.

И, тем не менее, этим процессом начался нелегкий путь использования в нашей стране судебного механизма для борьбы с возбуждением национальной вражды.

¹ Документ Копенгагенского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ (5–29 июня 1990 г.).

² Там же. – С. 34–35.

³ Doc. CERD/C/158/Add.9. – Para 19.

⁴ Ibid. – Para 94.

⁵ Ibid. – Para 95.

⁶ Ibid. – Para 96.

⁷ Doc. CERD/C/158/Add.7. – Para 85.

⁸ Doc. CERD/C/158/Add.8. – Para 32.

⁹ Ibid. – Para 33.

¹⁰ Doc. CERD/C/148/Add.3. – Para 18.

¹¹ Ibid. – Para 20.

¹² Doc. CERD/C/149/Add.21. – Приложение 1.

¹³ Там же. – Приложение 2.

¹⁴ CERD/C/172/Add.11. – Para 3.

¹⁵ Ibid. – Para 36.

¹⁶ Redlich. N. Group libel: The American Constitution and the Community of Nations // Colloquium on Racial and Religions Hatred. Tel Aviv University. – 1991. – Dec. 29–31. – P. 4.

¹⁷ Ibid. – P. 5.

¹⁸ Ibid. – P. 6.

¹⁹ Ibid. – P. 9.

²⁰ Abrams F. Hate Speech: An american view // Tel Aviv Colloquium. – P. 3–4.

²¹ Ibid. – P. 5–6.

²² Ibid. – P. 8.

²³ Ibid. – P. 9–10.

- ²⁴ Ibid. — P. 10–11.
- ²⁵ Витрук Н.В. Правовой статус личности в СССР. — М., 1985. — С. 30–31.
- ²⁶ Международные пакты о правах человека и советское законодательство. — М., 1986. — С.12–13.
- ²⁷ CERD/C/197/Add.1. — Para 12–13.
- ²⁸ The National Council for Soviet Jewry of United Kingdom. Statement to the meeting of the Conference on the Human Dimension of the CSCE Moscow (10 September — 4 October 1992). — Para 3, 78.
- ²⁹ Материалы дела. Приговор от 12 октября 1990 г. — Лл. 3058–3059.
- ³⁰ Там же. — Л. 3060.
- ³¹ Там же. — Л. 3062.
- ³² Там же. — Л. 3063.
- ³³ Там же. — Л. 3059.
- ³⁴ Материалы дела. Выступление адвоката Н. Сапегинной. — Л. 2981.
- ³⁵ Там же. — Л. 2991.
- ³⁶ Там же. — Л. 2982.
- ³⁷ Там же. — Л. 2997.
- ³⁸ Там же. — Лл. 2980–2981.
- ³⁹ Там же. — Л. 2993.
- ⁴⁰ Материалы дела. Обвинительная речь общественного обвинителя А. Макарова. — Лл. 2883–2884.
- ⁴¹ Там же. — Л. 2884.
- ⁴² Там же. — Л. 2885.
- ⁴³ Там же. — Лл. 2885–2886.
- ⁴⁴ Материалы дела. Обвинительная речь прокурора А. Колесниковой. — Л. 2995.
- ⁴⁵ Там же. — Лл. 2955–2958.
- ⁴⁶ Там же. — Лл. 3071–3072.
- ⁴⁷ Там же. — Л. 3073.
- ⁴⁸ Там же. — Л. 3074.
- ⁴⁹ Там же. — Л. 3075.
- ⁵⁰ Там же. — Л. 2879.
- ⁵¹ The National Council for Soviet Jewry... — Para 3.10 (ii).

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА И ГУМАНИТАРНАЯ ПРОБЛЕМАТИКА В СОВРЕМЕННОЙ ДИПЛОМАТИИ

С.В. Черниченко *

В настоящее время гуманитарные вопросы, то есть в широком смысле все, что касается человека, удовлетворения его интересов и потребностей, выдвигаются на первый план и во внутренней жизни государств, и в международных отношениях. Веками о человеке как таковом думали в последнюю очередь, исключая отдельных мыслителей и общественных деятелей. Даже в XX веке речь о защите прав личности, о необходимости заботы о людях на официальном уровне велась в основном с целью достижения определенного идеологического или политического выигрыша.

Подлинное внимание со стороны правительств к гуманитарным проблемам свидетельствует о том, что человечество начинает осознавать себя как нечто целое, а свое развитие – как путь от сообщества государств к единому человеческому обществу.

Признание приоритета общечеловеческих ценностей над национальными, классовыми интересами – отражение процесса обретения миром целостности и осознания человечеством такой целостности. Естественно, в современных условиях гуманитарная проблематика, сердцевина которой – права человека, занимает все более важное место в международных отношениях.

В течение последних лет интенсивность обсуждения гуманитарных проблем, включая и вопросы, связанные с правами человека, в рамках многосторонней и в какой-то мере двусторонней дипломатии не ослабевает. Это соответствует той роли, которую "человеческое измерение" (применяя выражение, возникшее в ходе хельсинкского процесса для обозначения гуманитарной проблематики) играет в современных межгосударственных отношениях.

Многое можно говорить о содействии широких масс, общественных движений и отдельных лиц решению гуманитарных проблем, соблюдению прав человека. Сейчас особое значение в этом плане приобретают контакты между людьми, национальными неправительственными организациями, короче, все то, что в последнее время принято называть народной дипломатией. Влияние общественных движений и народной дипломатии возрастает, они все в большей степени корректируют политику, в том числе и внешнюю, государств.

* Заведующий сектором международного права, гуманитарных и консульских проблем НИО Дипломатической академии МИД РФ, доктор юридических наук, профессор.

Вместе с тем основная нагрузка при решении гуманитарных проблем ложится на дипломатию в собственном смысле слова, действующую в сфере межгосударственных отношений, поскольку реальная власть сосредоточена в руках государств. Человеческое общество состоит из множества обществ, взаимодействующих друг с другом и представленных на международной арене государствами. Какова бы ни была стéпень их взаимозависимости, с этой множественностью приходится считаться. Государство – явление, порожденное классовым обществом, и, хотя в наши дни оно выражает не только волю того или иного господствующего класса, но и общечеловеческую волю (в той или иной мере), оно продолжает оставаться руководителем общества, опирающимся на принуждение. Отсюда и роль государства в решении гуманитарных проблем как внутри общества, так и в международной жизни.

Это – не этатизм, то есть чрезмерное преувеличение воздействия государства на общество. В руках у государства – армия, правоохранительный аппарат и другие атрибуты власти. Необходимо, чтобы государство пользовалось своей властью в рамках права. Соответственно, и во взаимоотношениях друг с другом государства должны использовать свои властные возможности, опираясь на международное право, строго следуя своим международным обязательствам. Важно и другое: используя свою власть, опирающуюся на право, и, естественно, само право, как внутригосударственное, так и международное, государства должны стремиться к созданию таких социальных условий, при которых возможность применения принуждения внутри государства и на международной арене была бы сведена к минимуму. Только в этом случае может возникнуть климат, способствующий соблюдению прав человека, решению гуманитарных проблем, созданию сообщества правовых государств. При этом возрастает роль общественности как своеобразного "контролера", гаранта того, что государство не превысит свою власть, не выйдет за пределы права, не подменит общественные институты.

Особо следует подчеркнуть роль дипломатии в создании атмосферы доверия, устранении конфронтации и – тем самым – максимально благоприятных условий для выполнения государствами своих международно-правовых обязательств вообще и в гуманитарной области в частности.

Нормы международного права, регулирующие межгосударственное сотрудничество по гуманитарным вопросам, образуют отрасль международного права, которую обычно называют гуманитарным правом. В дипломатической практике более привычным было несколько иное представление о гуманитарном праве. Этим термином часто обозначают международно-правовые нормы, имею-

щие целью обеспечить защиту прав человека в период вооруженных конфликтов (так называемое Женевское право). Известная Женевская конференция, завершившаяся принятием в 1977 году двух Дополнительных протоколов к Женевским конвенциям о защите жертв войны 1949 года, официально именовалась Дипломатической конференцией о подтверждении и развитии гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов. Из названия конференции легко вывести заключение: если есть гуманитарное право, применяемое в период вооруженных конфликтов, значит, есть и гуманитарное право, которое применяется в мирное время. Таким образом, широкое толкование термина "гуманитарное право" вполне оправданно. Очевидно, гуманитарное право в широком смысле включает две большие группы норм (так называемые подотрасли): право прав человека* и гуманитарное право, применяемое во время вооруженных конфликтов.

Резкой границы между правом прав человека и гуманитарным правом, применяемым во время вооруженных конфликтов, конечно, нет. Основа у них общая – и одно, и другое направлены на создание условий, способствующих соблюдению прав человека. Есть и другие точки пересечения двух подотраслей: например, нормы, регламентирующие уголовную ответственность лиц, использовавших свое официальное положение для совершения действий, которые могут рассматриваться как международные преступления, то есть тяжкие нарушения международного права государством, от имени которого такие лица выступали, если эти международные преступления связаны с нарушениями прав человека. Нарушения прав человека, которые представляют собой международные преступления, могут совершаться и в мирное, и в военное время. Следовательно, будут нарушаться в одних случаях нормы права прав человека, в других – гуманитарного права, применяемого в период вооруженных конфликтов. Но и там, и здесь будет возникать вопрос о применении норм, касающихся уголовной ответственности лиц, превративших государство в орудие совершения международного преступления.

Периодически воскрешаются дискуссии о природе прав человека. В качестве главного при этом обсуждается вопрос об их происхождении, истоках, то есть защищается или отвергается та или иная концепция прав человека. Различные варианты религиозного объяс-

* Термин "международное право прав человека" широко распространен в западной юридической литературе, используется и в международных документах, а в последние годы получил признание и в нашей стране.

нения происхождения прав человека, естественноправовая теория, согласно которой в основе прав человека лежит природа человека, позитивистская их интерпретация продолжают совершенствоваться, модифицироваться. Все эти концепции плюс особенности национального и исторического развития оказывали и оказывают большое влияние на законодательство по соответствующему кругу вопросов и его реализацию.

Сравнивая естественноправовую и позитивистскую теории, профессор У. Черони (Италия) отмечает, что для первой "существенным было выведение прав человека из сферы внесударственного развития права, прежде всего из области морали, критериев справедливости, безотносительно к юридическим порядкам"¹. Что касается второй, то она, по его мнению, "подчеркивала позитивную природу современного права, его характеристику как права, установленного или гарантированного государством"². Далее он признает, что в современном мире теряет свое значение традиционная постановка проблемы "внесударственного основания прав человека"³. Действительно, в настоящее время трудно отделить область прав человека от государства и права. Можно, конечно, спорить о том, создается ли право государством или возникает до его появления и независимо от него. Но сейчас совершенно очевидно, что право воплощается в законодательстве государства, а законодательство – продукт деятельности государства.

Права человека без юридического закрепления, без законодательного закрепления – нечто эфемерное, практически не существующее. Разумеется, в основе прав человека лежат определенные социальные возможности, предоставляемые личности обществом. Однако вряд ли такие возможности можно называть правами в прямом смысле до тех пор, пока они не признаны в законодательстве именно как юридические права. Право человека становится правом, когда за ним стоит юридический механизм его защиты.

Несомненно, права человека имеют различные стороны: о них можно говорить в экономическом, философском, моральном, религиозном, юридическом плане. Поиски экономических, моральных и иных корней прав человека неизбежно приводят к теоретическим дискуссиям об истоках, природе прав человека. Выработать универсальную концепцию прав человека в современных условиях невозможно, так как в основе представлений об их природе лежат различные идеологии, различные мировоззрения. Бессмысленно ставить вопрос о стирании граней между различными мировоззрениями или об отказе от идеологии. Пока существует человечество во всем своем многообразии, будут существовать и различные идеологии. Задача заключается не в том, чтобы их примирить, а в том, чтобы найти

точки соприкосновения, основу для сотрудничества между людьми, обществами, народами и государствами за пределами идеологических разногласий.

Если говорить о правах человека, то именно юридический взгляд на них открывает возможность для сотрудничества между государствами в гуманитарной сфере, в области прав человека.

Что же такое "права человека"? "*Права человека*" – термин, который появляется в международном политическом лексиконе после американской войны за независимость и Великой французской революции. Ему неизменно сопутствовал термин "*права гражданина*". Постепенно различие между правами человека и гражданина практически исчезает. В Уставе ООН речь идет уже о "*правах человека и основных свободах для всех*". Вместе с тем полностью это различие не утратило своего значения. Некоторые права, как, например, право на участие в управлении государством, неотъемлемы от гражданства. Не имея гражданства какого-либо государства, невозможно на них претендовать. Таким образом, именно наличие гражданства рассматривается как основа обладания правами человека в полном объеме. Очевидно, это и послужило причиной провозглашения во Всеобщей декларации прав человека права на гражданство.

Конечно, оно не означает, что каждому лицу в любом случае и автоматически должно быть предоставлено гражданство, которое оно захочет. Имеется в виду, что обладание всем комплексом прав человека базируется на наличии гражданства. Кстати, такой подход еще раз подчеркивает роль государства в обеспечении прав человека. Гражданство – юридическая принадлежность лица к государству, юридическая оболочка членства лица в обществе, представляемом и защищаемом данным государством.

Вместе с тем права гражданина уже не рассматриваются как что-то самостоятельное по отношению к правам человека, хотя и тесно с ними связанное. Сейчас права гражданина считаются скорее частью прав человека, рассматриваются в ракурсе прав человека.

Права человека – такие права, без которых, согласно сложившимся взглядам, невозможно нормальное, "человеческое" существование в современном обществе. С юридической точки зрения это права, существенные для характеристики правового положения лица в любом современном обществе и государстве. Естественно, нельзя ставить знак равенства между Люксембургом, Шри Ланкой, Канадой или Бразилией: толкование этих прав и свобод различно, определяется уровнем развития данного общества, национальными особенностями, другими факторами. И все же везде существуют совпадающие взгляды на то, какие именно права и свободы необходимы

каждому человеку, без каких прав и свобод жизнь превращается в прозябание. Имеется общее понимание их смысла, роли, значения. Ни один самый реакционный режим в течение последних двадцати лет не осмелился прямо заявить, что он отвергает те или иные права и свободы, входящие в категорию прав человека.

Согласно принятой в международных документах классификации, права человека подразделяются на гражданские, политические, экономические, социальные и культурные. Возможны и другие варианты их классификации. Так, в международной практике по инициативе развивающихся стран в течение приблизительно последних двадцати лет стала достаточно популярной идея "трех поколений прав человека". Такой хронологический подход мотивировался тем, что вначале действительно говорили только о гражданских и политических правах, при этом выдвинувшие концепцию "трех поколений" подчеркивали, что это вклад Запада. Впоследствии бывший СССР и его союзники добились включения в международные документы экономических, социальных и культурных прав. Идею "прав трех поколений" подхватили и некоторые неправительственные организации. Представители развивающихся стран, поднявшие вопрос о "третьем поколении прав человека", в которое они включали с некоторыми вариациями право на мир, право на разоружение, право на развитие и право на здоровую окружающую среду, отмечали, что это уже их вклад*. Перечень "прав третьего поколения" пытались продолжить, причем главным стал вопрос о связи прав народов и прав человека и о коллективных правах человека.

Представляется, что противопоставление или разъединение прав человека и прав народов искусственно. Права народов тоже могут рассматриваться как права человека. Например, оба Пакта о правах человека начинаются с права на самоопределение. Это явно не право "третьего поколения", но, безусловно, право народов. Права народов — коллективные права человека. Конечно, понятие коллективных прав шире: оно относится не только к народам, — определенные права профсоюзов тоже могут считаться коллективными правами человека.

Иногда в качестве индивидуальных прав пытались рассматривать только гражданские и политические, а экономические, социальные и культурные права относили к коллективным. Это по меньшей

* Очевидно, что "третье поколение прав человека" — плод не только развивающихся стран. Право на мир, право на разоружение созвучны многим идеям и предложениям, с которыми выступала в том числе и наша страна.

мере не точно. Некоторые права последней категории действительно могут принадлежать и коллективам или осуществляться в коллективе, но и они преимущественно носят индивидуальный характер. Кроме того, коллективно могут осуществляться и определенные гражданские и политические права (например, свобода собраний). Наконец, не исключено, что сочетание различных индивидуальных прав и свобод в рамках коллектива образует новое, синтетическое право, принадлежащее уже коллективу. В таком плане можно отчасти рассматривать право на развитие.

В дипломатической практике пока не возникал вопрос о различии права и свободы. В Уставе ООН говорится о правах человека и основных свободах для всех, без указания их отличий друг от друга.

Предлагается следующая трактовка понятия свободы: "Термин "свобода" имеет много значений. Его рассматривают в негативном смысле: свобода от ограничений, то есть государственного контроля, как свобода для каждого индивида делать то, что он или она хочет независимо от желаний и потребностей других, то есть **формальная** свобода. С другой стороны, ее рассматривают в позитивном смысле: свобода для каждого индивида быть в состоянии достигнуть удовлетворения своих основных желаний и потребностей, то есть **материальная** свобода. Последнее определение сфокусировано на степени, в которой общество содействует реализации национальных и женских прав, обеспеченности работой, высокого уровня социального обеспечения и т.д."⁴.

По-видимому, в первом случае имеется в виду главным образом юридический аспект понятия свободы (в сочетании, разумеется, с политическим), а во втором – социальный, реальные возможности общества создать условия для реализации интересов и потребностей населения. И право, и свобода – гарантированная законом (точнее, правом) мера возможного поведения лица (или группы лиц, коллектива). Выбор путей и средств реализации свободы оставляется законодательством за тем, кому она предоставлена, в то время как порядок реализации права в той или иной степени определяется законодательством, регламентируется. Сравним право на выезд (предполагающее получение загранпаспорта, визы и т.д.) и свободу мысли, совести и религии, согласно которой человек сегодня может по собственному усмотрению исповедовать христианство, завтра – буддизм, а послезавтра стать атеистом.

На межгосударственном уровне находит применение выражение "общепризнанные права человека и основные свободы". Это указывает на существование прав человека, не получивших по тем или иным причинам признания на глобальном уровне. Выражение

”общепризнанные права человека” не самым удачным образом отражает то, к чему стремятся государства, сотрудничая друг с другом на международной арене. Правильнее было бы использовать другое выражение, получившее в наши дни широкое распространение, – ”международные стандарты в области прав человека”.

Международные стандарты в области прав человека – это международно-правовые, то есть вытекающие из норм международного права, обязательства государств. Эти стандарты представляют собой не только обязательства государств предоставлять лицам, находящимся под их юрисдикцией, те или иные права и свободы, но и обязательства не посягать на такие права и свободы (например, не допускать дискриминации по какому-либо признаку, не допускать применения пыток и т.п.). Они могут быть универсальными, общепризнанными и региональными. Региональные стандарты, имея особенности, вытекающие из традиций, уровня развития соответствующих стран, могут идти дальше универсальных (например, в рамках общеевропейского процесса), быть более широкими и конкретными.

С принятием Устава ООН в современном международном праве в качестве одного из его основных принципов утвердился, хотя он и не был назван прямо, принцип уважения прав человека. В Заключительном акте Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе 1975 года уже непосредственно говорится о принципе уважения прав человека, содержание которого составляет общее обязательство государств уважать и соблюдать права и основные свободы человека.

Международные стандарты в области прав человека – обязательства, развивающие, конкретизирующие принцип уважения прав человека. Некоторые из них возникли задолго до его появления. К ним, например, можно отнести положения договоров о меньшинствах, заключенных после первой мировой войны, многие конвенции Международной организации труда. Но начало их систематизации, универсализации и интенсивному развитию было положено Уставом ООН, после принятия которого межгосударственное сотрудничество в области прав человека стало развиваться с ускорением.

Накопление международных стандартов в области прав человека шло приблизительно до первой половины 80-х годов. Этот процесс продолжается и сейчас, однако заметно снизилась его интенсивность, изменились его направления и акценты. Сейчас можно выделить тенденцию к уточнению и дальнейшей конкретизации уже существующих стандартов; разработка новых стандартов все больше смещается в сторону региональных уровней.

Важное значение в формировании новых стандартов и уточнении существующих имеют резолюции международных организаций, посвященные правам человека, и среди них такие, морально-политический авторитет которых очень высок. Государства с ними считаются, хотя формально, юридически эти документы их ни к чему не обязывают. Наиболее важные резолюции такого рода обычно получают наименование деклараций. В первую очередь в связи с этим можно назвать Всеобщую декларацию прав человека, одобренную резолюцией Генеральной Ассамблеи ООН 10 декабря 1948 г.

С течением времени положения таких резолюций могут превратиться в международный обычай. Так, довольно широко распространено мнение, что именно это произошло с Всеобщей декларацией прав человека.

Резолюции международных организаций могут стимулировать формирование стандартов в области прав человека и иными путями. Они могут послужить основой для разработки международных договоров. Например, Декларация о защите всех лиц от пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятая Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1975 г., была использована при разработке Конвенции против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания, принятой и открытой для подписания Генеральной Ассамблеей 10 декабря 1984 г.

Иногда резолюции по вопросам прав человека могут в той или иной степени рассматриваться как толкование организацией (при условии их единодушного одобрения) уже существующего стандарта. Такова, очевидно, провозглашенная Генеральной Ассамблеей 25 ноября 1981 г. Декларация о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений, дающая толкование стандартов, содержащихся в статье 18 Пакта о гражданских и политических правах и, если считать, что Всеобщая декларация прав человека стала международным обычаем, в статье 18 Всеобщей декларации прав человека. Между прочим, не исключено, что впоследствии она могла бы быть использована и для разработки соответствующей конвенции.

Резолюции-толкования скорее всего можно считать выражением "вторичного" соглашения между государствами по поводу содержания конкретного стандарта ("первичное" воплощено в самом стандарте). Здесь могут возникнуть некоторые трудности юридического характера. Вряд ли можно считать, что, например, толкование ООН того или иного стандарта, закрепленного в международном договоре, обязывает члена ООН, поддержавшего данное толкование, но не

участвующего в договоре, если только этот стандарт не стал общепризнанным, подлинно универсальным.

Возможны случаи, когда резолюция международной организации фиксирует первичное соглашение по поводу признания определенных стандартов. Наиболее яркой иллюстрацией этого можно, видимо, считать резолюцию Генеральной Ассамблеи ООН 95 (I) от 11 декабря 1946 г., единодушно провозгласившую нюрнбергские принципы в качестве общепризнанных принципов международного права.

В рассматриваемой нами области заслуживают особого внимания положения документов, принимаемых в рамках общеевропейского процесса. Несомненно, эти документы носят политический характер и сами по себе не являются источниками международного права. Вместе с тем их положения не случайно часто именуют договоренностями, поскольку они, несомненно, имеют и юридический оттенок: руководители государств – участников хельсинкского процесса неоднократно заявляли о том, что эти договоренности подлежат безусловному претворению в жизнь. Такие заявления можно рассматривать как односторонние обязательства государств международно-правового характера. Поэтому положения соответствующих документов допустимо считать не только политическими, но и отражающими комплекс согласованных односторонних международно-правовых обязательств.

Примерно с середины 80-х годов межгосударственное сотрудничество в области прав человека вступает в новый этап поиска повышения эффективности уже накопленных международных стандартов. Прежде считалось, что заключения международного договора по этим вопросам достаточно для обеспечения осуществления того или иного стандарта: ставшее участником договора государство само решало, как реализовать его положения, и несло ответственность за его исполнение. Однако оставалось неясным, перед кем оно несет ответственность за нарушение договора – перед всеми его участниками, перед конкретным участником, затронутым нарушением, или в каких-то случаях перед международным сообществом в целом. Особенно трудно было ответить на вопрос, что делать, если участник договора нарушает его положения только в отношении собственного населения. Все эти проблемы возникали, поскольку договоры о правах человека в послевоенный период (Конвенция о политических правах женщин 1952 г., Конвенция о гражданстве замужней женщины 1957 г.) не содержали или почти не содержали положений, предусматривающих создание какого-либо контрольного (имплементационного) механизма, призванного наблюдать за их осуществлением.

Стремление повысить эффективность межгосударственного сотрудничества в области прав человека приводит к росту международных контрольных механизмов, имеющих целью обеспечить осуществление международных стандартов в этой области, увеличению количества международных процедур, способствующих достижению такой цели.

Рост международных контрольных механизмов, или, как нередко называют этот процесс в научной литературе, тенденция к институционализации межгосударственных отношений, — заметное явление в современной международной жизни. Общая и объективная тенденция к их созданию стала проявляться именно в 80-е годы. Особенно четко данный процесс проявляется в сфере разоружения и гуманитарного сотрудничества. Разумеется, международные контрольные механизмы создавались задолго до начала 80-х годов, включая и такой участок межгосударственного сотрудничества, как гуманитарные вопросы. Достаточно назвать процедуры, созданные в рамках МОТ или предусмотренные Пактами о правах человека.

Сейчас уже почти невозможно представить, чтобы какой-либо новый международный договор в области прав человека не предусматривал создания того или иного контрольного (имплементационного) механизма.

Международные процедуры в области прав человека можно подразделить на две категории: консенсусные и неконсенсусные. Консенсусные, то есть основанные на общем согласии, — преимущественно договорные. Возможны и иные варианты консенсусных процедур. Так, в рамках европейского процесса вырисовываются процедуры, основанные на консенсусе, но не являющиеся договорными, поскольку соответствующие документы нельзя отнести к международным договорам. По всей видимости, и они получают договорное оформление. В основном все же консенсусные процедуры возникают как результат волеизъявления участников договора. Они применяются различными комитетами, группами и т.д., учрежденными договорами. В качестве примера можно привести группу трех, созданную на основе Конвенции о пресечении апартеида и наказании за него, или Комитет против пыток, предусмотренный Конвенцией против пыток и других жестоких, бесчеловечных или унижающих достоинство видов обращения и наказания.

Неконсенсусные процедуры создаются резолюциями международных организаций и не предполагают единодушной поддержки (кто-то из членов организации может проголосовать и против создания таких процедур). Практика показывает, что со временем даже те государства, которые выступали против, могут оказаться вовлеченными в эти процедуры.

Международные контрольные механизмы и международные процедуры в области прав человека нередко отождествляют. Строго говоря, это не совсем точно. Контрольные механизмы представляют собой определенные организационные структуры (органы типа комитетов, рабочих групп, специальных докладчиков, изучающих какие-либо проблемы тематического характера или ситуации в определенных странах), процедуры – порядок и методы изучения соответствующей информации и реагирования на итоги такого изучения. В рамках одного контрольного механизма могут использоваться различные процедуры. Процедуры, применяемые международными организациями, могут использоваться и без какого-либо особого контрольного механизма, непосредственно органом международной организации, например Комиссией ООН по правам человека на ее пленарных заседаниях. Обычно в международных организациях процедуры многоступенчаты. На каком-то этапе они используются специально созданными международными контрольными механизмами, на другом – органом организации, не являющимся особым контрольным механизмом.

Наблюдается тенденция к созданию механизмов, особенно договорных, члены которых действуют в личном качестве (экспертов, судей), то есть не получают инструкций от своих правительств и не отвечают перед ними за свою деятельность в составе этих механизмов. Она объясняется стремлением обеспечить максимальную эффективность рассмотрения соответствующей информации.

Это не исключает и создания механизмов, состоящих из представителей государств.

Международные процедуры в области прав человека можно подразделить по методам и источникам сбора информации на следующие наиболее типичные:

- а) рассмотрение докладов государств о выполнении ими своих обязательств в этой области;
- б) рассмотрение претензий государств друг к другу по поводу нарушения ими таких обязательств;
- в) рассмотрение жалоб отдельных лиц, групп или неправительственных организаций на нарушения их прав государствами;
- г) изучение (исследование, расследование – могут использоваться различные термины) ситуаций, связанных с предполагаемыми или уже установленными нарушениями прав человека (тематическое или в конкретных странах). В процессе изучения могут использоваться в тех или иных масштабах методы, присущие другим категориям процедур, прежде всего рассмотрение жалоб.

Международные контрольные механизмы в области прав человека могут представлять собой коллективные органы (комитеты,

рабочие группы и т.д.) и единоличные (специальные докладчики). Коллективные органы принимают свои решения либо консенсусом, либо большинством голосов. Юридическая природа таких решений различна. Чаще всего они не носят обязательного характера, выражая лишь мнение соответствующего органа по рассматриваемому вопросу (включая рекомендации, общие или конкретные). В других случаях они являются обязательными для заинтересованных сторон (например, решения Европейского суда по правам человека). В конечном счете все зависит от мандата, которым наделен данный орган.

Отмечая положительную роль контрольных механизмов, укажем и на некоторые их недостатки. Во-первых, они недостаточно эффективны. Рассмотрение соответствующих вопросов в рамках этих механизмов показывает, что государства и сейчас болезненно воспринимают критику в свой адрес, особенно если речь идет о нарушениях прав человека. В этом смысле даже дискуссия может сыграть роль инструмента давления на нарушителя со стороны международного сообщества. Но и преувеличивать эту роль тоже не следует, поскольку те, кто действительно повинен в серьезных нарушениях прав человека, годами занимаются самооправданиями, прибегают к процедурному маневрированию, чтобы максимально ослабить эффект от обсуждения затрагиваемого их вопроса, и в лучшем случае пытаются принять какие-то "косметические" меры, чтобы несовместимость их действий с международными обязательствами была не столь уж заметной.

Во-вторых, контрольные механизмы могут дублировать друг друга. Так, проблемой борьбы с пытками занимаются Комитет против пыток, один из специальных докладчиков Комиссии ООН по правам человека и в какой-то степени Комитет по правам человека, не говоря уже о региональных органах. В определенных случаях постоянное внимание различных международных органов к одной и той же проблеме полезно, тем более что круг участников соответствующих договоров может быть различным, но дублирование скорее мешает сконцентрировать внимание на актуальных вопросах.

В-третьих, процесс создания и функционирования контрольных механизмов может привести к излишним или просто ненужным расходам.

В-четвертых, всегда сохраняется возможность вынесения контрольными механизмами необъективного, политически предвзятого решения. Это самый серьезный недостаток. Такая возможность существует даже в органах, состоящих из лиц, имеющих официально независимый статус (эксперты, судьи), которым государства, чье гражданство они имеют, не вправе давать каких-либо указаний в связи с их деятельностью в данных органах.

Даже в тех случаях, когда полностью исключены попытки оказать давление на собственного гражданина, действующего в личном качестве, все равно эксперт или судья могут оказаться, скорее всего невольно, в плену своих политических симпатий и антипатий.

Тем не менее отмеченные недостатки не доказывают, что международные контрольные механизмы в области прав человека не нужны. Польза, которую они приносят, несомненна, поэтому проблема совершенствования таких механизмов выдвигается сейчас на первый план.

В сфере прав человека в целом особенно актуально решение ряда проблем общего и более частного характера.

Прежде всего это проблема деполитизации межгосударственного сотрудничества по гуманитарным вопросам. Задача заключается не только в том, чтобы в международных органах, занимающихся гуманитарной проблематикой, исключить полемику идеологического характера. Сложнее добиться того, чтобы государства, рассматривая в международных форумах какой-либо вопрос, касающийся прав человека, действительно стремились к объективности, а не руководствовались в своих оценках исключительно политическими интересами, желанием сохранить во что бы то ни стало хорошие отношения с другим государством, даже ценой отказа от критики совершаемых им нарушений своих международных обязательств, либо, наоборот, желанием преувеличить такие нарушения или обнаружить несуществующие только потому, что объект критики — государство, с которым отношения складываются не лучшим образом.

В органах экспертного характера деполитизации достигнуть легче. Эксперты юридически независимы в своих суждениях от государства, гражданство которого имеют. Но в политических органах, состоящих из государств, в Комиссии по правам человека, Экономическом и Социальном Совете и т.д. это не просто.

Следует стремиться к созданию четких, подробных юридических процедур обсуждения гуманитарных вопросов, особенно нарушений прав человека. Чем детальнее и строже будут такие рамки, процедурная форма, тем меньше возможностей будет для произвольного, часто политически мотивированного подхода к рассматриваемым проблемам.

Необходимо решить также вопрос о порядке рассмотрения индивидуальных случаев на глобальном уровне. Нарушения прав отдельных лиц могут быть слагаемыми крупномасштабных нарушений прав человека. На региональном уровне (в рамках межамериканской и западноевропейской систем) существует договорная процедура рассмотрения жалоб на государства по поводу нарушения прав кон-

кретных лиц. Такую возможность предусматривают также Первый факультативный протокол к Пакту о гражданских и политических правах и статья 41 самого пакта (тоже на факультативной основе). Разница заключается в том, что протокол предусматривает рассмотрение жалоб со стороны частных лиц, а статья 41 – со стороны государств. Но региональные процедуры не могут претендовать на универсальность, такая задача перед ними и не ставится, а ни Пакт, ни, тем более, протокол пока не приобрели универсального характера.

Сейчас уже вошло в практику обсуждение некоторых индивидуальных случаев в Комиссии по правам человека и даже в ЭКОСОС, то есть в политических органах ООН. Но критериев допустимости их обсуждения нет и разработать их практически невозможно, что сохраняет простор для использования таких случаев в чисто политических, а не гуманитарных целях. Остается только одно: добиваться создания специальной процедуры рассмотрения индивидуальных случаев на глобальном уровне, чтобы не загружать этими проблемами политические органы ООН. Будет ли эта цель достигнута путем универсализации Пактов о правах человека и Факультативного протокола либо как-то иначе, пока предсказать трудно.

Параллельно, очевидно, должна решаться и проблема общей оценки положения в области прав человека во всех странах мира без какой-либо селективности.

Еще одна важная проблема – создание механизма реагирования на неотложные ситуации и случаи. Возможны неожиданные и резкие вспышки нарушений прав человека как массового, так и индивидуального характера, требующие быстрых откликов со стороны международного сообщества. Обычные процедуры здесь неприменимы именно из-за того, что требуется немедленная реакция. Иногда задачу "быстрого реагирования" брали на себя органы ООН – Комиссия по правам человека, Подкомиссия по предупреждению дискриминации и защите меньшинств. Но, во-первых, эти органы в межсессионный период не в состоянии откликнуться на такие случаи и ситуации; во-вторых, есть реальная опасность превышения ими своего мандата, так как они не предназначены для осуществления подобного рода функций, и, в-третьих, попытки данных органов выполнять задачу "быстрого реагирования" могут привести к политизации дискуссии и принимаемых решений. Так что соответствующий механизм пока не создан сообществом государств.

Совершенно очевидно, что с помощью только юридических мер – даже при наличии искреннего желания всех правительств добиться повсеместного уважения к правам человека – ожидать приближающегося к идеалу уровня соблюдения этих прав трудно. Слишком велики на сегодняшний день социальные язвы, разъедающие общест-

во, не говоря уже о различиях в развитии отдельных стран и регионов. Перешагнуть через существующие проблемы нельзя. Необходим комплексный подход к их решению. Но это не означает умаления роли права, включая и международное право. Наоборот, именно в сочетании с другими мерами правовые меры могут дать наибольший эффект. И хотя многие гуманитарные проблемы не могут быть решены в настоящее время, человечество прошло достаточный путь, чтобы видеть, как и в каких направлениях необходимо действовать для достижения в перспективе основных целей, которые оно себе поставило в области прав человека и в гуманитарной сфере в целом.

¹ Чернин У. Права человека. Демократия. Светская этика // Права человека в истории человечества и в современном мире. АН СССР. Институт государства и права. — М., 1989. — С. 52.

² Там же.

³ Там же. — С. 53.

⁴ Szymanski A. Human Rights in the Soviet Union. — N 1 (9B4). — London. — P. 20.

Международные организации

РАСТУЩАЯ МИРОТВОРЧЕСКАЯ РОЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ ОБЪЕДИНЕННЫХ НАЦИЙ

Филипп Кирш*

Даже для тех, кто ежедневно следит за международными отношениями в целом и деятельностью ООН в частности, прошедшие несколько лет ознаменовались глобальными переменами. Эти изменения выходят за рамки просто дальнейшего развития сотрудничества и появления новых перспектив. Они включают фундаментальные изменения в способах использования Организации Объединенных Наций – зеркала нового международного сообщества. В то время как исчезновение многих традиционных понятий часто сопровождается облегчением, ясные рамки международной жизни в 90-х годах и в последующих десятилетиях еще только вырисовываются.

Огромная энергия должна быть затрачена в последующие несколько лет для создания новой структуры международных отношений, для обеспечения того, чтобы были закреплены достижения, предотвращен глобальный или региональный беспорядок и постепенно было преодолено разделение между Севером и Югом. Последние несколько лет, несомненно, отмечены значительными достижениями в этих областях.

Одним из важнейших последствий окончания "холодной войны" было создание основ для гораздо более важной роли ООН в сфере международного мира и безопасности, чем в последние четыре десятилетия. Эту миротворческую роль на практике осуществлял Совет Безопасности, который является единственным органом в системе ООН, имеющим как соответствующий мандат, так и исполнительную власть для эффективного рассмотрения вопросов мира и безопасности. Существенно возросло значение и Генерального секретаря Организации.

* Посол, заместитель постоянного представителя Канады при ООН.

Автор с благодарностью отмечает помощь в подготовке данной статьи Грэма Н. Грина из постоянной миссии Канады при ООН.

Сама концепция миротворчества приобрела сейчас множество значений. Простое расширение роли ООН в классической области международного мира и безопасности сегодня хорошо известно и понятно, но важно сосредоточиться на некоторых конкретных аспектах происходящей эволюции, которая имеет далеко идущие последствия и, несомненно, идет далеко за пределы того, что могли себе представить авторы Устава ООН.

В самом общем виде ясно, что система коллективной безопасности, предусмотренная в Уставе, в частности сильные и централизованные полномочия, предоставленные Совету Безопасности для рассмотрения угроз миру, нарушений мира и актов агрессии, будет эффективна, если члены Совета Безопасности (и, в частности, его постоянные члены, которые имеют право "вето" по вопросам существа) достигнут большой степени согласия. Это не имело места в течение длительного периода времени. Постоянные члены имели значительные и долговременные разногласия по множеству вопросов и часто использовали свое право "вето". До кризиса в Персидском заливе санкции применялись только против Южной Африки¹ и Родезии². Единственная военная операция с санкции Совета в Корее³ была исключением из правила в силу временного бойкота со стороны Советского Союза. Некоторые основополагающие механизмы, такие как резервные вооруженные силы, которые государства должны предоставить в распоряжение Совета, и Военно-штабной комитет, имеющий принципиально важные функции, остались на практике "мертвой буквой". Их отсутствие повлияло на операцию "Буря в пустыне", имевшую место во время войны в Персидском заливе.

Это не означает, что Организация бездействовала в области мира и безопасности в этот период. Миротворческие функции, которые не названы в Уставе ООН, были изобретены в конце 40-х годов (например, "голубые каски" ООН) и играли полезную роль во многих регионах, сокращая напряжение между воюющими сторонами и иным образом. Однако этот полезный механизм был предназначен только для сохранения мира. Он не устанавливал и не мог установить мира, и принцип миротворчества как временного механизма, действующего до полного урегулирования конфликта, оставался скорее теоретическим, так как в действительности мало усилий предпринималось для достижения такого урегулирования.

В конце 80-х годов, когда ведущие державы проявили готовность сотрудничать в установлении мира в определенных регионах, миротворческая деятельность быстро распространялась. В первые 43 года функционирования Совет Безопасности создал 13 миротворческих миссий и миссий наблюдателей, в то время как в последние четыре года – 11. Существует еще и качественная особенность:

многие операции имели более широкие цели, чем просто участие "голубых касок" в примирении воюющих сторон. Сегодня миротворчество включает содействие возвращению беженцев, наблюдение за выборами, гуманитарную помощь, поддержание правопорядка и даже контроль за правами человека. Иными словами, сохранение мира с хорошей дозой миротворчества. Действительно, для длительного мира должны быть созданы большие условия, чем отправление солдат назад в их казармы.

Процесс сотрудничества постоянных членов Совета Безопасности начался в 1987 году в связи с войной между Ираном и Ираком. Он быстро расширялся, позволяя развиваться всеобъемлющим планам мира для Намибии, Центральной Америки, Афганистана, Анголы, Западной Сахары, Камбоджи и др. В большинстве этих случаев львиная доля работы была сделана Генеральным секретарем, иногда с огромной поддержкой, исходящей из самого региона, такого как Центральная Америка, иногда при большой активности со стороны постоянных членов, например в случае Камбоджи и Афганистана.

Однако, какими бы важными они ни были, установление и сохранение мира не могут сами по себе решить всех целей Устава ООН. Сохранение мира и связанная с этим деятельность являются средствами урегулирования в ситуации, когда закончился конфликт, который ООН не может ни предотвратить, ни противостоять ему. Способность находиться между комбатантами, которые согласились прекратить сражение, не сдерживает потенциальных агрессоров и не относится к способности остановить войны, когда они начались. Установление мира, которое иногда помогает ускорить конец конфликта, также не обязательно имеет сдерживающий эффект. Однако именно для этих целей и была создана ООН.

Следующим важным событием была, конечно, приобретенная ООН во время войны в Персидском заливе способность осуществлять операции принудительного характера, которые могут рассматриваться в будущем как средства, имеющие сдерживающий эффект⁴.

До того, как обратиться к традиционным действиям ООН, представляется полезным сделать несколько дополнительных замечаний, связанных с положением в Персидском заливе, которые относятся к миротворческой роли ООН наших дней. Во-первых, широко распространено предположение, что война в Персидском заливе позволяет обратиться к Уставу, как он был первоначально задуман на уровне общих принципов, но это спорно применительно к

* В статье не рассматривается "принуждение" как таковое, поскольку не оно видится ООН как средство установления мира, а также потому, что осуществление принудительных акций требует особого сочетания условий.

специальным положениям и механизмам. В этой области, как и во многих других, Устав интерпретировался с большой гибкостью, что было неизбежным последствием прошлого. Во-вторых, имевший место конфликт показал отсутствие единства в Движении неприсоединения. С тех пор Движение неприсоединения имеет большие сложности в использовании своей имевшей место в прошлом способности блокировать решения, когда оно действует коллективно, что иногда называлось "шестым правом вето". В-третьих, ситуация в Персидском заливе заставила Совет рассмотреть целый ряд новых вопросов. Многие решения, которые он принял в этой связи, оказали серьезное влияние на его поведение в других областях.

Сочетание этих факторов означает, по существу, что в последние полтора года инициатива в Совете Безопасности значительно переместилась на Запад. Этот феномен в сочетании с широкими политическими переменами по всему земному шару – озабоченностью региональной нестабильностью, гуманитарными вопросами, правами человека, демократией – привел к фундаментальным изменениям в повестке дня Совета.

Декларация, принятая членами Совета на высшем уровне 31 января 1992 г., является, возможно, самым ярким проявлением этих перемен⁵. Некоторые элементы этой декларации, такие как общие ссылки на связь экономических, социальных и экологических вопросов и поддержания международного мира и безопасности, являются важными, но относятся к долгосрочным и не имеют непосредственного оперативного действия применительно к Совету Безопасности. Однако другие элементы отражают постепенные, но фундаментальные перемены в значении концепции международного мира и безопасности, – изменения, которые уже чувствуются сегодня.

Необходимо вспомнить, что сфера деятельности Совета Безопасности ограничена некоторыми основными принципами, содержащимися в Уставе. Во-первых, мандат самого Совета ограничен вопросами, относящимися к международному миру и безопасности⁶. Во-вторых, ООН в целом запрещено вмешиваться в вопросы, которые "по существу" входят во внутреннюю компетенцию государств. Это не затрагивает применения принудительных мер, согласно главе VII⁷. Следовательно, на практике многое будет зависеть от интерпретации и применения этих принципов, и мы видим, что уже сейчас многое изменилось. Подтверждением тому служит рассмотрение Советом Безопасности стоящих в его повестке вопросов: международного терроризма, ограничения вооружений и внутренних конфликтов вместе с гуманитарными вопросами.

Проблемы международного терроризма время от времени рассматривались Советом Безопасности в 70-х годах, но они тогда

были трудно разрешимы. Этот вопрос был обсужден Советом снова только в 1989 году, после того, как значительный прогресс был достигнут на Генеральной Ассамблее в разработке общего подхода к этому феномену⁸.

В 1989 году Совет единогласно принял две резолюции: одна призывала к эффективным действиям для маркировки пластиковых и листовых взрывчатых устройств, приводящих к разрушению гражданских реактивных самолетов⁹; другая касалась заложников и похищений и совпала с сообщением об убийстве подполковника Хиггинса в Ливане¹⁰. Затем в 1990 году отказ от актов международного терроризма был одним из обязательств, возложенных на Ирак резолюцией Совета Безопасности, определяющей условия прекращения огня¹¹.

Позднее, в прошлом году, Совет приступил к рассмотрению вопросов ответственности за уничтожение самолетов PAN AM (рейс 103) через Локерби, Шотландия, и UTA (рейс 772) в Северную Африку. В январе этого года Совет принял далеко идущую резолюцию, содержащую просьбу к Ливии ответить на запросы Франции, Великобритании и США в связи с этими террористическими актами¹². В конце марта Совет принял вторую, в равной степени далеко идущую резолюцию, налагающую принудительные санкции, которые вступили в действие 15 апреля сего года в связи с тем, что Ливия не выполнила предыдущих требований¹³.

Эти события и декларация, принятая Советом на заседании на высшем уровне (вопросы международного терроризма рассматривались в общем разделе "Коллективная безопасность")¹⁴, подтверждают не только то, что Совет Безопасности считает себя полностью компетентным в данном вопросе, но и то, что он рассматривает его наравне с актом агрессии. Тем не менее расследование Советом Безопасности инцидента Локерби также вызвало некоторую нервозность среди неприсоединившихся стран.

Второй областью расширения мандата Совета является ограничение вооружений. Во-первых, можно отметить, что после периода в четыре десятилетия, во время которого он наложил только два эмбарго на поставки оружия (против Родезии¹⁵ и Южной Африки¹⁶), Совет Безопасности наложил еще четыре эмбарго в течение менее двух лет (в отношении Югославии¹⁷, Сомали¹⁸, Ливии¹⁹ и, конечно, Ирака²⁰). В этом случае были приняты беспрецедентные, чрезвычайные меры. Они включают присутствие и свободу действий ООН на территории Ирака с целью запрета владения, производства, приобретения Ираком определенных типов оружия и долговременный контроль за соблюдением обязательств Ираком.

В более общем плане на заседании Совета на высшем уровне ясно выражена мысль, что его члены намерены "принять конкретные меры" в области ограничения вооружений и разоружения, которым отводится треть декларации. Они констатируют, что распространение всех видов оружия массового уничтожения представляет "угрозу международному миру и безопасности", и делают ряд относящихся к этому заявлений²¹. В связи с такими широкими формулировками ожидается, что хотя бы некоторые из его членов захотят, чтобы Совет принял меры в будущем в этих областях, основываясь на пока не применявшейся и имеющей ограниченную сферу действия статье 26 Устава ООН.

В более широком плане роль Совета в последнее время значительно расширилась в двух областях, которые часто взаимосвязаны, — внутренние дела и гуманитарная помощь. На протяжении многих лет ООН неоднократно способствовала разрешению внутренних конфликтов, но всегда специально обосновывала свои действия. В дополнение к классическим вопросам деколонизации, таким как Намибия и Западная Сахара, ООН играла очень важную роль в установлении мира среди оппозиционных групп в Никарагуа. Сейчас подобные процессы происходят в Сальвадоре, Анголе и Камбодже. Такого рода вовлеченность объясняется в каждом случае тем, что эти внутренние конфликты были результатом регионального конфликта, угрожающего миру и безопасности, что оправдывало вмешательство ООН.

Ирак также может относиться к особому случаю. Здесь присутствие ООН было исключительным. Помимо роли собственно в ограничении вооружений Ирака, что отмечалось ранее, ООН в действительности обеспечила защиту курдских и шиитских меньшинств, которым угрожало их собственное правительство на их собственной территории²². ООН продолжает также контролировать внутренние экономические и торговые отношения Ирака для того, чтобы заставить его выполнить требования ООН о компенсации Кувейту и другим государствам, финансирования различных операций ООН и гуманитарной помощи собственному населению страны²³. Однако и эта ситуация объясняется особыми причинами: добиться обеспечения того, чтобы агрессор не смог напасть на кого бы то ни было.

После Ирака появилось несколько других случаев, которые постепенно расширили роль Совета. Во-первых, это ситуация в Югославии, конфликт в которой, будучи внутренним в своей основе, получил распространение за пределами ее границ. Миротворческая операция в Югославии сейчас находится в процессе полного развертывания²⁴. Вместе с тем Совет принял меры предосторожности, основывая свою вовлеченность на утверждении, что продолжение

конфликта в Югославии представляет угрозу международному миру и безопасности и что он только организовал миротворческую операцию и наложил эмбарго на поставки оружия по просьбе самой Югославии²⁵.

Совсем недавно Совет определил также, что продолжение конфликта в Сомали (внутренний конфликт) представляет угрозу международному миру и безопасности, и подошел к этому всесторонне. Соответствующие резолюции включают многочисленные ссылки на гуманитарную помощь. В этом случае он также налагал эмбарго на оружие²⁶.

Недавнее назначение Генеральным секретарем специального представителя в Нагорный Карабах и его отъезд с миссией по выяснению фактов по данному вопросу, который также в большой степени является внутренним этническим кризисом, – другой пример активной вовлеченности ООН в подобные проблемы.

Наконец, несмотря на участие ООН в процедуре контроля за выборами в Гаити, свержение демократически избранного правительства президента Аристида было явно внутренним делом, мало имеющим отношение к международному миру и безопасности. В данном случае Совет Безопасности не принял резолюции, но впервые провел заседание по сугубо внутреннему вопросу и уполномочил своего Председателя сделать заявление, объявляющее подобное положение неприемлемым. Тем временем члены Организации американских государств – организации, которой также запрещено вмешиваться во внутренние дела ее членов, – объявили о санкциях против Гаити, хотя и не обязательных²⁷.

Думается, что это чередование чрезвычайных случаев в течение последних двух лет не случайно. С гуманистических позиций всегда было трудно согласиться с тем, что конфликты, потеря жизни и разрушения могут легко переноситься только потому, что это происходит лишь в одном государстве. Сейчас мир изменился. Перемены в Восточной Европе, конечно, создали новую, нестабильную ситуацию, которая вызывает озабоченность со стороны многих государств, и в целом многие вопросы, которые традиционно рассматривались как чисто внутренние, сейчас вызывают законную международную озабоченность. Это справедливо для проблем, которые определенно не могут быть разрешены без международного сотрудничества. Как может быть, например, решено большинство экологических или экономических проблем без их изучения и действий в глобальном масштабе?

Международная мораль также изменилась. Многие нарушения прав человека, например те, которые не так давно игнорировались, сейчас осуждаются и расследуются гораздо быстрее. Большое давле-

ние оказывается также на государства с целью принятия и ускорения необходимой гуманитарной помощи. Трудно сейчас предположить, чтобы такие широкомасштабные трагедии, которые случились, например, в Уганде или Камбодже несколько лет назад, могли так долго не ставиться в повестку дня ООН. С другой стороны, необходимо признать, что решения осуществлять операции в условиях, которые могут не полностью подпадать под все традиционные требования для операций по поддержанию мира, например для гуманитарных целей, вероятно, будут иметь практические последствия, которые нужно предусматривать, особенно для безопасности лиц, осуществляющих такие операции.

В заключение особо следует упомянуть повышение в течение последних двух лет эффективности роли ООН в предотвращении конфликтов – традиционно слабого звена в деятельности ООН. Генеральная Ассамблея, новый Генеральный секретарь и многие государства индивидуально – все стали проявлять большую озабоченность в необходимости превентивных мер²⁸. Учитывая внимание, уделяемое снова этому аспекту безопасности и недавней декларации заседания Совета Безопасности на высшем уровне²⁹, нет причин не верить, что Совет Безопасности сможет в конце концов успешно предотвращать угрозы миру, а не только устранять их, таким образом выполняя все требования § 1 статьи 1 Устава ООН.

Сказанное позволяет высказать несколько положений общего характера.

Как положительный фактор следует отметить, что ООН более активна и созидательна в ее поисках политических решений, чем когда бы то ни было. Сфера действия ее миротворческой деятельности расширилась и сейчас включает внутренние вопросы, права человека, гуманитарные вопросы, международный терроризм, ограничение вооружений и т.д. Хотя и несомненно, как отмечалось ранее, что импульсом к этим переменам была трансформация отношений между Востоком и Западом, было бы ошибкой предполагать, что активность Запада была единственной причиной этой обновленной сферы деятельности. Она также отражает общую озабоченность и подходы, которые все больше и больше разделяют государства всех регионов, в частности в областях демократического развития и прав человека (например, заинтересованность Африки в вовлеченности ООН в дела Сомали).

Остается ожидать, выдержит ли эта эволюция проверку временем. Существуют, кроме того, по крайней мере два потенциальных препятствия для дальнейшего расширения миротворческой роли ООН.

Первое заключается в том, что развивающиеся страны искренне озабочены объективным влиянием западных держав на Совет Безопасности и отходом от традиционных принципов или конвенций, в частности возможностями ограничить внутренние маневры государств. Именно поэтому неприсоединившиеся страны (и Китай в том числе) так тщательно оформляют включение любого нового вопроса в известные рамки, касающиеся мира и безопасности, часто ценой довольно эластичных определений. В силу этого и последние действия Совета в деле Локерби были приняты неохотно даже теми государствами, которые не симпатизируют Ливии, из-за их потенциальной возможности стать прецедентом. В Совете проголосовали "за" десять государств и пять воздержались, что по современным стандартам является ограниченным одобрением.

По этим же причинам раздаются призывы к большей открытости и большей связи между Советом Безопасности и Генеральной Ассамблеей, где влияние развивающегося мира значительно больше. Усилия по включению в повестку дня Совета проблем торговли наркотиками, например, провалились по этой причине, и вопрос был рассмотрен только на Ассамблее. Выражается также озабоченность в связи с неодинаковым рассмотрением различных регионов, например Югославии и Сомали, причем переориентация интересов объясняется составом Совета. Другими словами, несмотря на большую совместимость философий, чем прежде, остаются реальными основы для различных форм противоречий между Севером и Югом, осложняющиеся увеличивающимися проблемами передачи ресурсов от развивающихся стран.

Вторым и заключительным препятствием для расширения роли ООН являются различные проблемы ресурсов. Финансовые вопросы, в частности, достигли беспрецедентной важности в ходе переговоров Совета Безопасности с теми государствами, которые требуют активности ООН, но жалуются на стоимость соответствующих операций. Деятельность ООН по сохранению и обеспечению мира пока еще не является неотъемлемой частью политики национальной безопасности государств. Это может быть совершенно понятно с внутривнутриполитической точки зрения, но если мнение, которое иногда приводится, о том, что полуторадневная операция "Буря в пустыне" станет ежегодной практикой операций по поддержанию мира по всему свету, правильно, то может быть законным образом поставлен вопрос о пересмотре правительствами своих установившихся приоритетов.

¹ Резолюция Совета Безопасности 418 от 4 ноября 1977 г., 558 от 13 декабря 1984 г., 591 от 28 ноября 1986 г.

² Резолюция Совета Безопасности 232 от 16 декабря 1966 г., 253 от 29 мая 1968 г., 277 от 18 марта 1970 г., 388 от 6 апреля 1976 г., 409 от 27 мая 1977 г.

³ Резолюция Совета Безопасности 83 от 27 июня 1950 г., 84 от 7 июля 1950 г.

⁴ Резолюция Совета Безопасности 678 от 29 ноября 1990 г.

⁵ См. Нота Председателя Совета Безопасности. Док. ООН S/23500 от 31 января 1992 г.

⁶ См. Устав ООН, статья 24(1): "Для обеспечения быстрых и эффективных действий Организации Объединенных Наций ее Члены возлагают на Совет Безопасности главную ответственность за поддержание международного мира и безопасности и соглашаются в том, что при исполнении его обязанностей, вытекающих из этой ответственности, Совет Безопасности действует от их имени".

⁷ См. Статья 2(7) Устава ООН: "Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от Членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании Главы VII".

⁸ См. например, резолюция 46/51 Генеральной Ассамблеи "Меры по ликвидации международного терроризма", принятая без голосования 9 декабря 1991 г.

⁹ Резолюция Совета Безопасности 635 от 14 июня 1989 г.

¹⁰ Резолюция Совета Безопасности 638 от 31 июля 1989 г.

¹¹ Резолюция Совета Безопасности 687 от 3 апреля 1991 г.

¹² Резолюция Совета Безопасности 731 от 21 января 1992 г.

¹³ Резолюция Совета Безопасности 748 от 31 марта 1992 г.

¹⁴ См. Нота Председателя Совета Безопасности. Док. S/23500.

¹⁵ Резолюция Совета Безопасности 232.

¹⁶ Резолюция Совета Безопасности 418.

¹⁷ Резолюция Совета Безопасности 713 от 25 сентября 1991 г.

¹⁸ Резолюция Совета Безопасности 733 от 23 января 1992 г.

¹⁹ Резолюция Совета Безопасности 748.

²⁰ Резолюция Совета Безопасности 661 от 6 августа 1990 г.

²¹ Нота Председателя Совета Безопасности. Док. S/23500.

²² Резолюция Совета Безопасности 688 от 5 апреля 1991 г.

²³ См. например, резолюции Совета Безопасности 687, 692 от 20 мая 1991 г., 699 от 17 июня 1991 г., 705 от 15 августа 1991 г., 706 от 15 августа 1991 г.

²⁴ Резолюция Совета Безопасности 743 от 21 февраля 1992 г., 749 от 7 апреля 1992 г.

²⁵ См., например, резолюции Совета Безопасности 713, 721 от 27 ноября 1991 г. и письмо от 26 ноября 1991 г. постоянного представителя Югославии Председателю Совета Безопасности, содержащееся в Док. ООН S/23240.

²⁶ Резолюции Совета Безопасности 733, 746 от 17 марта 1992 г., 751 от 24 апреля 1992 г.

²⁷ Резолюция Организации американских государств MRE/Res.1/91 "Поддержка демократического правительства Гаити" (см. Док. ООН S/23131 от 9 октября 1991 г.) и резолюция ОАГ MRE/Res.2/91 "Поддержка демократии в Гаити" (см. Док. ООН S/23132 от 9 октября 1991 г.).

²⁸ Резолюция Генеральной Ассамблеи 43/51 "Декларация о предотвращении и устранении споров и ситуаций, которые могут угрожать международному миру и безопасности, и о роли ООН в этой области", принятая без голосования 5 декабря 1988 г.; резолюция 46/59 "Декларация о расследовании обстоятельств Организации Объединенных Наций в области поддержания международного мира и безопасности", принятая без голосования 9 декабря 1991 г.

²⁹ Нота Председателя Совета Безопасности. Док. S/23500.

Новая Европа

КОНЦЕПЦИЯ "ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА": ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

А.Х. Саидов*

Юридическая наука призвана сыграть важную роль в тех процессах, которые охватываются ныне такими понятиями, как "человеческое измерение", "европейское правовое пространство". Она позволяет выявить закономерности и тенденции развития основных правовых систем Европы и мира, связанные с интеграционными процессами, научно-техническим прогрессом, возросшей ролью международных организаций и международного права.

О ПОНЯТИИ "ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО"

Путь к концепции "европейского правового пространства" был долгим и непростым. Было бы преувеличением полностью приписывать зарождение концепции "европейского правового пространства" новому политическому мышлению. Взгляд на окружающий нас единый и взаимозависимый мир через призму человека, его потребностей и интересов восходит корнями к истокам мировой, в частности европейской, цивилизации.

Разумеется, у сегодняшнего понимания концепции "европейского правового пространства" есть и более конкретные истоки. Современное понимание европейского правового пространства возникло на базе проблематики прав человека. Еще в недавнем прошлом утверждалось, что все, связанное с правами человека, относилось исключительно к внутренней компетенции каждого государства; теперь повсеместно признается, что степень соблюдения и уважения прав человека определяет на международной арене и степень доверия к государству.

Термин "европейское правовое пространство" как юридический

* Директор Института философии и права АН Республики Узбекистан, доктор юридических наук.

аспект общеевропейского процесса и часть формирования "общеевропейского дома" появился в Хельсинки на Совещании по безопасности и сотрудничеству в Европе (СБСЕ). Он применяется для обозначения гуманитарных разделов хельсинкского Заключительного акта – VII принципа (уважение прав человека и основных свобод) и его "третьей корзины" (сотрудничество в гуманитарных и других областях). Нередко термин "европейское правовое пространство" используется и для обозначения различных форм правового сотрудничества в рамках ЕС, Совета Европы.

Идея европейского правового пространства, по мнению французского профессора М. Лесажа, открывает в Европе путь третьему этапу отношений Запад – Восток в области прав человека¹. Если первый этап начался сразу после второй мировой войны с принятия Всеобщей декларации прав человека, то второй – с хельсинкского Заключительного акта. Подписавшие его государства пришли к согласию, во-первых, возложить на себя обязательства, которые будут осуществлять в своей собственной системе, и, во-вторых, отчитываться друг перед другом о соблюдении или несоблюдении прав человека в своих странах. Третий, современный этап призван логически выявить общую платформу, одинаково интерпретируемую во всех европейских государствах.

Понятие "европейское правовое пространство" подытоживает то положительное, что достигнуто в области прав человека в эволюции правовых форм сотрудничества государств Европы. Вместе с тем оно предполагает дальнейшее развитие их взаимоотношений не только посредством международного права, но и путем формирования европейских национальных правовых систем. Становление европейского правового пространства не идентично появлению некоего надгосударственного европейского права. Речь идет о выработке различных форм взаимодействия национальных государств Европы, о сближении их законодательных норм, поисках совместных решений конкретных общеправовых проблем. Такое сотрудничество не ограничивается лишь проблематикой прав человека, а выходит далеко за ее пределы. В настоящее время уже имеются сферы правового регулирования, в которых сближение законодательств различных европейских государств является насущной необходимостью: деятельность акционерных обществ, совместных предприятий, инвестиции, передача технологии, налогообложение.

Идея Европы как единого правового пространства рассчитана на длительную историческую перспективу. Сохраняющиеся различия в социально-политическом устройстве, правовых системах и культурно-исторических традициях ограничивают возможности сотрудничества стран – участниц СБСЕ в сфере правовых отношений. В то же

время дальнейшее развитие общеевропейского процесса предполагает разработку и кодификацию общеевропейских правовых норм, разрастание инфраструктуры договоров, соглашений, конвенций, различных организационных общеевропейских структур, регулирующих отношения между странами – участницами СБСЕ в различных сферах политической, гуманитарной, экономической жизни.

Учитывая, что объектами правового регулирования являются практически все области отношений между странами – участницами СБСЕ, правомерно применять понятие "европейское правовое пространство" не только в рамках Конференции по человеческому измерению, но и ко всему комплексу отношений между Востоком и Западом.

Единое правовое пространство – это региональная правовая система, объединяющая национальные правовые системы европейских стран и участвующих в общеевропейском процессе США и Канады и обеспечивающая правовые основания "общеевропейского дома". На пражской встрече Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе (январь 1992 г.) его участники отказались от сегрегации в хельсинкском процессе по географическому признаку. В "состав" Европы были приняты сразу десять республик бывшего Союза, включая азиатские. Участниками хельсинкского процесса теперь стали 52 государства.

С точки зрения содержательной понятие "европейское правовое пространство" включает в себя все те направленные на взаимопонимание и сотрудничество установки, которые сложились ранее, в частности в связи с Хельсинкским актом: организация взаимоотношений государств исключительно на правовой основе, уважение международного права и признание его принципов и норм во внутригосударственном законодательстве и т.д. Но оно должно пониматься шире, поскольку включает новый момент: дальнейшее развитие национальных правовых систем, с тем чтобы обеспечить необходимые предпосылки общеевропейской "правовой общности", без чего лозунг "Европа – наш общий дом" не имеет смысла. Это не "общее право" наднационального характера, а поиск и создание некоего правового минимума в государствах, который обеспечивает их нормальное взаимообщение в рамках общеевропейского процесса. Если раньше применительно к сотрудничеству и сближению государств упор делался в основном на международное право и его развитие, то теперь к этому следует добавить национальное правовое развитие в направлении к правовой государственности.

Концепция "европейского правового пространства" предполагает, что государства Европы должны выступать как правовые госу-

дарства, государственный механизм которых функционирует на основе верховенства закона, принципа законности; в них гарантированы правовые отношения между государством и гражданином, обеспечены правовая стабильность и безопасность личности. Нынешний этап формирования европейского правового пространства предполагает сближение, но не полную унификацию правовых норм различных государств. Даже в тех сферах, где сближение правовых норм различных государств уже произошло (экология), сохраняется потребность в создании более совершенных юридических механизмов. Для обеспечения сближения права европейских государств необходимо разработать понятийный аппарат организационно-правового пространства. При этом должны быть определены структуры и механизмы, обеспечивающие переход от конфронтации к сотрудничеству. В частности, было бы целесообразно отечественным ученым отойти от так называемого контрастирующего подхода к буржуазному праву, а ученым западных стран – от традиционных евроцетристских представлений.

Ученые-юристы западноевропейских государств выделяют несколько уровней анализа европейского правового пространства: правовая семья, правовое государство, сотрудничество в рамках международных организаций, сотрудничество между самими международными организациями.

В широко известной работе французского компаративиста Р. Давида разработано деление существующих правовых систем на основные "правовые семьи". На основе определенных классификационных критериев автор выделяет три главные правовые семьи: романо-германскую семью, семью общего права и семью социалистического права². Если первая из них сложилась на основе римского права, где во главу угла поставлены нормы, которые рассматриваются как модели поведения, отвечающие требованиям справедливости и морали, то вторая создавалась судьями, разрешавшими споры между конкретными лицами. Судебные решения становились прецедентами, используемыми при рассмотрении аналогичных дел в последующем. Вместе с тем Р. Давид отмечает постепенное взаимное сближение этих двух правовых семей на основе "одной и той же идеи справедливости"³. Характеризуя третью семью – семью социалистического права, Р. Давид указывает ее историческую общность в значительной мере с романо-германской правовой семьей.

Не используя в своей работе понятие "европейское правовое пространство", Р. Давид создает своего рода теоретико-методологическое обоснование развития процесса правового сотрудничества в Европе⁴.

Основными направлениями создания основ европейского правового пространства, на наш взгляд, являются: во-первых, международное право и его прогрессивное развитие; во-вторых, соответствующая этому эволюция внутригосударственного законодательства, судебной практики и т.д.; в-третьих, сравнительное изучение как способ выявления общего и устранения различий между национальными правовыми системами, то есть иностранного законодательства, парламентских, административных, судебных структур.

Не случайно европейское правовое пространство сформировалось раньше, чем европейское экономическое пространство: правовые системы ближе друг к другу, чем экономические. Причин тому несколько: исторические условия, относительная самостоятельность правовой формы (общие черты товарного хозяйства, борьба с преступностью), большая изменчивость и приспособляемость права.

ПУТИ ФОРМИРОВАНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА

Движение к европейскому правовому пространству – это длительный процесс постепенного сближения и взаимной адаптации законодательства и правовых норм государств СБСЕ, прежде всего тех норм, которые регулируют или каким-то иным образом связаны с развитием сотрудничества и обменов между государствами и народами. Думается, что такого рода процесс должен вести к преодолению там, где это уже сейчас возможно, коллизий в законодательстве различных стран, к устранению сохраняющихся нормативных и административно-технических препятствий в различных сферах сотрудничества и обменов.

Идея европейского правового пространства имеет и более широкий контекст и связана с общеевропейским процессом в целом. Потребность во взаимной адаптации есть в самых разных областях – в экономике и экологии, в науке и технике, торговле, таможенных правилах, в социальной области, в сфере культуры и контактов между людьми, в визовой практике и т.д. И в этом смысле парижская инициатива тесно смыкается с идеей общеевропейского экономического пространства. Ведь общеправовые нормативные стандарты, ориентированные на облегчение хозяйственной интеграции Востока и Запада, необходимы и возможны как в относительно частных вопросах (защита инвестиций, избежание двойного налогообложения, регулирование порядка образования совместных предприятий и т.д.), так и в более крупных, вплоть до перспективы повышения уровней совместимости хозяйственных механизмов различных государств.

Представляется, что при определении общих параметров и конкретных путей реализации концепции "европейского правового пространства" нам было бы полезно внимательно изучить имеющийся опыт правовой интеграции в рамках Совета Европы и Европейских сообществ. Вполне возможно, что во многих случаях отпадет сама необходимость изобретать какие-то новые нормы, если они уже существуют, "работают" и оправдали себя на практике.

Поэтому весьма важное значение приобретают налаживающиеся сейчас рабочие взаимодействия бывших советских республик с Парламентской ассамблеей и другими органами Совета Европы, изучение вопроса о присоединении к ряду разработанных в этой организации международных конвенций. Присоединение к ряду конвенций Совета Европы приобщило бы нас к существующим европейским правовым стандартам во многих важных областях. Так, было бы логично присоединиться к Европейской конвенции по защите прав человека и основных свобод 1950 года. Хотя она и является закрытой по своему характеру (ее участниками могут быть только государства, входящие в Совет Европы), это препятствие, видимо, не следует считать абсолютно непреодолимым в будущем. Кроме того, не стоит, по-видимому, недооценивать и опыт правовой интеграции в рамках Европейских сообществ, особенно в том, что касается хозяйственного законодательства.

Не упуская из виду широкую перспективу, открываемую концепцией "европейского правового пространства", сегодня важно сконцентрироваться на решении ближайших конкретных вопросов: в каких сферах сотрудничества унификация и гармонизация законодательства должны пойти в первую очередь и какими методами? Ведь этот процесс будет постепенным и неравномерным на разных направлениях. На наш взгляд, человеческое измерение (права человека, гуманитарный вопрос) является той областью, где уже сейчас, в относительно короткие сроки важен и возможен процесс формирования общего европейского правового пространства. В перспективе целесообразно также подключиться к общеевропейской системе разрешения юридических споров.

В рамках хельсинкского процесса уже сложился определенный вариант унификации и гармонизации внутреннего законодательства государств путем приведения его в соответствие с согласованными общеевропейскими стандартами в области прав человека, гуманитарного сотрудничества. Очевидны и преимущества этого пути. Не навязывая государствам конкретные нормы, не подменяя внутренние нормы и институты международными, не покушаясь на самобытность правовых систем (различия между которыми сохраняются, в частности между англосаксонской и романо-германской правовыми семья-

ми), он устанавливает определенные правовые минимальные стандарты демократичности, ниже которых государства не должны опускаться в своем национальном законодательстве. Идея общего европейского правового пространства способна придать этому фактически уже начавшемуся процессу более последовательный и целенаправленный характер. После приведения законодательства в соответствие с международными стандартами в области прав человека целесообразно разработать правообязывающий акт, содержащий кодифицированные нормы и принципы по данной проблематике. Следствием этого будут определенное ограничение суверенитета национальных государств, создание международной палаты, принимающей общеобязательные решения, распространяющиеся на все государства.

В рамках концепции европейского правового пространства представляется весьма важным изучение трех проблем.

Первая – разработка на общеевропейском уровне правового государства. Эта тема занимает сейчас приоритетное место в дискуссиях в нашей стране и за рубежом. Наверное, не следует вести эту дискуссию в отрыве от более широкого европейского опыта, в рамках которого, собственно, и родился феномен правового государства. Необходимо дальнейшее определение путем сравнительного анализа его основополагающих принципов, установление минимальных юридических стандартов, позволяющих отличить правовое государство от “неправового”, тем более что внесенное в Париже советско-французское предложение призывает строить правовое пространство “на основе Европы правовых государств”.

Разумеется, это предполагает и определенное взаимопонимание по данному вопросу. В этой связи следует обратиться к французским и английским предложениям, внесенным в Париже, которые излагают основные принципы правового государства и верховенства закона. Отсюда возникает настоятельная потребность выработать общее понимание правового государства. Движение к единому правовому пространству предполагает создание Европы правовых государств, в которых в полном объеме будут осуществляться общечеловеческие достижения демократии и цивилизации, такие как верховенство закона во всех сферах жизни общества, связанность государства правом, права и свободы личности, взаимная ответственность государства и личности, высокая роль суда и т.д.

Вторая проблема – дальнейшее повышение и конкретизация общеевропейских стандартов в области прав человека. В венских договоренностях о правах человека им уделено значительно больше внимания, чем в документах Хельсинки и Мадрида. Тем самым обозначился существенный прогресс в развитии каталога прав человека, являющихся предметом законного рассмотрения на общеевро-

пейском уровне. В ходе хельсинкского процесса должны рассматриваться не отдельно взятые из контекста личные права, а весь комплекс прав – гражданских, политических, социальных, экономических, культурных.

В заключительном разделе Итогового документа Вены – “Человеческое измерение СБСЕ” – предусмотрено создание механизма, позволяющего развивать сотрудничество государств в области прав человека, который стал называться “венским механизмом”. Суть его в том, что государства будут обмениваться информацией и отвечать на запросы, относящиеся к уважению всех прав человека и основных свобод, контактам между людьми и другим связанным с этим проблемам гуманитарного характера. На основе венской договоренности, как известно, было решено провести три совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Первое из них прошло в мае – июне 1989 года в Париже. Второе состоялось в июне 1990 года в Копенгагене, а осенью 1991 года в Москве было проведено третье совещание.

На Парижском совещании внесено немало предложений, расширяющих перечень зафиксированных в документах СБСЕ прав человека или конкретизирующих содержащиеся в них обязательства. Дополненный список должен включать: свободу выражать свое мнение; право на мирные собрания, включая право на манифестации, а также на свободу ассоциаций; права на социальное обеспечение и на образование; право на безопасную окружающую среду; права ребенка; право на отказ от несения воинской службы по религиозным и иным мотивам и др. Следует признать, что большинство внесенных в Париже предложений лишь подтверждает положения международных пактов и Всеобщей декларации прав человека. Речь идет, таким образом, в большинстве случаев не о том, чтобы взять на себя принципиально новые обязательства, а о том, чтобы сделать эти вопросы предметом законного рассмотрения в рамках хельсинкского процесса. Одним словом, Парижское совещание подняло выше Вены планку достижений общеевропейских государств в области прав человека. Это и есть важный прогресс в деле формирования европейского правового пространства.

Важной задачей является приведение внутреннего законодательства стран – участниц СБСЕ в соответствие с международными актами, в том числе с Заключительным актом и Итоговым документом Венской встречи. Выравниванию национального законодательства по правам человека стран – участниц СБСЕ будет способствовать проведение всестороннего сравнительного анализа европейских правовых систем и концепций, взаимное обогащение передовым опытом. С этой целью следовало бы создать рабочую группу экспертов стран – участниц СБСЕ для подготовки рекомендаций по совер-

шенствованию национального законодательства в области прав человека.

Наконец, третья проблема – совершенствование венского механизма сотрудничества в вопросах, относящихся к человеческому измерению. По нашему мнению, венский контрольный механизм в перспективе будет все больше занимать место дополнительного международного средства правовой защиты человека, не подменяющего собой национальные средства, но в известной мере контролирующего их и мобилизующего на более четкую работу.

В соответствии с Европейской конвенцией по защите прав человека и основных свобод 1950 года, 15 государств – членом Совета Европы обязаны соблюдать права человека и основные свободы, относящиеся к их юрисдикции. Эта конвенция направлена не на то, чтобы заменить национальные системы защиты прав человека, а на осуществление международных гарантий в дополнение к установленным в национальных правовых системах. Это проявляется прежде всего в инкорпорированности положений конвенции во внутригосударственные правовые нормы. Но имплементация была осуществлена по-разному в различных государствах. В одних странах изменили внутреннее законодательство в целях приведения в соответствие с положениями конвенции, в других – нормы конвенции были включены в национальное законодательство, в результате чего каждый гражданин получил возможность направлять жалобу или иск в национальный судебный или административный орган, прямо основываясь на положениях этого международного договора. Там, где конвенция не была прямо инкорпорирована, национальное право не должно содержать противоречащих ей норм.

В рамках правового сотрудничества в системе Совета Европы проводится унификация законодательства и правовой политики посредством реформ и взаимодействия между государствами-членами. К настоящему времени подготовлено 129 конвенций, соглашений, протоколов⁵. Такое сотрудничество охватывает различные отрасли – от уголовного до международного частного права и обычно относится к сферам внутригосударственного правового регулирования. Совет Европы дает рекомендации национальным законодательным органам. В этих целях действуют два органа – Европейский комитет правового сотрудничества (гражданское, коммерческое, административное и международное право) и Европейский комитет по вопросам преступности (уголовное право, криминология, пенология), которому помогает Научный криминологический совет. Государства-члены принимают единообразные положения, касающиеся возраста привлечения к ответственности, адаптации детей, статуса внебрачных детей, защиты потребителей, страхования автомобилей,

защиты животных, системы классификации патентов и авторских прав, порядка выдачи уголовных преступников, борьбы с терроризмом, условий содержания преступников в местах заключения и др.

Дальнейшее развитие европейского правового пространства может, по-видимому, происходить на двух уровнях – общеевропейском и национальном. На общеевропейском уровне наполнение реальным содержанием идеи единого правового пространства предполагается, очевидно, как формирование новых политико-правовых структур, так и придание общеевропейского характера уже имеющимся региональным организациям и международно-правовым соглашениям; на национальном – приведение внутреннего законодательства в соответствие с международными, в том числе общеевропейскими, нормами и обязательствами и создание на этой основе Европы правовых государств. Это позволит устранить имеющиеся несоответствия правовых норм в странах – участницах СБСЕ, мешающие развитию между ними политического взаимодействия, экономических отношений, гуманитарного сотрудничества.

Формированию общеевропейских политико-правовых и организационных структур могла бы способствовать активизация системы межпарламентских обменов с Европейским парламентом, ассамблеями Совета Европы. В этой связи можно было бы создать общеевропейскую межпарламентскую группу стран – участниц СБСЕ в рамках Межпарламентского союза, которая вносила бы предложения и рекомендации по всему кругу проблем общеевропейского сотрудничества, включая европейское правовое пространство.

Представляется целесообразным создание общеевропейской системы разрешения межгосударственных споров и коллизий правовых норм различных государств. Для разработки такой системы следовало бы создать рабочую группу экспертов стран – участниц СБСЕ.

Одной из новых форм сотрудничества некоторых европейских государств является предварительный обмен между парламентскими органами информацией о готовящихся законопроектах, которые могут касаться интересов других государств. В этом плане законодательные органы европейских государств могли бы выступить с инициативой по широкому распространению и систематизации такой практики, которая служила бы общеевропейским интересам. Логичным станет создание в этих целях при национальных парламентских органах специальных экспертных подразделений по обработке и анализу законопроектов других европейских государств, а также процедур по координации и урегулированию возможных противоречий.

На уровне исполнительных органов европейское правовое пространство будет развиваться в первую очередь на основе сотруд-

ничества правоохранительных органов: министерств юстиции, внутренних дел, общественной безопасности, конституционных судов, арбитражей, коллегий адвокатов и т.д. Области сотрудничества могут быть уголовное право (борьба с терроризмом, наркобизнесом, другими международными преступлениями), гражданское, административное, коммерческое право и другие отрасли права. Зарубежный опыт показывает, что важной сферой сотрудничества должны стать договоренности по поводу взаимного признания гражданско-правовых и других юридических документов, дипломов о высшем образовании, научных степенях и т.д. Целесообразной представляется работа соответствующих правовых органов по созданию общих систем кодификации юридических актов.

Среди региональных европейских организаций существенная роль в плане формирования европейского правового пространства принадлежит на данном этапе Совету Европы и его органам. Помимо Парламентской ассамблеи Совета Европы наши эксперты могли бы участвовать в работе таких органов, как Европейский комитет правового сотрудничества, Европейский комитет по вопросам преступности, Научный криминологический совет и др. После соответствующей экспертизы возможным станет присоединение к конвенциям, заключенным в рамках Совета Европы (например, по борьбе с терроризмом, незаконной торговлей наркотиками, контрабандой, о выдаче преступников и обмене законодательными документами).

В устранении барьеров на пути экономического сотрудничества важное значение имеет создание прочной правовой основы экономических отношений между европейскими государствами. Здесь на первый план выдвигаются создание единообразных правовых условий для деятельности совместных предприятий; разработка соглашений, регулирующих иностранные инвестиции, правовой режим вкладчиков капитала, передачу и охрану технологии, предоставляемой иностранным инвестором в качестве вклада в совместные предприятия; деятельность свободных экономических зон; разработка общего акционерного права. В связи с этим было бы целесообразно создание постоянной рабочей группы экспертов стран – участниц СБСЕ для разработки правового статуса совместных предприятий; инвестиционного кодекса, определяющего условия доступа иностранного капитала, сферы его приложения, льготы и гарантии, предоставляемые иностранному инвестору; нормативного акта об акционерных обществах и обществах с ограниченной ответственностью и т.д.

Идея единого правового пространства предполагает также создание правовой основы европейской региональной системы экологической безопасности. В качестве первоочередной меры по созданию такой системы можно назвать разработку и принятие системы общеевропейских стандартов по окружающей среде, введение элементов межнационального контроля за состоянием ее основных элементов и санкций за систематическое нарушение ее стандартов. В общей структуре общеевропейской системы экологической безопасности было бы целесообразно создание Европейской комиссии по экологии – межправительственной организации, объединяющей все страны Европы. В ее задачи могли бы входить выработка общеевропейского экологического законодательства, принятие системы экологических стандартов, разработка и реализация целевых программ регулирования природной среды.

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ КОНЦЕПЦИИ "ЕВРОПЕЙСКОГО ПРАВОВОГО ПРОСТРАНСТВА"

В связи с разработкой концепции "единого европейского правового пространства" можно указать на следующие актуальные направления исследований: во-первых, сравнительное изучение особенностей и тенденций развития основных правовых систем Европы – семьи романо-германского права, семьи общего права, семьи скандинавского права, семьи права бывших социалистических государств, их исторического сближения; во-вторых, разработка европейской теории правового государства как основного элемента европейского правового пространства, выделение его основных особенностей, характерных черт и критериев (например, правовая стабильность, политический плюрализм, уважение прав человека и основных свобод, отказ от силы и угрозы применения силы во внешних сношениях, правовые пути решения возникающих споров и т.д.); в-третьих, исследование правовой деятельности европейских международных организаций (Совет Европы, Европейские сообщества, Европейская ассоциация свободной торговли, Совет Экономической Взаимопомощи, специализированные и технические региональные организации) и их роли в создании системы европейского правового пространства; в-четвертых, исследование правовых отношений и правового сотрудничества между европейскими международными организациями как одного из уровней европейского правового

пространства, например взаимодействия Совета Европы и Европейских сообществ; в-пятых, изучение правовых аспектов общеевропейского процесса с целью разработки его стабильных организационно-правовых основ: политических институтов, постоянных органов и учреждений СБСЕ.

Целесообразными представляются постановка в этих целях использования уже созданных европейских научных учреждений для обеспечения общеевропейского процесса и формирования европейского пространства и их подключение для решения тех задач, которые поставлены государствами – участниками СБСЕ. Например, существенный вклад в разработку проблем человеческого измерения могли бы внести национальные и международные институты сравнительного правоведения, Международный институт гуманитарного права, учреждения, занимающиеся унификацией правовых норм, – научные подразделения Европейской экономической комиссии ООН, Международный институт по унификации частного права и др.

Концепция “европейского правового пространства” оказывает растущее воздействие на наши внутренние процессы, создает дополнительные стимулы для дальнейшей демократизации. Главным образом эта обратная связь проявляется в масштабной работе по приведению национального законодательства в соответствие с международными обязательствами, в том числе и с венскими договорами. В этой связи в Конституции Республики Узбекистан следовало бы закрепить принцип примата международного права над правом национальным. Представляет интерес зарубежный конституционный опыт имплементации норм международно-правового характера во внутригосударственное право в качестве источника права. Здесь можно выделить три направления конституционной санкции: во-первых, признание таковых в качестве общепризнанных принципов и норм международного права; во-вторых, норм заключенных государством международных договоров и соглашений; наконец, в-третьих, права региональных союзов в отношении национальных правовых систем государств-членов.

Таким образом, восприятие концепции “европейского правового пространства” призвано помочь национальному законодателю увидеть верную перспективу, снабдить его прогнозом, предупредить о возможных проблемах, возникающих у нас на этом пути. Она должна стать своего рода сцепляющим механизмом, который бы регистрировал, что у нас сделано в международно-правовой сфере,

что нужно отразить в нашем законодательстве. Концепция "европейского правового пространства" дает возможность поиска тех сфер юриспруденции, где можно было бы начать разработку или кодификацию общих правовых норм. В этой связи было бы целесообразно создание Центра сравнительного законодательства в Европе или Европейского института сравнительного гуманитарного права. Это способствовало бы синхронному продвижению к правовой интеграции на основе общеевропейских структур, чему в значительной степени содействует сходство правовых традиций европейских государств.

¹ Лесаж М. Права человека, правовое государство и европейское правовое пространство // Права человека в истории человечества и в современном мире. – М., 1989. – С.60-61.

² См. Давид Р. Основные правовые системы современности. – М., 1988. – С.40.

³ Там же. – С. 43.

⁴ См. Беляев С.А. Европейское правовое пространство: обзор западно-европейских концепций // Правоведение. – 1990. – № 6. – С. 29-38.

⁵ Там же. – С. 41.

ПРАВОВАЯ ЭВОЛЮЦИЯ ЕВРОПЕЙСКИХ СООБЩЕСТВ: ДО И ПОСЛЕ МААСТРИХТА

Ю.М. Юмашев*

Для признания правосубъектности международной организации решающее значение имеют ее конституционные акты и практика осуществления ею международных отношений, поскольку международную организацию наделяют международной правосубъектностью государства-учредителя. Сам факт наделения международной организации международной правосубъектностью свидетельствует о возможности обладания правами и обязанностями для участия в международных правоотношениях.

Как известно, решающую роль в признании международных организаций в качестве субъектов международного права сыграло консультативное заключение Международного Суда от 11 апреля 1949 г. о возмещении за ущерб, понесенный на службе ООН. В нем, в частности, констатировалось, что ООН является "международным лицом", то есть что "организация – субъект международного права, который обладает правоспособностью осуществлять свои функции путем предъявления международных исков". Но, в отличие от государства, обладающего всей полнотой прав и обязанностей, права и обязанности организации зависят от целей и функций, записанных или подразумеваемых в ее учредительном акте и развитых в дальнейшей практической деятельности. И как следствие этого – международная правосубъектность международных организаций, в отличие от государств, носит производный и функциональный характер, а также не исключает возможности наделения их так называемой "подразумеваемой компетенцией".

Понятие международной правосубъектности, следовательно, выражает правовую индивидуальность международной организации, свидетельствует о ее способности осуществлять права и обязанности в рамках международного правопорядка. Другими словами, понятие международной правосубъектности подчеркивает лишь тот факт, что международная организация автономна в определенной степени по отношению к государствам-членам, которые ее создали. Конкретное же содержание прав и обязанностей, которыми она наделяется, их объем следует искать в ее учредительном акте и частично в практической деятельности. Очень четко эта мысль выражена Г. Кельзенем, который считал, что международная организация обладает специальными правомочиями, включая и право заключать международные договоры, лишь в случаях, ограничительно предусмотренных конкретными постановлениями ее устава¹.

* Старший научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук.

Советская доктрина международного права идет дальше подобного нормативного подхода и допускает расширение правосубъектности международной организации за счет наделения ее "подразумеваемой компетенцией". Это достигается путем принятия необходимых решений ее полномочными органами в соответствии с процедурой, предусмотренной уставом этой организации.

Понятие "подразумеваемая компетенция", наличие которой у международной организации допускалось, кстати, и в рассмотренном консультативном заключении Международного Суда, было в дальнейшем развито западной доктриной.

В современной трактовке под "подразумеваемой компетенцией" понимают полномочия, которые носят вспомогательный, подчиненный характер. Они обязательно должны вытекать из явно выраженных уставных полномочий, как бы являясь их продолжением, их производной, и только в таком качестве могут применяться для достижения целей международной организации. При отсутствии уставных норм, наделяющих организацию соответствующими полномочиями, их нельзя подразумевать. Так что при определении подразумеваемой компетенции и ее объема все фактически сводится к толкованию устава конкретной международной организации, к которому применяются общие правила толкования международных договоров.

Первоосновой правового положения международных организаций является, таким образом, международный многосторонний договор. Он дает "жизнь" международной организации, устанавливает ее цели и задачи, ее функции и компетенцию, порядок взаимоотношений между организацией и государствами-членами, определяет сферу деятельности, наделяет необходимыми юридическими инструментами для осуществления этой деятельности, а также создает ее организационную структуру и внутренний распорядок. Именно на основании этого договора выявляется наличие правосубъектности у международной организации и ее объем. Словом, в отсутствие международно-правовых норм, определяющих правовое положение международных организаций, конститутивный акт служит им юридической базой для существования и деятельности.

Именно такая роль отводилась Римскому договору при создании Европейского экономического сообщества, которое считается формально региональной международной организацией². Согласно статье 210, государства-основатели наделили ЕЭС правосубъектностью и тем самым создали самостоятельную международную организацию с собственной волей и качествами юридического лица³. Причем термин "правосубъектность" толкуется в общем плане, и считается, что она включает в себя и понятие международ-

ной правосубъектности. Понятие международной правосубъектности включает в себя, в частности, договорную правоспособность, право обмениваться дипломатическими миссиями (право посольства), право выступать в Международном Суде и отвечать по своим обязательствам и т.д.

Об общем характере статьи 210 судят, во-первых, по тому факту, что она предшествует статье 211, в которой речь идет о правоспособности ЕЭС во внутренних правопорядках государств-членов⁴. А во-вторых, потому, что Суд пришел к выводу, согласно которому наделение Сообщества правосубъектностью в статье 210 означает, что во внешней сфере оно обладает правом "международного представительства" и правоспособностью устанавливать договорные связи с третьими странами⁵. Кроме того, если в уставе международной организации вообще нет упоминания о договорной правоспособности как об одном из важнейших элементов ее международной правосубъектности, то это подразумевается "имплицитно"⁶.

Правосубъектность Сообщества выражает не более как способность действовать самостоятельно наряду с государствами-членами во внутреннем и международном плане. Конкретное же содержание этой способности можно установить, лишь обращаясь к нормам Римского договора о ЕЭС и к практике Сообщества. Подобно большинству международных организаций, ЕЭС может действовать только на основе принципа "приданных полномочий", то есть в рамках соответствующих норм своего устава (Римского договора). Это свидетельствует о том, что Сообщество создавали в соответствии с классическими канонами международного публичного права. В то же время оно обладает характерными чертами, отличающими его от традиционных международных организаций.

Среди них можно назвать значительную самостоятельность Сообщества по отношению к государствам-членам. В частности, у ЕЭС есть собственные финансовые средства и сильно развитая институциональная система, оно не может прекратить существование исключительно по воле государств-членов и без участия своих руководящих органов. Эти органы наделены правом принимать определенные решения большинством голосов, а не единогласно. Их некоторые правовые акты (регламенты) обязательны не только для государств-членов, но и для их граждан и имеют прямое действие в отношении и тех, и других.

Кроме того, – и это главное – Сообщество обладает собственным правопорядком, который отличается как от международного права, так и от правопорядков государств-членов. Суд Сообщества констатировал, что ЕЭС по своей природе не что иное, как новый правопорядок, который действует как в отношении государств-чле-

нов, так и их граждан, наделяя их непосредственно правами и обязанностями⁷. В процессе функционирования ЕЭС государства-члены в целом признали существование правопорядка Сообщества.

Справедливости ради следует отметить, что большинство из перечисленных элементов правового статуса Сообщества, за исключением, может быть, автономного правопорядка, в большей или меньшей степени присуще традиционным международным организациям. По крайней мере, эти элементы не представляют для них нечто качественно новое. Отличие здесь скорее количественное. Что же касается самостоятельного правопорядка ЕЭС, то он не нарушает международно-правового характера учредительных договоров, и потому Сообщество сохраняет общие черты межправительственных организаций.

Такая двойственность вызвала оживленную дискуссию в западной доктрине о правовой природе ЕЭС. Одни ученые полагают, что ЕЭС остается в сфере действия международного права и представляет собой классическую межгосударственную организацию, хотя и обладающую определенными особенностями. Другие, наоборот, считают, что различия между ЕЭС и международными организациями заключаются не в частностях, а в сути. Международные организации действуют в сфере межгосударственного сотрудничества, не затрагивают внутренних функций государств-членов и не покушаются на функциональную структуру современного международного сообщества, состоящего из суверенных государств. А ЕЭС – это наднациональная организация, так как его задача заключается в унификации – по крайней мере, частичной – территорий, населения и экономик государств-членов. С этой целью оно наделяется полномочиями, аналогичными государственным, и использует их на территории государств-членов и в отношении их граждан. В определенной мере это влияет на структуру международного сообщества и ведет к пересмотру традиционных взглядов на суверенитет. В результате, по мнению сторонников концепции "наднациональности" ЕЭС, среди объединений государств могут образовываться "новые политические структуры", которые "вышли из зоны традиционных межгосударственных отношений, но еще не вошли в зону государственных отношений, то есть не превратились в государство"⁸. В данном случае, как нам представляется, для обоснования "наднациональности" ЕЭС акцент делается не столько на правовых различиях с международными организациями (хотя и это имеет место), сколько на политических целях, ради которых создавалось Сообщество.

Одновременно дискуссия велась между сторонниками конфедеративной и федеративной природы ЕЭС. Конфедерация – это основанный на международном договоре союз государств, которые

сохраняют полный суверенитет и делегируют властные полномочия в крайне узких пределах, главным образом для обеспечения коллективными усилиями внутренней и внешней безопасности каждого из них. Это касается прежде всего оборонной и внешней политики. Государства – члены конфедерации обязуются не заключать договоры с третьими странами, наносящие ущерб конфедерации или ее участникам. Фактически деятельность конфедерации относится к области международно-правовых отношений. И потому ее органы полномочны осуществлять свою компетенцию только в отношении государств-членов как субъектов международного права, а не их граждан. Государства-члены могут самостоятельно вступать в отношения с третьими странами и становиться участниками международных организаций.

Федерация, в отличие от конфедерации, – понятие не международного, а государственного права. Это не союз государств, а единое союзное государство. Во внешней сфере субъектом международного права становится федерация, а страны-участницы утрачивают это качество и не могут самостоятельно выступать в международных отношениях. Как отмечал еще в начале века в своем фундаментальном труде "Теория федерализма" А. Яценко, международное сообщество и входящие в него государства имеют дело с федеральным государством, а не с его членами. Право посольства и договорное право членов федерации если и сохраняются, то только в качестве исторического пережитка, политической декларации⁹. В этом же духе высказывался и Г. Еллинек. Он отмечал, что союзной государственной власти всегда принадлежит право и обязанность представлять союзное государство вовне, равно как и право войны и мира. Сохраняют ли и в каких пределах отдельные государства – члены федерации международно-правовую личность и могут ли они поэтому поддерживать международно-правовые отношения с иностранными державами или между собой, или с союзным государством – определяется союзной конституцией¹⁰.

Во внутренней сфере органы федерации наделяются общей законодательной компетенцией и правом распределять полномочия между федерацией и ее членами. Их акты имеют в отношении граждан стран – участниц федерации прямое действие, а не путем опосредствования их актами государственных органов последних, как это имеет место в конфедерации.

Некоторые черты, свойственные федерации, усматривают в упомянутом автономном правопорядке ЕЭС, который распространяется не только на государства-члены, но и на их граждан. Это дало основание некоторым западным авторам утверждать, что оно (т.е. право Сообщества) "эволюционирует в сторону своего рода конституции ЕЭС"¹¹.

Действительно, институциональная система ЕЭС сориентирована скорее на государственную модель, нежели на международно-правовую. Но Совет министров Сообщества, основной орган, наделенный правотворческой компетенцией, и его инфраструктурное подразделение в лице комитета постоянных представителей – типичные представительные органы, как в традиционных международных организациях.

Что же касается принципа принятия решений большинством голосов, то он известен международным организациям. Более того, после институционального кризиса 1965 года, когда Франция проводила политику "пустого стула" в органах Сообщества в знак протеста против расширения наднациональных полномочий Комиссии ЕС (КЕС), все важные вопросы, относящиеся к внутренней компетенции государств-членов, стали решаться путем единогласия. Принцип согласования волей участников положен в основу функционирования и Европейского совета, созданного в 1974 году и представляющего собой не что иное, как институционализированные международные конференции глав государств и правительств государств-членов, проводимые на постоянной основе.

Против усиления наднациональных элементов в институциональной системе ЕС свидетельствует и тот факт, что был отвергнут проект договора о политическом союзе, разработанный Европейским парламентом в 1984 году. Вместо этого ЕС ограничилось принятием Единого европейского акта. В интересующем нас институциональном аспекте в нем был закреплен принцип принятия решения Советом ЕС большинством голосов, а также несколько расширен круг вопросов, по которым Совет обязан при принятии решений учитывать рекомендации Европейского парламента, но только если он их одобрит предписанным большинством голосов. (Кстати, члены Совета ЕС – представители государств-членов, а не международные чиновники.) К этому следует добавить, что Суд Сообщества, являющийся наряду с КЕС наднациональным органом, не решается в своей практике содействовать усилению наднациональных элементов процедуры принятия решений в ЕС.

В основе процесса принятия решений Сообществом лежат скорее общепринятые нормы международного сотрудничества, а не диктат наднациональных органов: в Римском договоре не предусмотрены санкции в отношении государств-членов в случае нарушения ими права Сообщества или решений Суда ЕС. Причем Суд может лишь рекомендовать государству-члену принять необходимые меры по устранению допущенных нарушений (не определяя при этом сроков), а также уточнить в этой связи его обязательства по Римскому договору. Государство-член само решает, исправить нарушение

или нет. Тем не менее государства-члены в подавляющем большинстве случаев фактически добровольно исправляют допущенные нарушения¹², так что и в данном случае приверженность Сообщества международному праву очевидна.

Иная ситуация в "нормативной сфере", то есть в праве ЕС. Здесь отличие Сообщества от традиционных международных организаций особенно заметно. Поэтому представляется целесообразным проследить процесс обособления права ЕС от международного публичного права и права государств-членов путем создания собственного правопорядка. Решающую роль здесь сыграла практика Суда ЕС.

Для Суда понятие Сообщества неотделимо от "рождения" нового правопорядка. Правопорядок ЕС имеет международно-правовое происхождение, поскольку в его основе лежат Парижский договор о ЕОУС и Римские договоры о ЕЭС и Евратоме, международно-правовая природа которых не оспаривается. Не случайно в одном из своих решений (1963 г.) по делу "Ван Генд эн Лоос" Суд провозгласил, что Сообщество создало *"новый правопорядок международного права"* (курсив мой. — Ю.Ю.), в интересах которого государства-члены ограничили, хотя и незначительно и в отдельных сферах, свои суверенные права и субъектами которого являются не только государства-члены, но и их физические и юридические лица, и, следовательно, право Сообщества, независимо от законодательства государств-членов, создает права и обязанности их индивидов (т.е. физических и юридических лиц). И эти права и обязанности имеют специфическую природу.

В сущности, юридическая конструкция Суда, связанная с выделением правопорядка ЕС, носит искусственный и в какой-то мере принудительный характер — по крайней мере, с точки зрения международного права. Прежде всего бросается в глаза проводимое Судом различие между договором и обычными международными соглашениями для утверждения примата Договора о ЕЭС и права, творимого на его основе, в правопорядках государств-членов. Причем примат права Сообщества утверждается не на основе международно-правовых норм, а необходимостью его единообразного, унифицированного применения в государствах-членах, так как в противном случае будет поставлено под угрозу достижение целей договора, провозглашенных в статье 5 (2), по которой государства-члены обязаны воздерживаться от любых мер, препятствующих реализации целей ЕЭС, а также выполнение статьи 7, запрещающей дискриминацию по национальному признаку.

Вообще принцип единообразного применения права Сообщества рассматривается в качестве жизненно важного условия существования концепции Сообщества. Особенно четко это сформулировал

Хальштейн, председатель КЕС в 60-е годы: "...Сообщество не обладает ни административной инфраструктурой, ни прерогативами власти и принуждения, ни армией, ни полицией. Его единственный инструмент – его собственное право. Очевидно, что миссия Сообщества будет поставлена под угрозу и без всякого сомнения потерпит провал, если этот единственный инструмент реализации целей ЕЭС потеряет свой характер обязательного единообразия во всех государствах-членах"¹³.

Таким образом, Суд сначала вычленяет право ЕС из международного права, чтобы подчеркнуть его особую природу, и затем выводит его примат из него самого, а не из международного права. И в этом, с нашей точки зрения, проявляется не международно-правовой, а государственно-правовой подход Суда к развитию права ЕС. Оно рассматривается им уже не как часть международного права, а как образующее собственный правопорядок, который одновременно не зависит от правопорядков государств-членов. Словом, Суд для достижения примата права Сообщества в правопорядках государств-членов как бы молчаливо разрывает его связи с международным правом, но не окончательно. Такой вывод можно сделать, в частности, на основании первой фразы его решения 1964 года: "В противоположность обычным международным соглашениям Договор о ЕЭС создает собственный правопорядок..."

Но именно в концепции собственного правопорядка видна искусственность построений Суда. В этом случае с формально-юридической точки зрения ни международное, ни национальное право не должны рассматриваться как источники права ЕС. Они не относятся к юрисдикции Сообщества, и их нормы не могут изменяться или отвергаться его органами по собственному усмотрению. И потому с помощью скорее театрального, чем юридического приема "Deus ex machina" сделано допущение, что и международное, и национальное право государств-членов, становясь частью права ЕС, должны рассматриваться как его источники¹⁴.

Столь сложные взаимоотношения между международным правом, правом государств-членов и правом Сообщества вызвали большие трудности при применении этого последнего как на национальном, так и на международном уровне. И хотя Суд Сообществ декларировал в деле "Коста против ЭНЕЛ" обязательность применения права Сообщества национальными судами государств-членов, это решение долгое время оставалось мертвой буквой. Выше уже указывалось, что, согласно Римскому договору, Суд обязан действовать в соответствии с международным правом. Он не может заставить национальные власти принять свою интерпретацию договора и навязать свои решения. В его компетенцию входит лишь метод

убеждения. И потому признанию судами государств-членов концепции Суда о примате и прямом применении права Сообщества в национальных правовых порядках предшествовал продолжительный и болезненный период адаптации. Последними в середине 80-х годов приняли концепцию верховенства права Сообщества конституционные суды Италии и ФРГ. Так, конституционный суд ФРГ признал примат права ЕС в области защиты основных прав западногерманских граждан и подчеркнул, что национальные суды более не компетентны проверять содержание этого права и контролировать его применение с точки зрения соответствия конституции ФРГ¹⁵.

Говоря о "нормативном аспекте" правовой природы Сообщества, следует подчеркнуть, что в конечном счете оно добивается подчинения государств-членов своему правовому порядку прежде всего путем сотрудничества с властями и судами государств-членов. Кроме того, практика Суда является одним из факторов, который стимулирует развитие интеграционных процессов в определенном направлении. Реализация же интеграционных целей осуществляется органами Сообщества, и в первую очередь Советом, который, как указывалось выше, является фактически органом межгосударственного сотрудничества.

Что касается экономического аспекта рассматриваемого нами вопроса, то Сообщество представляет собой объединение государств для совместного хозяйственного развития в интересах каждого из них. Фундаментом этого объединения служит "Общий рынок". Данное понятие определяет одновременно цели, предмет деятельности и специфику Сообщества. Термин "рынок" свидетельствует о приверженности государств-членов принципам свободной конкуренции. А термин "общий" не только говорит о стремлении достичь в конечном счете объединения экономик государств-членов, но и определяет совместный характер их образа действий для достижения поставленной цели.

И здесь практика Суда Сообществ сыграла решающую роль в наполнении этих понятий юридическим содержанием. В своих решениях Суд разработал принципы и цели, с помощью которых понятие "Общий рынок" превратилось в инструмент органов ЕС, регулирующий действия государств-членов, их юридических и физических лиц в хозяйственной сфере. Это прежде всего принцип "добровольной экономической солидарности", который лежит в основе эффективного функционирования "Общего рынка", составляет суть его юридического механизма¹⁶. Главным атрибутом этого принципа является "общий интерес". Для органов ЕС данное выражение означает принятие решений в пользу "общих интересов" Сообщества в случае их столкновения с национальными интересами государств-членов.

Последние, в свою очередь, должны воздерживаться от действий, противоречащих "общему интересу" Сообщества, и способствовать его реализации. Как следствие этого, их суверенитет должен уступить "солидарности", которая служит фундаментом всей системы Сообщества. Следует отметить, что понятия "солидарность" и "общий интерес" были выработаны на основе межгосударственного согласования в органах Сообщества, характерного для практики международных организаций. Так, еще в начале 70-х годов Суд констатировал, что решения в Совете принимаются сообща и после согласования со всеми участниками. Более того, в регламенте Совета учитываются особые позиции заинтересованных государств-членов, высказанные во время его подготовки, а институциональная система Сообщества предлагает им необходимые средства для выполнения регламентов, принимая во внимание возникшие у них экономические трудности. Поэтому эти государства-члены должны уважать принципы "Общего рынка" и законные интересы других государств-членов. В противном случае будет поставлено под угрозу равенство государств-членов перед правом Сообщества, а их граждане подвергнутся дискриминации.

Таким образом, и в данном случае наднациональные цели достигаются с помощью межгосударственного согласования. О добровольном характере экономической солидарности свидетельствует действие в рамках ЕС так называемой "европейской валютной системы", участниками которой являются не все государства-члены.

К. Кольяр на основе сравнительного изучения федеральных учреждений в различных странах выделил общую тенденцию, согласно которой в компетенцию властей входят вопросы монетной системы, мер и весов, средств связи, экономики, торговли, таможенных сборов¹⁷.

Итак, проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что в правовой природе Европейского сообщества не существует четко очерченных границ, разделяющих понятия наднационального и межгосударственного, если понимать под национальным в общем плане ограничение суверенных прав государств – членов организации, которую они создали. Многое зависит от целей, которые ставят перед собой государства-члены, основывая организацию, от существующих в них политических, экономических и социальных предпосылок для реализации этих целей, близости и уровня развития правовых систем, общности и взаимопроникновения культур. Поэтому проблему правовой природы ЕС нельзя рассматривать лишь как юридический

аспект ее соответствия или несоответствия современному состоянию развития международного права. Необходимо учитывать как можно более широкий спектр факторов, составляющих, по крайней мере, политическую, экономическую, правовую и культурную среды существования Сообщества, деятельность которого охватывает все стороны общественной жизни большинства населения Западной Европы.

Разумеется, значительную роль играют общие тенденции развития мирового сообщества, влияющие и на состояние международного права. Конец XX века (как, впрочем, и предыдущего) – эпоха нестабильности и перемен, переоценки традиционных ценностей, качественных изменений в массовом и индивидуальном сознании, образе мышления, эпоха появления новых целей, приоритетов, социальных ориентиров и критериев.

Происходит "утрата определенности", и наступает период множественности оценок происходящего. Интеллектуальный плюрализм – предвестник качественных сдвигов в различных сферах общественной жизни мирового сообщества. Определяющее влияние на пути его развития оказывают объективные и тесно связанные между собой процессы всеобщей интернационализации, взаимозависимости и региональной интеграции. Усиливаются роль и значение индивидов и юридических лиц как участников международного общения, стремительно растет число международных организаций. Под воздействием этих объективных процессов намечаются и новые тенденции в международном праве. Не исключено, что оно стоит на пороге нетрадиционных подходов к своим освященным временем классическим принципам. В частности, Е.А. Шибаева отмечает, что деятельность международных организаций уже вносит элемент "качественного своеобразия" в международное право¹⁸. С еще большим основанием можно утверждать, что ЕС в значительной степени меняет сложившееся представление о возможностях и границах деятельности международных организаций, их отношениях с государствами-членами. Сообщество являет собой пример того, как в новых условиях государства-члены вкладывают более широкое содержание в понятие межгосударственного сотрудничества, и это диктует модель их поведения и определяет характер их взаимоотношений с созданной ими организацией. И в связи с этим ЕС, с нашей точки зрения, представляет собой международную организацию, имеющую особые отношения с государствами-членами.

В свете сказанного в вопросе о правовой природе ЕС акцент следовало бы делать не на наднациональности Сообщества, а на назревшей необходимости расширять нормативное содержание международного права. Такой подход отнюдь не означал бы покушения на его основные принципы, а лишь отражал бы богатство содержания, способность адекватно отвечать на вызов времени и приспособляться к меняющейся действительности.

Правовая природа ЕС не укладывается полностью в прокрустово ложе существующих юридических конструкций международных организаций. И это приводит иногда к противоречивому толкованию положений многосторонних международных соглашений, касающихся ЕС. Характерным примером может служить Конвенция ООН по морскому праву 1982 года¹⁹. Согласно Приложению IX к этой конвенции, ее участником может стать "международная межправительственная организация", которой ее государства-члены передали компетенцию в вопросах, регулируемых настоящей конвенцией, "в том числе компетенцию по заключению договоров, относящихся к таким вопросам" (ст. 1; п. 2 ст. 4). При этом государства – члены данной международной организации не осуществляют компетенцию, которую они ей передали (п. 3 ст. 4). Однако в то же время в случае конфликта между обязательствами международной организации по конвенции и ее обязательствами, вытекающими из учредительных документов организации, преимущественную силу имеют обязательства, вытекающие из конвенции (п. 6 ст. 4). А согласно статьям 61 и 62 конвенции, государства-участники определяют допустимый улов и цели использования живых ресурсов в своей исключительной экономической зоне. В ЕС же это компетенция органов Сообщества, а не государств-членов, поскольку ресурсы моря и рыболовство подпадают под единую сельскохозяйственную политику. Нет ясности и в вопросе ответственности участников конвенции (ст. 6). Этот вопрос, по-видимому, по-разному должен решаться в отношении государств и организаций. Так что нельзя сказать, что уже найден четкий международно-правовой механизм, регулирующий участие Сообщества в многосторонних международных соглашениях. Эта проблема нуждается в тщательном изучении не только в связи с ее теоретической значимостью. Она может стать актуальной и для нашей страны, поскольку взаимоотношения между членами СНГ коренным образом изменились и приобрели международно-правовой оттенок.

Попытки некоторых теоретиков права ЕС решать противоречия, возникающие в связи с участием Сообщества в многосторонних

международных соглашениях, путем приравнивания его к государству неправомерны²⁰. Ни автономный правопорядок, ни другие отличительные особенности не позволяют квалифицировать ЕС ни как наднациональную организацию, ни как сложившееся государственное объединение федерального типа²¹. Не случайно термин "наднациональность" отсутствует в договорах о ЕЭС и Евратоме. Этот термин вообще мало используется, ведь деятельность Сообщества, хотя и принимает все более институциональный характер, все же часто осуществляется путем межгосударственного сотрудничества²².

В западной доктрине преобладает точка зрения, согласно которой Сообщество рассматривается как ассоциация суверенных государств с тенденцией развития к объединению федералистского типа²³. Однако до сих пор остается неясным, возобладают ли в развитии интеграционной системы Сообщества элементы федерализма или решающую роль будет играть межгосударственное сотрудничество традиционного типа.

Свидетельством тому является маастрихтский Договор о Европейском союзе, подписанный государствами-членами 7 февраля 1992 г.²⁴ И хотя Договор не может вступить в силу (по крайней мере в его первоначальном виде) из-за отрицательных результатов референдума в Дании по вопросу о его ратификации, представляется целесообразным коснуться в общем плане его структуры и основных положений с единственной целью посмотреть, какие контуры "архитектуры объединенной Европы" намереваются придать своему "детищу". Этот договор (объемом в несколько десятков страниц) состоит из преамбулы и 19 статей, поименованных буквами латинского алфавита от "А" до "S". Статьи сгруппированы в семь разделов:

- I. Общие положения.
- II. Положения, вносящие изменения в Договор о ЕЭС.
- III. Положения, вносящие изменения в Договор о ЕОУС.
- IV. Положения, вносящие изменения в Договор о Евратоме.
- V. Положения, касающиеся проведения общей внешней и оборонной политики.
- VI. Положения в области правосудия и внутренних дел.
- VII. Заключительные положения.

Приложение к Маастрихтскому договору содержит 17 протоколов, 16 из которых стороны договорились рассматривать в качестве приложений к Договору о ЕС, а последний – ко всем трем учредительным договорам и к Договору о Европейском союзе. Неотъемлемой частью Маастрихтского договора являются и 33 его декларации, приведенные в Заключительном акте конференции государств-чле-

нов по созданию экономического и валютного союза и политического союза.

Договор должен вступить в силу 1 января 1993 г., при условии его ратификации к этому сроку всеми участниками, или же в первый день месяца, следующего за датой передачи депозитарию ратификационной грамоты последним участником, ратифицировавшим договор позднее указанного срока.

Следует отметить, что Англия не подписала Протокол о социальной политике, содержащий Соглашение о социальной политике, а также зарезервировала за собою право отказаться от участия в завершающем, третьем этапе Экономического и валютного союза.

Для оценки Маастрихтского договора с точки зрения правовой природы Сообщества важно отметить, что он вносит существенные изменения и дополнения в учредительные договоры, но не заменяет их и потому служит наряду с ними новым источником права ЕС.

И хотя, согласно данному договору, термин "Европейское экономическое сообщество" заменяется на термин "Европейское сообщество" и устанавливается единая институциональная система органов – Европейский парламент, Совет, Комиссия, Суд Сообществ, Аудиторский суд, основу Европейского союза будут, как и прежде, составлять Европейские сообщества, компетенция которых отныне расширяется и включает в себя проведение общей политики в новых сферах общественной жизни государств-членов и новые формы их взаимного сотрудничества (ст. "А").

Это подтверждается и в статье "Е", согласно которой Европейский парламент, Совет, Комиссия и Суд Сообществ будут осуществлять свои функции как на основе учредительных договоров и договоров и актов, изменяющих и дополняющих их, так и норм настоящего Договора о Европейском союзе.

Множественность источников права Сообщества ставит проблему установления их приоритетности. С формально юридической точки зрения примат должен иметь Маастрихтский договор. Тем не менее в одной из его деклараций предусматривается проведение в 1996 году межправительственной конференции с целью пересмотреть классификацию актов Сообщества и "установить иерархию между их различными категориями".

В целом же анализ содержания Маастрихтского договора показывает, что он призван максимально расширить сферу действия интеграционных процессов во всех аспектах социально-экономической жизни Сообщества и обеспечить гарантии их необратимости.

С этой целью наиболее энергичные шаги были предприняты в валютно-финансовой области. До конца нынешнего столетия пред-

усматривается создание (в три этапа) Экономического и валютного союза (ЭВС) с европейской системой центральных банков (ЕСЦБ), Европейским центральным банком (ЕЦБ) и единой валютой – ЭКЮ, которая должна будет заменить национальные валюты государств-членов. К ЭВС Сообщество идет с 1970 года, и, учитывая неудачные попытки осуществления этой сложной задачи в прошлом, авторы договора предусмотрели ряд жестких мер, направленных на достижение синхронного, взаимозависимого и безинфляционного функционирования кредитно-финансовых систем государств-членов, на оздоровление их бюджетов и на более тесное переплетение их экономики.

С подписанием договора важное продвижение вперед по сравнению с учредительными договорами (Римским и Парижским) было сделано в области внешней политики и безопасности. Отныне государства-члены должны будут систематически сотрудничать с Сообществом и между собой на основе совместно осуществляемых действий. При разработке Советом министров Сообщества общей позиции по внешнеполитическим вопросам государства-члены обязаны добиваться того, чтобы их действия в данной сфере соответствовали этой позиции. При этом Совет министров ЕС будет руководствоваться общими директивами Европейского совета, чтобы обеспечить "единство, стабильность и эффективность действий союза". А по внешней политике в области безопасности важнейшим структурным элементом признан Западноевропейский союз, который призван служить связывающим звеном с НАТО.

Что же касается внутренней сферы, то здесь деятельность союза будет осуществляться совместно с государствами-членами в области образования, регионального развития (предусматривается создание специального фонда Сообщества развития регионов), здравоохранения, науки и технологии, энергетики, транспорта и телекоммуникаций, окружающей среды, защиты прав потребителей, гражданских прав и туризма, стимулирования конкурентоспособности промышленности государств-членов (особенно поддержки малых и средних предприятий).

Предприняты также шаги по налаживанию более тесного сотрудничества государств-членов в вопросах внутренней безопасности, таких как иммиграционная политика, борьба с наркотиками и т.д.

Специальным протоколом оформлено соглашение о проведении общей социальной политики, касающейся прежде всего защиты интересов трудящихся.

Наконец, договор вводит понятие "гражданства союза", которым обладают граждане государств-членов. Отныне они могут избирать и быть избранными в любом из государств-членов в муници-

пальные органы и в Европейский парламент, независимо от того, являются они или нет гражданами государства-члена, на территории которого они постоянно проживают и принимают участие в выборах.

В институциональном аспекте также произошло некоторое перераспределение компетенций в пользу Европейского парламента (ЕП). В частности, еще более усилена компетенция ЕП по контролю за финансами Сообщества. А в ряде случаев договор наделяет его правом участвовать наряду с советом в законотворческом процессе. Расширены полномочия ЕП и в области прав человека. Он может назначать омбудсмана, который будет контролировать деятельность органов Сообщества с точки зрения должного применения ими права Сообщества в отношении граждан и юридических лиц государств-членов. А Суду Сообществ предоставлено право налагать штраф на государства-члены, не выполняющие его решений.

Аналогичные изменения, усиливающие федеративные тенденции, внесены Договором о Европейском союзе и в учредительные договоры о ЕОУС и Евратоме.

Таким образом, настоящий договор бесспорно свидетельствует о стремлении нынешних политиков придать развитию интеграционных процессов в Сообществе еще более наднациональный характер.

Однако вряд ли на этом основании можно делать далеко идущие выводы. Прежде всего, государства-члены были и остаются активными участниками интеграционных процессов. Не случайно в одной из деклараций договора подчеркивается необходимость более широкого вовлечения национальных парламентов в деятельность ЕП. Европейский совет как межгосударственный орган усиливает свое влияние, сохраняется принцип единогласия при решении многих принципиальных вопросов. А важные вопросы внешней политики и внешней и внутренней безопасности по-прежнему остаются в компетенции государств-членов, хотя и рассматриваются как "предмет общего интереса". Роль же органов Сообщества здесь ограничивается стимулированием более тесного сотрудничества государств-членов.

Кроме того, в договоре закреплён принцип "субсидиарности" деятельности Сообщества. Согласно этому принципу, Сообщество принимает участие в реализации интеграционных процессов вне рамок своей исключительной компетенции только в том случае, если самостоятельные действия государств-членов окажутся по какой-либо причине недостаточно эффективными. И это означает, что договор допускает использование местными органами самоуправления государств-членов своих полномочий на уровне Сообщества.

В договоре сохранена также и "защитная оговорка" для государств-членов и в финансовой сфере. Центральные банки государств-

членов, являясь частью ЕСЦБ, могут действовать в определенных случаях самостоятельно.

В институциональном плане перераспределение компетенций между органами Сообщества сделало исключительно громоздкой и сложной процедуру принятия решений, что вряд ли будет способствовать улучшению ее эффективности. А предполагаемое до 2000 года очередное расширение Сообщества за счет некоторых стран ЕАСТ скорее всего затруднит развитие федералистских тенденций в ЕС.

Не следует также забывать о набирающей силу глобальной тенденции к сепаратизму и национальной обособленности. Этот процесс в настоящий момент наиболее интенсивно развивается в Европе. И затрагивает не только страны Центральной и Восточной Европы, но и государства-члены. Так, Германия признала независимость Хорватии и Словении, навязав фактически свою волю Сообществу и превратив тем самым обязательство занимать общую позицию в важных внешнеполитических вопросах в простую декларацию²⁵. А в ответ на критику со стороны ряда государств-членов Г. Коль заявил, что Германии давно пора играть во внешней политике ведущую роль, адекватную ее экономической мощи.

И хотя, судя по договору, идея Сообщества все более проникает в сознание граждан государств-членов, для дальнейшего прогресса в разработке правовой формы, наиболее подходящей для его эффективного функционирования, потребуются решение не столько политических, экономических и юридических, сколько психологических проблем, связанных с процессом преодоления национальных барьеров, осознанием народами государств-членов своей общности, развитием у их граждан "европейского мышления". Только тогда концепция "европейского дома" начнет приобретать более отчетливые и конкретные очертания.

В этой связи небезынтересно провести небольшой экскурс в историю. Интенсивный процесс интернационализации международных связей, включая и экономические, наблюдался и в конце прошлого – начале нынешнего века. Уже тогда отмечалась экономическая и военно-политическая взаимозависимость европейских государств, что нашло свое выражение в актуальности лозунга "Соединенные Штаты Европы" для дальнейшего развития континента²⁶. Однако первая мировая война и образование новых государств на обломках монархий нанесли серьезный удар развитию объединительных тенденций в Европе. В конце нынешнего века ситуация как бы повторяется. И параллельно с интеграционными процессами происходит интенсивный распад федеративных образований, который, в свою очередь, является следствием растущего национального самосознания населяющих их народов.

Сложность и неоднозначность изменений в индивидуальном и общественном сознании, которые неизбежно происходят в результате преобразований устоявшихся политических и экономических структур и институтов, удачно охарактеризовал бывший председатель центрального банка ФРГ Херренхаузен, убитый террористами в 1989 году. На вопрос руководителей бывшего Советского Союза об ориентировочных сроках успешного завершения перестройки он ответил, что для этого потребуется, по крайней мере, два поколения: одно будет *хотеть*, но лишь второе *сможет*.

Применяя эту "формулу" к Европейскому сообществу, отметим, что первое поколение политиков, экономистов и юристов *смогло* создать необходимые предпосылки для формирования объединенной Европы федералистского типа, но вот *захочет* ли новое поколение завершить начатое дело, покажет будущее. Другими словами, усилия по созданию "Европейского союза" можно рассматривать или как завершение одного этапа интеграции, или как начало нового. Представляется, что Маастрихтский договор – это прежде всего подведение итогов более чем 30-летнего "европейского строительства".

Как отмечалось выше, конец одного века – начало следующего – эпоха непредсказуемых перемен и парадоксов²⁷. Это становится тем более характерным для наступающего XXI столетия, когда научно-технический прогресс, особенно в области микроэлектроники, становится инструментом развития каждой отдельной личности, способствуя, так сказать, ее суверенизации и усилению ее влияния на эволюцию социально-политических структур.

На данном же этапе если и позволительно савить вопрос о федерализме применительно к определению правовой природы ЕС, то только в том плане, что практика Сообщества вносит существенные коррективы в классическое содержание этого понятия.

¹ Kelsen H. The Law of the United Nations. – L., 1950. – P.330.

² Тексты статей Римского договора даются по: *Europaeis che Gemeinschaften: Dokumente.* – В., 1988.

³ Подробнее о понятии "воли международной организации" см.: Морозов Г.И. Международные организации: некоторые вопросы теории. – М., 1974. – С. 119 и др. По его мнению, это результат согласования воли и интересов государств-членов, а не их слияния.

⁴ Статья 211 гласит: "ЕЭС пользуется в государствах-членах полной и наиболее широкой право- и дееспособностью, которая признается за национальными юридическими лицами; оно может приобретать и отчуждать, в особенности движимость и недвижимость, равно как быть стороной в суде. С этой целью его представляет комиссия". Однако на практике иск может предъявлять-

ся к любому из институтов ЕЭС. См. **Schermers H.G., Waelbroeck D.F.** *Judicial Protection in the European Communities.* — Deventer, 1987. — P.314, 419.

⁵ **Boulouis J., Chevalier R.-M.** *Grands arrêts de la Cour de justice des Communautés Européennes.* Т.1 — P., 1983. — P. 237.

⁶ См. **Усенко Е.Т.** О договорной компетенции СЭВ//Сов. государство и право. — 1979. — № 6. — С.,102; **Талалаев А.Н.** *Право международных договоров.* — М., 1980. — С. 89.

⁷ **Boulouis J., Chevalier R.-M.** *Op. cit.* — P. 2.

⁸ **Pescatore P.** *Le droit de l'intégration.* — Leyden, 1972. — P. 31.

⁹ **Яценко А.** *Теория федерализма.* — Юрьев, 1912. — С. 330—331.

¹⁰ **Еллинек Г.** *Право современного государства.* — Т.1 — СПб., 1903. — С. 523. Аналогичную точку зрения по вопросу о федерализме в международном праве высказывают и современные авторы. См., например, **Кольяр К.** *Международные организации и учреждения.* — М., 1972. — С. 59 и др.

¹¹ **Thirty Years of Community Law.** Luxembourg, 1983. — P. 40.

¹² **Ebke W.F.** *Les techniques contentieuses d'application du droit des communautés européennes // Revue trimestrielle de droit européen (RTDE).* — 1986. — № 2. — P.226.

¹³ Цит. по: **Witt B. de.** *Retour à "Costa". La primauté du droit communautaire à la lumière du droit international // RTDE.* — 1984. — № 3. — P. 445.

¹⁴ **Schermers H.G., Waelbroeck D.F.** *Op. cit.* — P. 88-89.

¹⁵ *Ibid.* — P. 121—124.

¹⁶ **Boulouis J., Chevalier R.-M.** *Op. cit.* — P. 229.

¹⁷ **Кольяр К.** *Указ. соч.* — С. 75.

¹⁸ **Шibaева Е.А.** *Право международных организаций.* — М., 1986. — С. 136.

¹⁹ Текст см. **Конвенция ООН по морскому праву с приложениями и предметным указателем.** — Нью-Йорк, 1984.

²⁰ См., например, **Groux.** "Territorialité" et droit communautaire // RTDE. — 1987. — № 1. — P. 30—31.

²¹ Как показал в свое время еще Г.Еллинек, предшественники современных международных организаций — союзы государств, основанные на международном договоре, — могли иметь собственные органы, включая и ассамблеи, состоящие из парламентских делегаций государств-членов. Хотя расширение компетенции союза требовало единогласия, решения его органов в пределах установленной компетенции могли приниматься большинством голосов. Вместе с тем это не служило доказательством господства союзной власти над государствами союза. Такие союзы могли также создаваться на неограниченный срок и иметь собственные доходы (бюджет) и даже общую армию. Однако пока был санкционирован правом суверенитет государств-членов, подобные союзы оставались союзом государств независимо от их организационной структуры. См. **Еллинек Г.** *Указ. соч.* — С. 512.

²² **Thirty Years of Community Law.** — P. 36—37.

²³ **Lasok D., Bridge J.W.** *Introduction to the Law and Institutions of the European Communities.* — L., 1982. — P. 33.

²⁴ Текст Договора о Европейском союзе см. **Europe. Documents** № 59/60 от 07.02.92.

²⁵ Следует отметить, что Германия осталась не вполне удовлетворенной договором, поскольку ставила введение ЭКЮ и, соответственно, отказ от марки в зависимости от усиления интеграции в сфере внешней политики, то есть синхронизации экономической и политической интеграции. Данная внешнеполитическая акция наглядно показывает, как понимают в Германии подобную синхронизацию.

²⁶ Любопытно, что В.И. Ленин и Л.Д. Троцкий разошлись в оценке этого лозунга. В.И. Ленин под влиянием своего тезиса о возможности победы социализма в одной, отдельно взятой капиталистической стране считал этот лозунг неправильным (см. Ленин В.И. Полн. собр. соч. — Т. 26. — С. 355), а Л.Д. Троцкий, наоборот, видел в нем "политическую формулу борьбы европейского пролетариата за власть" (Л.Д. Троцкий. К истории русской революции. — М., 1990. — С. 141). И эта точка зрения находит, по-видимому, отклик в формируемом Европейском союзе. Социалист Ж. Делор, председатель КЕС, считает, что этот союз должен служить интересам трудящихся. И он все делает для этого. А консервативное правительство Англии отказывается подписывать Соглашение о социальной политике в рамках Договора о Европейском союзе, считая, что оно "вводит в страну социализм с черного хода".

²⁷ Наглядным проявлением подобных перемен может служить отрицательный результат референдума в Дании по вопросу ратификации Маастрихтского договора.

”ОБЩЕЕВРОПЕЙСКИЙ ДОМ” И ЕВРОПЕЙСКОЕ ПРАВОВОЕ ПРОСТРАНСТВО

И.А. Смирнов*

Понятие ”общеевропейский дом” введено в международное право советско-французским Договором о согласии и сотрудничестве от 29 октября 1990 г., в котором указывается, что стороны ”будут содействовать укреплению между собой и всеми европейскими государствами уз солидарности, ведущих к превращению ее в общий дом и к созданию европейской конфедерации” (ст.2). Вслед за тем и советско-германский Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве от 9 ноября 1990 г. провозглашает целью обеих сторон ”превращение Европы в единое пространство права, демократии и сотрудничества в области экономики, культуры и информации” (ст.5). Все более широкое употребление этих новых понятий ставит вопрос об их юридической квалификации, их содержании, соотношении с международно-правовыми нормами и институтами.

Сколь бы новой ни казалась идея ”общеевропейского дома” как некоего объединения европейских государств, она уходит корнями в глубь веков. Основы этой идеи разрабатывались такими мыслителями, как П. Дюбуа, Марини, Сюлли, У. Пенн, аббат Сен-Пьер, Ж.Ж. Руссо, И. Бентам. Вершиной ”организованного пацифизма” считается учение И. Канта о вечном мире, поскольку он первым ”высказал догадку об объективной закономерности, ведущей к установлению мира, о неизбежности создания на мирных началах союза народов”¹. Вечный мир для И. Канта – не некий единовременно устанавливаемый порядок, а цель, к которой можно приближаться путем активного и постоянного сотрудничества государств. Представляется, что без учета этих идей вряд ли возможен концептуальный анализ понятия ”общеевропейский дом”.

При первом же подходе к проблеме обращает на себя внимание терминологическая новелла – ”дом”, ”пространство”. Означает ли это, что создатели ”дома” стремятся к установлению такого правового порядка в Европе, который невозможно определить в существующих понятиях и категориях международного права (институционный аспект)? Или же имеется в виду нынешнее неудовлетворительное состояние дел в Европе и, как следствие, ставится цель качественно его изменить без указания конкретных способов такого изменения (телеологический аспект)?

*Аспирант кафедры международного права МГИМО МИД РФ.

На наш взгляд, "общий дом" – не определенный *status quo*, а политическая цель, для достижения которой используются различные средства, включая международно-правовые. Именно исследование последних может дать содержательное описание категории "общего дома" с точки зрения международного права.

Вернемся к приведенному выше положению советско-французского договора. Обращает на себя внимание то, что он не содержит какого-либо изложения позиций сторон относительно содержания понятия "общий дом". В статье 3 лишь перечисляются основные принципы будущего европейского порядка, которые по преимуществу являются нормами *jus cogens*, закрепленными в Уставе ООН. В этой связи остается неясной качественная специфика "общеевропейского дома" с точки зрения международного права.

Наряду с "общим домом" в статье 2 упоминается и "европейская конфедерация". Хотя последняя является сложившимся международно-правовым понятием, тот факт, что договор не раскрывает ее содержания применительно к Европе, а также как бы ставит ее на один уровень с "общим домом", подводит к мысли о том, что оба государства не имели намерения описывать будущий европейский порядок в юридических категориях и рассматривают как "общий дом", так и "конфедерацию" в качестве политической цели.

Обратимся теперь к понятию "европейское правовое пространство", впервые примененному на Парижском совещании Конференции по человеческому измерению СБСЕ в 1989 году. Это понятие обычно рассматривается как юридическая конкретизация термина "общий дом". Само по себе использование нового термина подразумевает наличие самостоятельного явления международной жизни, представляющего собой самовоспроизводящуюся систему отношений, элементов, объединенных необходимыми правовыми связями. Преобладающая в отечественной литературе по международному праву точка зрения, согласно которой европейское правовое пространство является сообществом правовых государств², не дает ответа на вопрос о правовой природе системообразующих факторов такого сообщества. По нашему мнению, главными факторами такого рода являются международные договоры и юридически обязательные решения международных организаций. Иными словами, необходимым условием формирования европейского правового пространства является согласование воли субъектов международного права относительно юридически обязательных унифицированных правил поведения в той или иной области.

Европейское правовое пространство, по определению, является сферой действия правовых норм. Последние оформляют фактические отношения, сложившиеся между субъектами этих отношений. Евро-

пейское правовое пространство не является совокупностью национальных правовых систем, поскольку каждая из них действует в пределах национальных границ. Использование в качестве критерия категории "правовое государство" нацелено на исследование правовой системы той или иной конкретной страны и уже поэтому вряд ли подходит для выявления качественной специфики европейского правового пространства.

Если правовые системы государств – членов Совета Европы обеспечивают единый уровень защиты прав человека, то это происходит благодаря участию в международном договоре – Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Главным побудительным мотивом унификации национального законодательства, без которой немыслимо европейское правовое пространство, является заключение многосторонних международных договоров в различных областях.

Практика показывает, что наиболее эффективной является унификация на основе договоров, заключенных в рамках международных организаций или на основании решений органов таких организаций (Совет Европы, Европейские сообщества). В этих условиях заключение договоров утрачивает спорадический характер и становится системой, направленной на максимальное сближение законодательства государств с целью создания экономического и политического союза. Таким образом, институционализация межгосударственных отношений на континенте является главным фактором создания "единой Европы".

В этой связи нельзя не отметить роль Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе. Его уникальность двояка: во-первых, это единственный форум, объединяющий все европейские государства; во-вторых, круг вопросов, входящих в сферу рассмотрения СБСЕ, чрезвычайно широк. Вследствие этого именно СБСЕ может стать несущей конструкцией "общеевропейского дома". Но для этого по меньшей мере необходимо, чтобы документы Совещания носили характер международных договоров, а не только политических обязательств, хотя бы и тщательно разработанных.

Несмотря на то что документы СБСЕ не являются источниками международного права, государства стремятся максимально задействовать потенциал Совещания, принимая на себя юридические обязательства, в частности посредством включения соответствующих положений в двусторонние договоры. Так, советско-германский договор от 9 ноября 1990 г. содержит положение о том, что "обе стороны будут оказывать всемерное содействие развитию процесса безопасности и сотрудничества в Европе на основе Заключительного акта Хельсинки от 1 августа 1975 года" (ст.5). Аналогич-

ные нормы содержатся также в Договоре о дружбе и сотрудничестве между СССР и Италией от 18 ноября 1990 г. (ст. 3–4), в Договоре о дружбе и сотрудничестве между СССР и Испанией от 9 июля 1991 г. (ст.1) и в ряде других документов.

Высказывается мнение, что надежным гарантом соблюдения договоренностей, зафиксированных в документах СБСЕ, мог бы стать специально созданный для этой цели судебный орган или, в качестве паллиативного решения, существующие европейские суды³. Но главным условием осуществимости этой идеи является юрисдикция хельсинкского процесса. Действительно, суд может рассматривать дела и принимать обязательные решения, основываясь на источниках права, в число которых акты СБСЕ не входят. С другой стороны, использование существующих судебных органов невозможно ввиду того, что они действуют в рамках международных организаций – самостоятельных субъектов международного права и рассматривают дела, касающиеся лишь их членов, на основе учредительных актов этих организаций. Передача в такие суды вопросов относительно реализации положений, содержащихся в документах СБСЕ, возможна только на основании договора между европейскими организациями и СБСЕ. Поскольку ни Совещание в целом, ни его постоянные органы, созданные в соответствии с Парижской хартией для новой Европы в ноябре 1990 года, не обладают международной правосубъектностью, заключение такого договора на данном этапе не представляется возможным.

Итак, для эффективного взаимодействия СБСЕ и региональных и универсальных организаций недостаточно придать юридически обязательный характер актам Совещания. Совещание само должно стать субъектом международного права – международной организацией. Органы СБСЕ, созданные в соответствии с Парижской хартией, такие как Парламентская ассамблея СБСЕ, Бюро по свободным выборам, Совет министров иностранных дел, Комитет старших должностных лиц, Центр по предотвращению конфликтов и др., наделены лишь консультативными функциями. В частности, подчеркивается, что заседания совета будут являться “центральным форумом для политических консультаций” в рамках СБСЕ. Представляется вместе с тем, что, несмотря на столь ограниченные на сегодняшний день полномочия, эти органы впоследствии могут стать базой преобразования СБСЕ в международную организацию, основанную на народном представительстве, с законодательным, исполнительным и судебным органами.

Для этого предположения есть некоторые основания, в частности то, что Парижская хартия рассматривает Европу как “единое целое”. Точнее было бы сказать, что она будет “единым целым”

в случае реализации возможностей СБСЕ по созданию представительной системы. К этой мысли подводит и то соображение, что суд не может быть единственным органом СБСЕ, принимающим юридически обязательные решения. Лишь совместное функционирование всех институтов демократического правления способно обеспечить максимально эффективную реализацию актов СБСЕ. По нашему мнению, глубина и тщательность проработки взаимных обязательств в рамках Совещания, а также учреждение постоянных органов свидетельствуют о том, что хельсинкский процесс вплотную подошел к новой качественной ступени своего развития.

Юридизация СБСЕ – не единственный путь строительства "общеевропейского дома". Есть и иной вариант, связанный с утверждением в качестве центра и ориентира общеевропейской интеграции Европейских сообществ (ЕС). Более того, этот вариант в настоящее время является наиболее реальным. Действительно, достижение целей Единого европейского акта позволит создать на Западе Европы уникальный экономический, политический и правовой союз. Особенностью ЕС являются сопоставимый уровень экономического развития и близость фундаментальных интересов участвующих в них государств, что и делает возможным такой союз. На достижение этого уровня направлены усилия многих европейских стран. Подготовка договора между ЕС и ЕАСТ о создании общего экономического пространства (и шире – вся история отношений ЕС – ЕАСТ), официальные заявки некоторых западноевропейских стран на вступление в ЕС (Австрия, Кипр, Мальта, Швеция, Турция), ассоциированное членство Венгрии, Польши и Чехо-Словакии в ЕС являются свидетельствами преобладающей тенденции в Европе. В этих условиях формирование европейского правового пространства означает распространение действия норм "европейского права" на другие государства.

Чем объясняется ведущая роль ЕС в создании "новой Европы"? В отличие от СБСЕ и Совета Европы – механизмов, занимающихся преимущественно гуманитарными вопросами, – ЕС ставит своей целью интеграцию прежде всего базисных общественных отношений – экономических. Преамбула Римского договора выражает стремление ЕЭС "заложить основы еще более тесного союза между народами Европы". Из этого следуют, по крайней мере, два вывода: во-первых, экономическая интеграция не является самоцелью, а выступает основой "более тесного союза" в конечном счете с политической ориентацией. Во-вторых, "союз между народами" не равнозначен "союзу между государствами". В первом случае присутствует намерение осуществлять интеграционные процессы не только на правительственном, но и на неправительственном уровне. В этой связи нельзя не отметить, что субъектами права ЕС являются не только государ-

ства-члены, то есть субъекты международного права, но и юридические и физические лица. Этот факт объясняется прежде всего нацеленностью стран-членов ЕС на создание единого внутреннего рынка, в котором одну из ведущих ролей будут играть субъекты гражданского права. Сближение законодательства, в том числе и гражданского, – одно из основных направлений деятельности ЕС (п. h ст.3; ст.100 Римского договора). Это, в свою очередь, делает не только возможным, но и необходимым создание на новой экономической основе политического союза с чертами национального государства (система разделения властей).

ЕС характеризуется высокой степенью автономности центральных учреждений сообществ по отношению к национальным правительствам. "Наднациональный характер" сообществ подчеркивается в статье 9 Парижского договора об учреждении Европейского объединения угля и стали от 18 апреля 1951 г. Принципиальная важность этого положения подтверждается тем фактом, что в ноте от 25 мая 1950 г. Робер Шуман, министр иностранных дел Франции, автор известной декларации 9 мая 1950 г., настаивал на том, чтобы еще до начала переговоров об образовании ЕОУС государства в принципе согласились с созданием наднационального органа⁴.

Подобная самостоятельность учреждений сообществ и характер принимаемых ими решений позволяют говорить о "европейском праве" 12 государств, основанном на специфических принципах. На наш взгляд, именно появление общеевропейских правовых принципов в процессе строительства европейского единства, подобно принципам, выработанным Судом ЕС⁵ (верховенство и прямое действие права сообществ, принцип всемерной защиты прав человека и основных свобод и др.), явится свидетельством возникновения европейского правового пространства. Как мы уже показали, наиболее вероятный путь к этому – расширение состава ЕС.

Однако нельзя не отметить фундаментальную ограниченность нынешней правовой системы ЕС как основы "общеевропейского дома". Она заключается в противоречии между правовой природой Европарламента как органа, представляющего население 12 стран⁶, и природой совета, представляющего государства. Следовательно, постановления, директивы и решения совета, являясь так называемым вторичным законодательством ЕС, по сути близки к международным договорам и отличаются от них лишь тем, что не подлежат ратификации. Такое положение оправданно лишь в той мере, в какой Европарламент лишен законодательных полномочий. Придание их ему с неизбежностью поставит в перспективе вопрос о формировании исполнительных органов Сообщества, подотчетных парламенту. Тенденции и этапы развития ЕС, в частности Брюссельский договор

о слиянии руководящих органов трех сообществ от 8 апреля 1965 г., введение в 1979 году прямых выборов в Европарламент, заключение договоров о политическом и валютно-экономическом союзе (декабрь 1991 г.), подтверждают нацеленность сообществ на создание в итоге представительной системы.

Наряду с отмеченными явлениями набирает силу тенденция к федерализации общественных отношений в Европе. Это связано прежде всего с усилением активности субъектов европейских федераций⁷ и процессов федерализации в некоторых унитарных государствах (например, в Бельгии)⁸. Важными этапами на этом пути стали мюнхенская (октябрь 1989 г.) и брюссельская (апрель 1990 г.) конференции "Европа регионов", причем инициатива их проведения принадлежит федеральной земле Бавария.

Чем объясняется повышение роли регионов в европейском строительстве? По нашему мнению, здесь имеется по меньшей мере два ряда причин. С одной стороны, субъекты федераций (в данном случае – земли ФРГ, поскольку Германия – единственное федеративное государство в ЕС) справедливо полагают, что действительно демократическое принятие решений в ЕС невозможно без учета их мнения, так как в конечном счете основная работа по выполнению этих решений ложится на земли. По этой причине земли стремятся институционализировать свое представительство в ЕС в виде создания особого органа (разумеется, в него вошли бы представители не только земель ФРГ, но и региональных образований других стран). Необходимость создания такого органа подтвердила мюнхенская конференция "Европа регионов". С другой стороны, регионы, не являющиеся субъектами федераций (Уэльс, Шотландия, Страна Басков и др.), считают свой правовой статус неадекватным растущему национальному самосознанию и рассматривают это как угрозу демократии и правам человека. В этих условиях гарантом демократии, по их мнению, призвана стать федерализация государственного устройства таких стран.

Повышение активности регионов, увеличение числа прямых межрегиональных связей – объективный процесс. Вероятно, он окажет свое влияние на облик Европы в обозримом будущем. В этой связи В.В. Пустогаров заметил, что "перспектива строительства общего дома на континенте состоит в федерализации, а не в усилении унитарности"⁹.

Вместе с тем, на наш взгляд, не следует и переоценивать роль регионов в европейской интеграции. Видимо, активизация их деятельности связана именно с незначительностью этой роли. Так, пункт 1 статьи 32 Основного закона ФРГ 1949 года четко определяет, что "ведение сношений с иностранными государствами принадлежит

Федерации". Земли могут заключать договоры с иностранными государствами лишь с согласия федерального правительства и в пределах своей компетенции.

Применительно к европейской интеграции следует отметить, что земли ФРГ не имеют собственного статуса по праву ЕС. Передача суверенных прав в пользу центральных учреждений ЕС осуществляется на основе пункта 1 статьи 24 Основного закона: "Федерация может законодательным путем передавать верховную власть межгосударственным установлениям". В случае возникновения разногласий между бундестагом и бундесратом, органом представительства земель, протест последнего может быть отклонен большинством бундестага (п.4 ст.77). В этих условиях земли потребовали, чтобы утрата их прав в ходе европейской интеграции была компенсирована участием в процессе принятия решений. Основы такого участия заложены в Законе о Едином европейском акте от 28 февраля 1986 г. В соответствии с этим законом бундесрат имеет право высказывать свое мнение по вопросам, входящим в исключительную компетенцию земель или затрагивающим их существенные интересы, до принятия решения федеральным правительством, которое должно учитывать это мнение¹⁰. Кроме того, с целью получения информации земли учредили свое представительство в Брюсселе.

Во *Франции*, стране классического унитаризма, регионы (созданы в соответствии с Законом от 2 марта 1982 г.) могут заключать соглашения с приграничными регионами соседних стран. Отношения регионов с ЕС опосредованы: они осуществляются через комиссаров республиками и правительством, которое информирует постоянного представителя Франции в Брюсселе. В целом полномочия регионов в международной сфере не урегулированы, а существующие положения толкуются ограничительно¹¹.

Несколько больше прав имеют области в *Италии*. Они располагают собственными законодательными и исполнительными учреждениями, однако судебная система находится полностью в ведении центра. Международные связи Италии принадлежат к исключительной компетенции государств. И лишь Конституционный суд в решении №179 от 22 мая 1987 г. смягчил это положение, признав за областями право осуществлять деятельность международного значения¹². Но и в этом случае требуется одобрение со стороны центрального правительства.

Автономные сообщества (регионы) *Испании* занимают по объему своих полномочий промежуточное положение между итальянскими областями и германскими землями. Конституция 1978 года вообще не упоминает о международной компетенции сообществ: международные договоры заключает только государство. Автономные сооб-

щества имеют в Брюсселе информационное бюро, но, как и земли ФРГ, особым статусом по праву ЕС не обладают. Что касается перспектив федерализации государственного устройства Испании, то Конституция дает на это четкий ответ: "Ни в коем случае не допускается федерация автономных сообществ" (п.1 ст. 145).

Краткий обзор конституционно-правовой практики некоторых стран – членов ЕС позволяет сделать вывод о том, что идеал "Европы регионов" еще весьма далек от воплощения в жизнь. Основной объединяющей Европы в рамках ЕС остается деятельность национальных государств. Но возрастание роли регионов налицо, и оно находит свое выражение в деятельности как ЕС (решение о создании Совета региональных и локальных образований с совещательными функциями, принятие в 1988 г. Хартии регионализма), так и Совета Европы (разработка Хартии языков регионов и меньшинств).

Подписание договоров о политическом и валютно-финансовом союзе стран – членов ЕС (Маастрихт, 11 декабря 1991 г.) и связанные с ними перспективы усиления Европарламента с новой актуальностью ставят вопрос о правовой природе будущего Европейского союза – будет ли он федерацией, конфедерацией или международной организацией.

Общепризнанное определение федерации как "союза государств, обладающего постоянными общесоюзными органами власти и управления, выступающего в качестве единого субъекта международного права"¹³, как это ни парадоксально, не выявляет качественной специфики федерации по отношению к международной организации. Действительно, последняя также является субъектом международного права и представляет собой союз государств, которые, как и субъекты федерации, могут иметь больший и меньший объем международной правоспособности по вопросам, отнесенным к ведению союза.

В доктрине широко распространено мнение о том, что конфедерация и международная организация основаны на международных договорах, а федерация является государственно-правовым образованием¹⁴. Существуют, однако, исторические примеры, показывающие, что и федерация может быть образована на международно-правовой основе: так, путем заключения договора были созданы Северогерманский союз в 1867 году, Советский Союз в 1922 году, путем присоединения одного государства к другому были образованы Королевство Югославия в 1918 году (к Сербии присоединились Черногория и территории, входившие в состав Австро-Венгрии, – Хорватия, Словения, Далмация, Босния и Герцеговина, Воеводина) и Германия в 1990 году (ГДР присоединилась к ФРГ на основе решения Народной палаты ГДР).

В принципе свобода усмотрения (автономия воли) сторон позволяет сделать предметом договора практически любой вопрос, представляющий взаимный интерес. Так, многочисленные договоры имеют своим предметом отношения не только международного публичного, но и частноправового характера. В силу этого нет юридических препятствий для заключения договора между двумя и более государствами об образовании федеративного или даже унитарного государства.

Существует также точка зрения, что федерация отличается от международной организации большей степенью централизации функций¹⁵, иными словами, более широкой компетенцией союза по сравнению с его составными частями. По нашему мнению, это чисто количественный подход, не выражающий качественной специфики рассматриваемых явлений.

Очевидно, что для разрешения проблемы необходимо выявить объективный качественный критерий, в котором воплощена воля учредителей по поводу создания федерации или международной организации. На наш взгляд, таким определяющим критерием служит не источник (договор или конституция) и не объем полномочий союза, а механизм их осуществления – система организации власти.

В этом случае отправным пунктом должно стать исследование природы законодательного органа или, в более широком плане, органа, принимающего решения, выполняемые иными звеньями союзной структуры. Представительство населения в таком органе указывает на федеративный характер образования. В противном случае союз является либо конфедерацией, либо международной организацией. Несмотря на то, что Европарламент представляет население ЕС, он полностью лишен законодательных полномочий: статья 137 Римского договора определяет его полномочия как "консультативные и контрольные". Кроме того, в ЕС отсутствует единый закон о выборах в Европарламент, и страны-участницы имеют свои квоты представительства: ФРГ, Франция, Италия, Великобритания – по 81 депутату, Нидерланды – 25 и т.д.¹⁶ По этим причинам преждевременно говорить о создании "Соединенных Штатов Европы"; их возникновение связано лишь с формированием полноценной представительной системы.

В отличие от автономий, субъекты федерации являются государственными образованиями и имеют свою систему высших органов власти, управления и суда (возможны и исключения: так, земли Австрии не имеют своих судов). Признание их субъектами международного права и объем их прав и обязанностей зависят исключительно от норм внутригосударственного права. Видимо, нет юридических оснований считать невозможным одновременное наличие международной правосубъектности и у членов федерации, и у центра.

Итак, исходя из высказанных соображений, можно определить федерацию как союз государств, в законодательном органе которого представлено население союза. При этом представительство субъектов федерации, будучи закономерным, не является, тем не менее, абсолютно необходимым. Так, Конституция Югославии 1921 года предусматривала создание однопалатного парламента (без верхней палаты).

Что касается конфедерации, то по своей природе она сходна с международной организацией: в ее основе лежит международный договор; она создается для определенных целей — как правило, для проведения общей внешней политики (так, потребность в совместной обороне стала главной причиной возникновения швейцарской конфедерации в 1291 г., конфедерации американских штатов в 1781 г., германской конфедерации в 1815 г.); в руководящем органе не представлено население союза.

Конфедерация, как правило, является переходной стадией объединения государств и завершается обычно либо распадом союза, либо созданием федерации. При этом переход к федерации знаменуется прежде всего появлением нижней палаты парламента. Например, после поражения Австрии в австро-прусской войне 1866 года распалась германская конфедерация, и в 1867 году был основан Северогерманский союз, парламента которого состоял из рейхстага, избираемого населением (в конфедерации он отсутствовал), и бундесрата, представляющего государства.

Признание международной правосубъектности за конфедерацией зависит исключительно от воли ее создателей.

Завершая краткий обзор путей и средств формирования европейского единства, можно сделать вывод о том, что идея "общеевропейского дома" не является утопией, как полагают некоторые авторы¹⁷, более того, юридически это вполне достижимо на основе формирования представительной системы в Европе и создания европейской федерации. Главное препятствие на пути строительства "общего дома" заключается в неравенстве уровней экономического развития разных стран. Лишь ликвидация этого неравенства откроет путь к политическому объединению континента.

¹ Андреева И.С. Проблема мира в западноевропейской философии. — М., 1975. — С. 237—238.

² См. Беляев С.А. О концепции "европейского правового пространства"// Сов. государство и право. — 1991. — № 7. — С. 120; Резник А.В. Формирование европейского правового пространства (некоторые проблемы)// Сов. журнал международного права. — 1991. — № 1. — С.46.

³ См. Резник А.В. Указ. соч. — С.47.

⁴ См. Bonnefous E. L' Europe en face de son destin. — P., 1955. — P.165.

⁵ См. **Энтин М.Л.** Суд Европейских сообществ. Правовые формы обеспечения западноевропейской интеграции. — М., 1987. — С.37–76.

⁶ См. подробно: **Крылова И.С.** Европейский парламент (правовой статус). — М., 1987.

⁷ Процессы, идущие в бывшем Советском Союзе, Чехо-Словакии и Югославии, связаны с появлением новых независимых государств и поэтому заслуживают отдельного рассмотрения.

⁸ См. **Пустогаров В.В.** Общеввропейский процесс и проблемы федерализма // Сов. государство и право. — 1991. — № 6. — С. 29–30.

⁹ Там же. — С. 38.

¹⁰ См. **Föderalismus und Regionalismus in Europa** // Verfassungskongre in Bonn vom 14–16 September 1989. Fritz Ossenbuül (Hrsg.) — Baden-Baden, 1990. — S.148.

¹¹ *Ibid.* — S.219.

¹² *Ibid.* — S.258.

¹³ **Словарь международного права.** — М., 1986. — С. 409.

¹⁴ См. **Hay P.** Federalism and Supranational Organisations. Patterns for new Legal Structures.— Univ. of Illinois Press, 1966. — P.87.

¹⁵ **Kelsen H.** Principles of International Law. — N.Y., 1952. — P.101; **Bindschedler R.L.** Rechtsfragen der europäischen Einigung. — Basel, 1954. — S.33.

¹⁶ См. **Хиршлер М., Цымерман Б.** Западноевропейские интеграционные объединения. Право. — М., 1987. — С.53.

¹⁷ См. например, **Ильин Ю.Д.** Обустроит ли международное право современный мир? // Сов. журнал международного права. — 1991. — №1. — С.123.

Международное частное право

ВЕНСКАЯ КОНВЕНЦИЯ О ДОГОВОРАХ МЕЖДУНАРОДНОЙ КУПЛИ-ПРОДАЖИ ТОВАРОВ И ВОПРОСЫ ОХРАНЫ ИНТЕЛ- ЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

М.М. Богуславский*

Унификация правового режима международных сделок купли-продажи была осуществлена путем принятия в 1980 году в Вене Конвенции ООН о договорах международной купли-продажи товаров (в дальнейшем изложении – Венская конвенция)¹. Конвенция уже завоевала самое широкое международное признание. Положения конвенции заменяют соответствующие нормы гражданского права, применявшиеся ранее к внешнеторговой поставке товаров. В ней участвует большое число стран, ее ратифицировали в 1990 году СССР, а немногим позднее – Украина и Белоруссия².

В нашей стране уже вышел ряд работ, посвященных конвенции в целом и отдельным ее аспектам³. Положения конвенции стали частью гражданского права государств-участников, в том числе нашей страны. Статья 1 конвенции прямо предусматривает, что конвенция применяется к договорам купли-продажи товаров между сторонами, коммерческие предприятия которых находятся в разных государствах, если эти государства – участники конвенции. Следует обратить внимание и на другой момент. Если в силу условия контракта или на основании коллизионной нормы к контракту должно применяться право Российской Федерации, то тогда к такому контракту будут применяться положения конвенции. В той же статье 1 Венской конвенции говорится о том, что она подлежит применению тогда, "когда, согласно нормам международного частного права, применимо право Договаривающегося государства".

Говоря о применении конвенции, важно подчеркнуть, что ее положения ни в коей мере не носят обязательного характера. Сами

* Главный научный сотрудник Института государства и права РАН, доктор юридических наук, профессор.

стороны в договоре могут исключать ее применение или отступить от любого из ее положений, или изменить ее действие. Последнее правило не действует лишь в отношении предприятий государств, сделавших заявление о необходимости заключения договора в письменной форме.

В конвенции содержатся положения о заключении договора, подробно регламентируются обязательства продавца и покупателя.

Для многочисленных предприятий, получивших в последние годы в нашей стране право выступать на внешнем рынке, ратификация конвенции имеет большое значение, поскольку применение ее положений существенно облегчает переговоры по заключению контракта, а в дальнейшем способствует его исполнению, поскольку призвано обеспечить единообразное понимание тех или иных положений договора. Одним из наиболее сложных разделов конвенции является раздел, предусматривающий соответствие товара требованиям договора и правам третьих лиц.

Цель настоящей статьи состоит в том, чтобы обратить внимание на специальные положения конвенции, относящиеся к области интеллектуальной собственности.

1. Особенностью Венской конвенции является то, что в ней специально регулируются обязанности продавца по поставке товара не только без материальных недостатков, в том числе скрытых, но и без юридических недостатков товара, подлежащего поставке. Понятие "юридическая безупречность вещи" получило распространение в практике международной торговли. Под ним понимается отсутствие прав или притязаний третьих лиц на поставляемый товар.

Венская конвенция содержит по этому вопросу два основных (ст.41 и 42), а также два дополнительных правила (ст.43-и 44). Согласно статье 41, "продавец обязан поставить товар свободным от любых прав или притязаний третьих лиц, за исключением тех случаев, когда покупатель согласился принять товар, обремененный таким правом или притязанием. Однако если такие права или притязания основаны на промышленной собственности или другой интеллектуальной собственности, то обязательство продавца регулируется статьей 42".

Таким образом, статья 41 касается прав третьих лиц в отношении титула, то есть, иными словами, в отношении наличия права собственности на товар и возможности его использования. Статья 42 специально регулирует вопросы, касающиеся права интеллектуальной собственности.

Следует обратить внимание на то, что конвенция регулирует только отношения между продавцом и покупателем, а не отношения

между покупателем и третьим лицом. Напомним в этой связи, что, в соответствии со статьей 4, конвенция не касается, поскольку иное прямо не предусмотрено в конвенции, "последствий, которые может иметь договор в отношении права собственности на проданный товар". Можно или нельзя приобрести титул собственности на товар — этот вопрос остается за пределами сферы действия конвенции.

Поскольку Советский Союз (затем Россия как его преемница), Белоруссия и Украина являются участниками Венской конвенции, основной принцип статей 41 и 42 конвенции был трансформирован в гражданское законодательство страны следующим образом: в статье 78 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года ("Права третьих лиц на продаваемое имущество") было предусмотрено, что продавец обязан передать покупателю продаваемое имущество свободным от любых прав третьих лиц на это имущество, о которых продавец не мог не знать при исполнении договора, если только покупатель не согласился принять имущество, обремененное таким правом. Неисполнение этого правила дает покупателю право требовать уменьшения покупной цены либо расторжения договора и возмещения убытков. Это правило должно войти в новые кодексы тех ранее входивших в Союз ССР государств, которые станут участниками Венской конвенции.

Статья 41 устанавливает обязательство продавца поставить товар свободным от любых прав или притязаний третьих лиц. Заметим, что речь идет не только о правах, но и о возможных притязаниях третьего лица, которые могут находиться в стадии рассмотрения. Этому обязательству продавца соответствует право покупателя получить товар, не обремененный такими правами и притязаниями, говоря иными словами, статья 41 дает покупателю право потребовать выполнения этого обязательства от продавца.

Под правами и притязаниями следует понимать любые права и притязания третьих лиц. В первую очередь это вещные права.

Под вещными правами следует понимать право владения, пользования и распоряжения товаром. Они могут быть переданы собственником третьим лицам. В случае, если товар стал предметом залога, в качестве третьего лица будет выступать залогодержатель. Может иметь место также ситуация, когда собственник сдает имущество (в данном случае товар, о котором идет речь) в аренду.

Права третьих лиц на поставляемый товар могут иметь самый различный характер. В Основах гражданского законодательства 1961 года и в соответствовавших им гражданских кодексах республик давался лишь примерный перечень таких возможных прав. К ним, в частности, были отнесены права нанимателя и право залога.

Договор найма сохраняет силу для покупателя после перехода к нему права собственности на вещь.

Применительно к залогу отметим, что он может иметь большое практическое значение, поскольку его роль как средства обеспечения обязательств будет возрастать. Согласно статье 68 Основ гражданского законодательства 1991 года, предметом залога может быть любое имущество, включая имущественные права. Следует подчеркнуть, что в случае перехода права собственности залоговое право сохраняет силу. Имущество, обремененное залогом, может быть истребовано залогодержателем у покупателя с обращением на это имущество взыскания по обеспеченному им требованию.

В некоторых случаях продавец вещи может и не знать о правах третьих лиц на нее. Так, можно представить себе такой исключительный случай, когда добросовестный покупатель приобрел вещь, которая была украдена у собственника или законного владельца.

Во всех этих и подобных им случаях обременения имущества содержание прав третьих лиц будет определяться не положениями рассматриваемой конвенции, а тем правом, которое подлежит применению в силу коллизионных норм. Так, если продавцом будет российская организация (или гражданин), а она же станет наймодателем или залогодержателем, то независимо от того, будет ли договор найма или залога заключен с иностранной фирмой или другой российской организацией, в соответствии с коллизионной нормой статьи 166 Основ гражданского законодательства Союза ССР и республик 1991 года должно применяться право России как право страны наймодателя (залогодателя). На основе права России должен, таким образом, определяться объем прав третьих лиц. Это правило будет действовать, если гражданские кодексы стран — участниц СНГ повторят коллизионную норму Основ 1991 года.

Отметим также, что права третьих лиц могут носить не только вещный, но и обязательственный характер, как, например, в случаях договора хранения или аренды.

В отличие от положений Венской конвенции, наше законодательство вводит определенное ограничение обязанности продавца, поскольку оно устанавливает обязанность передачи покупателю имущества, свободного от любых прав третьих лиц на это имущество, о которых продавец **не мог не знать** при исполнении договора. То есть, иными словами, речь идет о правах, о которых он знал или должен был знать.

Существенное значение может иметь определение того, на какой момент времени товар должен быть свободным от любых прав или притязаний третьих лиц. Из статьи 41 следует, что речь идет не о моменте заключения договора, а о моменте, когда товар постав-

лялся продавцом покупателю. Если, например, в момент заключения договора товар был свободен от прав или притязаний третьих лиц, то есть при обсуждении вопроса о юридических недостатках вещи или вообще о качестве товара проблема не возникала, но затем такие права или притязания возникли, то тогда обязательство, предусмотренное статьей 41, будет пониматься как невыполнение. Статья 41 предусматривает возможность для покупателя согласиться на принятие товара, обремененного правами или притязаниями третьих лиц, то есть отказаться от предъявления требования к продавцу в случае, если не будет выполнено его обязательство поставить товар свободным от прав и притязаний третьих лиц. Конвенция не определяет, каким образом должно быть выражено такое согласие. Это правило конвенции следует понимать таким образом, что не обязательно должно быть прямо выраженное согласие, – не требуется, например, какого-либо заявления о согласии. Оно может выражаться путем конклюдентных действий, например путем принятия товара покупателем без каких-либо оговорок, несмотря на то, что покупатель будет знать об обременении товара из-за существования прав и притязаний третьих лиц.

То, что покупатель знал о наличии прав и претензий третьих лиц, не является основанием для освобождения продавца от ответственности. Это правило не применяется в двух случаях. Во-первых, в случае, когда, согласно пункту 3 статьи 35 конвенции, продавец не несет ответственности за любое несоответствие товара, если во время заключения договора покупатель знал или не мог не знать о таком несоответствии. И, во-вторых, в случае, когда речь идет об интеллектуальной собственности, на чем мы остановимся ниже.

В случаях, касающихся интеллектуальной собственности, обязательство продавца возникает, если в момент заключения договора с покупателем он знал или не мог не знать о наличии прав и притязаний третьих лиц, основанных на интеллектуальной собственности, при условии, что покупатель в момент заключения договора не знал и не мог знать о наличии таких прав.

Устанавливая общее правило об обязанности продавца поставить товар свободным от любых прав или притязаний третьих лиц, рассматриваемая статья в случаях, когда такие права или притязания основаны на промышленной собственности или другой интеллектуальной собственности, отсылает к специальным правилам, предусмотренным в статье 42 конвенции.

Приведенное выше положение было включено в текст статьи 41 на стадии подготовки проекта конвенции. Смысл такого изъятия объяснялся спецификой решения этого вопроса в случаях, когда права третьих лиц основывались на промышленной собственности.

Первоначально имелось в виду сформулировать все эти специальные случаи, касающиеся промышленной или интеллектуальной собственности, в одной статье вместе с общим случаем, однако после обсуждения было решено посвятить им самостоятельную статью.

2. В статье 2 Венской конвенции, посвященной рассматриваемым в данной статье вопросам (ст.42), говорится следующее: продавец обязан поставить товар свободным от любых прав или притязаний третьих лиц, которые основаны на промышленной собственности, о которых в момент заключения договора продавец знал или не мог не знать, при условии, что такие права и притязания основаны на промышленной собственности или другой интеллектуальной собственности:

а) по закону государства, где товар будет перепродаваться или иным образом использоваться, если в момент заключения договора стороны предполагали, что товар будет перепродаваться или иным образом использоваться в этом государстве, или

б) в любом другом случае – по закону государства, в котором находится коммерческое предприятие покупателя.

Обязанности продавца, касающиеся случаев наличия прав третьих лиц, основанных на интеллектуальной собственности, выделены в конвенции в самостоятельное положение вследствие специфики как самого понятия интеллектуальной собственности, так и юридической природы, особенностей прав на интеллектуальную собственность.

Сама формулировка "промышленная собственность или другая интеллектуальная собственность" была предложена при разработке конвенции Всемирной организацией интеллектуальной собственности (ВОИС). В Стокгольмской конвенции от 14 июля 1967 г., учреждающей Всемирную организацию интеллектуальной собственности, которую подписал и ратифицировал Советский Союз, содержится определение понятия "интеллектуальная собственность". Согласно статье 2 конвенции, *интеллектуальная собственность* включает права, относящиеся к литературным, художественным и научным произведениям; исключительной деятельности артистов, звукозаписи, радио и телевизионным передачам; изобретениям во всех областях человеческой деятельности, научным открытиям; промышленным образцам; товарным знакам, знакам обслуживания, фирменным наименованиям, коммерческим обозначениям; защите против недобросовестной конкуренции, а также все другие права, относящиеся к интеллектуальной деятельности в производственной, научной, литературной и художественной областях.

Наряду с термином "интеллектуальная собственность" широкое распространение в международных отношениях получил термин

”промышленная собственность”. Согласно статье 1 Парижской конвенции по охране промышленной собственности 1883 года в редакции 1967 года, объектами охраны промышленной собственности являются патенты на изобретения, полезные модели, промышленные образцы, товарные знаки, знаки обслуживания, фирменные наименования и указания происхождения, а также пресечение недобросовестной конкуренции. Сравнение этих двух определений показывает, что промышленная собственность рассматривается как часть интеллектуальной собственности, поскольку понятие интеллектуальной собственности – это более общее понятие.

В конвенции о ВОИС 1967 года, о которой говорилось выше, не содержится исчерпывающего перечня прав, которые могут быть отнесены к правам на интеллектуальную собственность. В каждой стране в соответствии с ее национальным законодательством в этой области определяется круг прав, подлежащих охране.

В нашем гражданском законодательстве термин ”интеллектуальная собственность” ранее не применялся в силу представлений о том, что права автора, изобретателя, патентообладателя и иного субъекта прав на нематериальные, духовные ценности совпадают с правами собственника на материальные предметы, вещи.

В современном законодательстве России, например в Законе о собственности РСФСР, понятие ”интеллектуальная собственность” применяется.

Это обобщающее понятие было использовано также в Декларации прав и свобод человека и гражданина, принятой Верховным Советом РСФСР 22 ноября 1991 г. В пункте 1 статьи 29 говорится следующее: ”Свобода художественного, научного и технического творчества, исследований и преподавания, а также интеллектуальная собственность охраняются законом”. Поскольку в декларации говорится о праве собственности в другой статье (ст.22), использование термина ”интеллектуальная собственность” не может означать, что право на интеллектуальную собственность – это один из видов права собственности в цивилистическом понимании, что это вещное право. В то же время этот термин подчеркивает значение, роль прав авторов произведений, изобретателей и принят, как отмечалось выше, в международном обороте.

Юридическая природа вещных прав и прав на интеллектуальную собственность не совпадает. Исходя из отмеченных выше теоретических подходов, лучше было бы, на наш взгляд, ”права на интеллектуальную собственность” именовать ”правами на результаты интеллектуальной деятельности”.

При анализе положений статьи 42 Венской конвенции решающее значение имеет территориальный характер прав, основанных на

интеллектуальной собственности. В отличие от других прав, в том числе и вещных, эти права носят строго территориальный характер. Если, например, право на изобретение возникло в одной стране у какого-то лица в силу выдачи ему патента, то такой охраняемый документ будет действовать только на территории того государства, в котором он был выдан. Для приобретения прав на это изобретение в другом государстве потребуются подача заявки и самостоятельная выдача патента на изобретение в другом государстве.

Таким образом, в рассматриваемой области речь будет идти не о признании субъективного права на изобретение, возникшего ранее в другом государстве, а о возникновении нового субъективного права в данном государстве. Точно так же право на товарный знак будет признаваться лишь в пределах того государства, где такой знак был зарегистрирован, если охрана знака не будет обеспечиваться на основании международных соглашений.

Ранее в отечественных нормативных актах и на практике широкое распространение получило понятие "патентная чистота". Для того, чтобы вывозимые из нашей страны товары не нарушали патентов третьих лиц, они должны обладать патентной чистотой. Это значит, что перед тем, как поставлять товар за границу, перед тем, как передать проект или техническую документацию, нужно проверить, обладает ли изделие патентной чистотой, то есть, иными словами, не подпадает ли оно под действие патентов, принадлежащих третьим лицам. Это может быть установлено путем проведения экспертизы на патентную чистоту.

Фактически пункт 1 статьи 42 предусматривает обязательство продавца поставлять патентно чистую продукцию, но это обязательство сформулировано в конвенции более широко: товар должен поставляться свободным не только от прав третьего лица — патенто-обладателя, но от "любых прав или притязаний третьих лиц, которые основаны на промышленной собственности или другой интеллектуальной собственности".

Исходя из указанного выше территориального характера, товар должен быть свободным от прав третьих лиц, основанных на интеллектуальной собственности, не в отношении всего мира, а конкретно в отношении территорий стран, которые прямо определены в статье 42 конвенции.

Речь идет о двух возможных ситуациях.

Во-первых, о ситуации, когда товар перепродается или иным образом используется в определенном государстве. Тогда права или притязания третьих лиц должны быть основаны на интеллектуальной собственности по закону именно того государства, где товар будет перепродаваться или иным образом использоваться. При этом

имеется в виду, что стороны в момент заключения договора предполагали, что товар будет перепродаваться или иным образом использоваться в этом государстве.

Во-вторых, речь идет о любом ином случае. Под любым иным случаем имеется в виду, что права или притязания третьих лиц должны быть основаны на интеллектуальной собственности по закону государства, в котором находится коммерческое предприятие покупателя. Таким образом, применительно, например, к изобретениям, в первом случае товар не должен подпадать под действие патента, действительного в стране, где перепродается или иным образом используется товар, а в любом ином случае – под действие патента, действительного в стране местонахождения предприятия покупателя.

Таким образом, конвенция устанавливает территориальное ограничение обязательства продавца в отношении прав третьих лиц, основанных на интеллектуальной собственности. Речь идет либо о стране, которая была определена при заключении договора как страна, куда должен быть поставлен товар, либо о стране покупателя.

В одном из комментариев к конвенции приводится такой гипотетический пример: продавец продал товар, изготовленный на основе процесса (способа) в стране, по закону которой этот способ находится во всеобщем пользовании, но он же может охраняться в гипотетической стране. В этом случае продавец будет нести ответственность за нарушение патента по праву этой страны X⁴.

Следует также учитывать, что иногда в договоре международной купли-продажи товара прямо предусматривается запрет реэкспорта. В этом случае продавец может защищаться от предъявления к нему претензий в отношении прав третьих лиц в странах, куда экспорт не только не предполагался, но был запрещен по условиям договора.

Наряду с территориальным ограничением обязательства продавца, основанного на природе, характере прав интеллектуальной собственности, статья 42 устанавливает временное ограничение. Суть его состоит в том, что обязательство поставить товар свободным от прав третьих лиц возникнет только при условии, что о существовании прав третьих лиц продавец "знал или не мог не знать" в момент заключения договора. Установление такого временного ограничения означает, что продавец не будет нести ответственности в случае, если права третьих лиц возникнут в период от заключения договора до момента поставки. Отсюда для отечественного продавца вытекает вывод практического характера: проверку товара на патентную чистоту следует проводить на момент заключения договора поставки.

Предпосылкой для ответственности продавца является его знание о наличии прав третьих лиц в момент заключения договора. Он должен знать или не мог не знать, что такие права существуют. А

для этого он должен провести соответствующую экспертизу, патентные исследования, проверку на патентную чистоту и т.д.

Это положение предусмотрено статьей 78 Основ гражданского законодательства, поскольку там говорится о правах третьих лиц на продаваемое имущество, о которых продавец не мог не знать при исполнении договора.

Содержание права третьего лица, основанного на интеллектуальной собственности, будет определяться законодательством страны, где такое право имеется. Так, в случае, если товар поставляется в Россию иностранной фирмой и при этом он подпадает под действие патента или иного охранного документа, принадлежащего третьему лицу, например другой иностранной фирме (например, на основе патента на изобретение, выданного в Российской Федерации этой фирме свидетелства о регистрации ее товарного знака в Российской Федерации), то это третье лицо в соответствии с действующим законодательством может предъявить иск в суде о нарушении его прав, поставить вопрос о запрещении ввоза соответствующего товара в страну, предложения к продаже, продажи или иного введения в хозяйственный оборот продукта, содержащего изобретение. В соответствии с законом, нарушение патента должно быть прекращено с возмещением патентообладателю убытков, понесенных в результате противоправного использования изобретения.

Нарушением прав третьего лица – владельца товарного знака, зарегистрированного в России, признается несанкционированное применение его знака на товарах, в рекламе, а также ввоз, предложение к продаже, продажа и иное введение в хозяйственный оборот товара, обозначенного охраняемым в России товарным знаком.

3. В статье 42 Венской конвенции содержатся и иные положения, на которых следует остановиться особо. В пункте 2 этой статьи говорится, что "обязательство продавца, предусмотренное в предыдущем пункте, не распространяется на случаи, когда:

а) в момент заключения договора покупатель знал или не мог не знать о таких правах или притязаниях или

б) такие права или притязания являются следствием соблюдения продавцом технических чертежей, проектов, формул или иных исходных данных, представленных покупателем".

Правило об обязанности продавца поставить товар свободным от прав или притязаний третьих лиц не применяется, таким образом, согласно пункту 2 статьи 42, если в момент заключения договора покупатель знал или не мог не знать о таких правах или притязаниях. В отличие от правила статьи 41, предусматривающего освобождения продавца от его обязанности поставить товар свободным от прав или притязаний третьих лиц в случае согласия покупателя на приемку такого товара, в отношении прав, основанных на интеллектуальной собственности, для освобождения от такой обязанности достаточно одного знания об этом.

Во втором абзаце пункта 2 статьи 42 говорится о случае, когда права и притязания третьих лиц возникли вследствие того, что продавцом соблюдались технические чертежи, проекты, формулы или иные исходные данные, предоставленные покупателем. Можно представить себе такую ситуацию, когда товар изготавливается по технической документации, рецептам или иным данным покупателя, а в них заложены какие-то решения, подпадающие под патенты, обладателями которых являются третьи лица. Естественно, что в этом случае продавец должен быть освобожден от ответственности, предусмотренной пунктом 1 статьи 42.

Смысл приведенного положения конвенции состоит в том, что, представляя такую документацию, покупатель сам должен нести риск в случае, если ее использование нарушает права третьих лиц.

Конечно, с точки зрения принципов добросовестности в ведении торговых операций продавец должен был бы в подобных случаях поставить в известность покупателя о возможных нарушениях прав третьих лиц. Но прямо выраженного такого обязательства в статье 42 не содержится.

В заключение анализа положений статей 41 и 42 различия между ними можно представить схематическим образом в виде ответов на следующие вопросы:

Содержание вопроса	Статья 41	Статья 42
1. Должно ли существовать право третьего лица в момент заключения договора?	нет	да
2. Требуется ли, чтобы продавец знал о наличии такого права или заключении договора?	нет	да
3. Имеется ли территориальное ограничение действия прав третьего лица?	нет	да, только на территории определенной страны
4. Что требуется со стороны покупателя для освобождения продавца?	требуется согласие принять товар, обремененный правом третьего лица	согласия не требуется; продавец освобождается от ответственности, если покупатель знал или должен был знать о правах третьих лиц

4. Как уже отмечалось выше, статья 43 Венской конвенции носит дополнительный характер. В этой статье говорится следующее:

”1) Покупатель утрачивает право ссылаться на положения статьи 41 или статьи 42, если он не дает продавцу извещения, содержащие данные о характере права или притязания третьего лица, в разумный срок после того, как он узнал или должен был узнать о таком праве или притязании.

2) Продавец не вправе ссылаться на положения предыдущего пункта, если он знал о праве или притязании третьего лица и о характере такого права или притязания”.

Таким образом, положения пункта 1 статьи 43 идентичны аналогичным положениям пункта 1 статьи 39 Венской конвенции, касающимся ответственности за поставку товара ненадлежащего качества, поскольку в них устанавливается обязанность покупателя извещать о правовых недостатках поставленного товара. Если он не будет своевременно извещать продавца о правах третьих лиц, он потеряет право требования, предусмотренное статьями 41, 42. Это означает, что он потеряет право требовать возмещения убытков (см. п.1 ст.45), замены товара (п.2 ст.46), а также не сможет заявить о расторжении договора (ст.49) и снизить цену (ст.50).

Примененное в пункте 1 статьи 43 выражение ”в разумный срок” означает ”так быстро, как это возможно”. В отличие от статьи 39, где также применено это выражение (”в разумный срок”), в рассматриваемом случае не установлено какого-либо предельного срока. Напомним, что в статье 39, говорящей о несоответствии товара, покупатель должен известить продавца не позднее, чем в пределах двухлетнего срока, считая с даты фактической передачи товара покупателю, поскольку этот срок не противоречит договорному сроку гарантии.

В отношении разумного срока теоретически можно было бы говорить, что такой срок ограничен применительно к правам, основанным на интеллектуальной собственности, сроком фактического действия охранного документа (патента на изобретение, например), но практически он должен быть, несомненно, короче.

Положение пункта 1 статьи 43 следует понимать таким образом, что покупатель после получения соответствующей информации о правах и притязаниях третьих лиц должен не ждать, а сообщить об этом так быстро, как это возможно, продавцу.

Следует обратить внимание на то, что исчисление срока начинается с того момента, как покупатель должен был узнать о таком праве или притязании.

По своему содержанию извещение должно содержать данные о характере права или притязания третьего лица. В конвенции не

предусматривается обязательство покупателя производить какую-либо экспертизу, например составлять патентные исследования, экспертизу на патентную чистоту. Но в то же время он может сообщить, какие действия уже предприняло третье лицо, и любые иные сведения, которые помогли бы продавцу осуществить меры по защите соответствующих прав.

Покупатель должен в этих случаях учитывать положения статьи 77 конвенции. В этой статье предусматривается, что сторона, ссылающаяся на нарушение договора, должна принять такие меры, которые являются разумными при данных обстоятельствах для уменьшения ущерба, включая упущенную выгоду, возникающего вследствие нарушения договора. Если она не принимает таких мер, то нарушившая договор сторона может потребовать сокращения возмещаемых убытков на сумму, на которую они могли быть уменьшены.

В пункте 2 статьи 43 содержится положение, в определенной степени соответствующее положению статьи 40 и касающееся знания продавцом недостатков вещи.

В статье 43 соответствующее правило, касающееся юридических недостатков вещи, сформулировано более узко. Оно распространяется только на те случаи, когда продавец знал о праве или притязании третьего лица и о характере такого права или притязания. О фактах, о которых он не мог не знать, здесь не говорится.

5. В статье 44 Венской конвенции предусматривается: "Несмотря на положения пункта 1 статьи 39 и пункта 1 статьи 43, покупатель может снизить цену в соответствии со статьей 50 или потребовать возмещения убытков, за исключением упущенной выгоды, если у него имеется разумное оправдание того, почему он не дал требуемого извещения".

Статья 44, так же как и статья 39, относится к числу статей, наиболее активно обсуждавшихся на Венской конференции. При обсуждении на конференции статьи 39 внимание обращалось на то, что не всегда возможно в пределах разумного срока представить извещение. Пропуск срока представления извещения не остается для покупателя без последствий. Некоторые из своих прав он теряет. Так, он не имеет в этом случае права потребовать замены товара, устранения несоответствия товара договору (ст.46), а также права на расторжение договора. Что же касается возмещения убытков, то он может требовать возмещения только прямых убытков, без упущенной выгоды. А у покупателя остается право потребовать сокращения возмещаемых убытков. Обратим внимание на то, что, согласно статье 77, сторона может потребовать сокращения убытков на сумму, на которую они могли быть уменьшены.

Постатейное рассмотрение текста Венской конвенции о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года показывает, что особое внимание в ней уделено обязанности продавца поставить товар свободным от любых прав и притязаний третьих лиц, и прежде всего основанных на промышленной собственности (таких, например, как патенты, промышленные образцы, товарные знаки) или другой интеллектуальной собственности. В соответствии с положениями конвенции, такая обязанность возлагается на продавца, если он знал о наличии подобных прав или притязаний или не мог об этом не знать. Все участники внешнеэкономической деятельности, осуществляя операции по экспорту товаров, должны учитывать рассмотренные в настоящей статье положения во избежание наступления отрицательных последствий.

¹ Полное официальное название конвенции следующее: Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (Doc.A/Conf.97/18.— Annex I). Текст см. *Внешняя торговля*. — 1991. — № 7, 8; *Сборник международных договоров и других документов, применяемых при заключении и исполнении внешнеэкономических контрактов*. Торгово-промышленная палата СССР, В/О "Внешэкономсервис". — М., 1991. — С.11–25. Там же опубликованы данные об участниках конвенции.

² О ратификации бывшим СССР см. *Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР*. — 1990. — № 23. — Ст.428. Для СССР конвенция вступила в силу 1 сентября 1991 г., для Белоруссии — 1 ноября 1990 г., для Украины — 1 февраля 1991 г.

³ См. *Зыкин И.С.* Договор во внешнеэкономической деятельности. — М., 1990 (в этой книге опубликован и текст конвенции); *Розенберг М.Г.* Заключение договора международной купли-продажи товаров. — М., 1991; *Комаров А.С.* Новое в правовом регулировании внешнеторговых конфликтов // *Внешняя торговля*. — 1990. — № 2. — С.23–26; *Розенберг М.Г.* Конвенция ООН о договорах международной купли-продажи товаров 1980 года // *Хозяйство и право*. — 1991. — № 2.

⁴ *Bianca, Bouell.* Commentary on the International Sales Law. The Vienna Sale Convention. — 1987. — P.320.

Право и бизнес

ТОРГОВЫЕ ДОМА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: ПРАВОВАЯ КОНЦЕПЦИЯ И ВОПРОСЫ СОЗДАНИЯ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

И.С. Мартынов*

Необходимость создания конкурентоспособной на мировых рынках продукции и обеспечения стабильного, поступательного развития экономики собственной страны привели к созданию во многих странах универсальных торговых организаций, так называемых торговых домов. Различные по наименованию, они были образованы во Франции¹, Венгрии², Финляндии³. Однако наиболее широкое распространение подобные организации получили в Японии⁴. Всему миру известны японские торговые дома (сого-сеся) "Мицубиси корпорейшн", "Мицуи", "Марубени" и др., имеющие широкую сеть своих филиалов и в немалой степени способствующие продвижению японских капиталов и товаров на рынки других государств.

В российском законодательстве вопрос о создании торговых домов – внешнеторговых организаций нового типа – может рассматриваться в аспекте реформы внешнеэкономических связей, имеющей своей целью гармоничное развитие экономики страны, ее более активное вращение в систему мирохозяйственных связей и основанной на либерализации внешней торговли и применении новых методов ее государственного регулирования.

В литературе по данному вопросу отмечалось, что универсальная торговая компания (торговый дом) может представлять собой крупную торгово-производственную компанию, распространяющую сферы своего влияния, как минимум, на производственную, посредническую или инвестиционно-банковскую деятельность, страхование продукции, работ и услуг⁵. В настоящее время у нас созданы и действуют ряд торговых домов (торговый дом "Азербайджан", торговый дом "Мосинтер" и др.), уставные цели которых в основном совпадают с указанными выше. Необходимо, вместе с тем, отметить,

* Главный юрисконсульт акционерного общества "Интерлегсервис".

что юридические аспекты создания и деятельности торговых домов в действующем российском законодательстве разработаны недостаточно, поэтому в данной статье делается попытка остановиться на вопросах создания возможной правовой базы для деятельности подобных организаций в России.

Первые правовые акты, в которых упоминается о возможности создания торговых домов, были приняты в рамках бывшего СССР. К ним относятся постановление Совета Министров СССР №1405 от 2 декабря 1988 г. "О дальнейшем развитии внешнеэкономической деятельности государственных, кооперативных и иных общественных предприятий, объединений и организаций"⁶ (далее: ПСМ №1405) и постановление Совета Министров СССР №712 от 20 июля 1990 г. "О совершенствовании розничной торговли и оказания услуг на иностранную валюту на территории СССР"⁷ (далее: ПСМ №712). Существенным недостатком данных документов является отсутствие в них целостной правовой концепции организации и функционирования торговых домов. Применяются различные подходы к определению направлений их деятельности. Так, например, согласно пункту 3 ПСМ №1405, торговые дома создаются в целях повышения эффективности реализации советских товаров и услуг на внешнем рынке, устранения неоправданной конкуренции между советскими экспортерами, снижения издержек, связанных со сбытом товаров и оптимизацией закупок за границей. ПСМ №712 рассматривает торговый дом в качестве элемента системы специализированной торговли и платных услуг на иностранную валюту.

В правовой концепции торгового дома наиболее важным вопросом является определение особенностей, связанных со статусом торгового дома как юридического лица. В действующем российском законодательстве прямо установлено, что "торговые дома являются юридическими лицами, создаются в форме ассоциаций на основе добровольного вступления в них с сохранением полной самостоятельности советских предприятий, объединений и организаций (независимо от форм собственности), а также совместных предприятий с участием иностранных юридических лиц и граждан"⁸ (п.1 ПСМ №712). Сфера деятельности таких торговых домов закрепляется в их учредительных договорах и уставах.

Мировой опыт создания торговых домов⁹ свидетельствует о том, что наделение организации правами юридического лица имеет как позитивные, так и негативные аспекты. Сложности состоят в том, во-первых, что необходимость обособления (передачи в собственность) денежных средств и другого имущества для учреждения торгового дома с правами юридического лица влечет за собой уменьшение имущества партнеров, намеревающихся создать торго-

вый дом, что может оказаться нежелательным при определенных обстоятельствах. Во-вторых, при создании торгового дома без статуса юридического лица, например в форме полного товарищества, его учредители несут неограниченную солидарную ответственность по обязательствам товарищества всем своим имуществом, что существенно увеличивает риск учредителя.

Несомненным позитивным моментом при создании торгового дома в качестве юридического лица является приобретение им способности выступать в гражданском обороте от своего имени и приобретать права и нести обязанности, что было бы невозможно без статуса юридического лица.

Действующее законодательство позволяет создать торговый дом, не имеющий статуса юридического лица. Для этого существует такая форма, как совместная деятельность в определенной сфере, при этом отношения сторон обычно оформляются путем заключения договора о совместной деятельности (ст.434 ГК РСФСР). Такая же возможность предусматривается статьей 9 Закона РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности" от 25 декабря 1990 г., а именно: ведение хозяйственной деятельности в форме полного товарищества, которое не является юридическим лицом по российскому законодательству. Имеются аналогичные примеры и в законодательстве зарубежных государств. Так, Германское торговое уложение (п.335) предусматривает ведение совместной деятельности в форме негласного товарищества вовне, без наличия собственного товарного знака, без обособления имущества¹⁰.

Суммируя сказанное, можно сделать вывод о том, что при формировании более стабильной хозяйственной структуры, способной быть субъектом гражданско-правовых отношений и обладать гражданской правосубъектностью, предпочтительнее создание торгового дома с правами юридического лица. В этом случае следует более подробно остановиться на основных понятиях, связанных с юридическим лицом, то есть правоспособностью и дееспособностью торгового дома как организации, осуществляющей, как было указано выше, любую хозяйственную деятельность. Столь широкая сфера деятельности и разнообразие хозяйственных функций не могут не повлиять на имеющуюся правовую основу деятельности таких организаций, и в первую очередь на объем их правоспособности.

В этом смысле стоит отметить распространенность в зарубежном законодательстве принципа неограниченной правоспособности юридического лица. В ряде стран – во *Франции, Германии, Швейцарии, Италии, Японии* – существует законодательное закрепление этого принципа¹¹.

В *Англии и США* формально продолжает существовать извест-

ная с 1875 года доктрина "ultra vires", согласно которой действия компании, выходящие за рамки предмета ее деятельности, считаются внеуставными и признаются недействительными. В Англии сфера действия этой доктрины сужена, поскольку она применяется к договорам, не исполненным ни одной из сторон. К тому же действие этой доктрины было подорвано принятием Закона о компаниях 1948 года и Закона о Европейских сообществах 1972 года, где предусмотрена упрощенная возможность изменения уставных целей. В США доктрина "ultra vires" применяется в несколько другом аспекте, а именно: она служит основанием для осуществления контроля со стороны акционеров и государства за деятельностью директоров и управляющих компаний. В действительности возможность внести необходимые изменения в устав сводит на нет эффективность применения этой доктрины¹².

В доктрине и практике *российского* гражданского права¹³ преваляировал принцип ограниченной (специальной) правоспособности, в соответствии с которым юридическое лицо может иметь только такие права и нести только такие обязанности, которые необходимы для достижения указанных в его уставе целей (ст.26 ГК РСФСР). Причем несоблюдение этого условия влечет недействительность заключенной сделки (ст.50 ГК РСФСР) с неблагоприятными последствиями для сторон.

Нормативным актом, в котором намечился отход от принципа ограниченной правоспособности, является постановление Совета Министров РСФСР №601 от 25 декабря 1990 г. (далее: ПСМ №601), которым было утверждено Положение об акционерных обществах¹⁴. Согласно пункту 5 положения, "общество вправе совершать все действия, предусмотренные законом. Деятельность общества не ограничивается оговоренной в уставе. Сделки, выходящие за пределы уставной деятельности, но не противоречащие действующему законодательству, признаются действительными". Таким образом, важный правовой принцип неограниченной правоспособности нашел свое закрепление в российском законодательстве. Однако тот факт, что принцип неограниченной (общей) правоспособности нашел свое отражение в подзаконном акте, который не должен противоречить действующему законодательству (ст.26 ГК РСФСР), делает указанные положения подзаконного акта недействительными и реализацию этого принципа невозможной.

В этой связи представляется целесообразным включить в действующие законы нормы, позволяющие создать универсальную торговую компанию с неограниченной правоспособностью, или разработать специальный нормативный акт, где оговорить возможность упрощенного порядка изменения уставных целей общества.

В структуре акционерных обществ открытого или закрытого типа (п.1 ПСМ №601) существуют органы, не совершающие каких-либо действий, создающих права и обязанности для юридического лица (общее собрание, совет директоров), а лишь формирующие стратегические цели конкретного общества. Следовательно, постоянно действующий орган управления – правление – должен приобретать права и нести обязанности, основываясь не только на положениях устава, но и на решении общего собрания акционеров, совета директоров. Тем самым объем правоспособности торгового дома (например, в отношении сделок, заключаемых от имени торгового дома) не может считаться постоянным. В связи с этим целесообразно поставить вопрос о последствиях для постоянно действующего органа управления и органа, формирующего стратегические цели, превышения органом управления полномочий, данных в уставе или установленных законом. Видимо, этот вопрос необходимо также решать при создании универсальных торговых компаний. Предположительно можно отметить, что ответственность за сделки, заключенные с превышением полномочий, определенных в уставе общества, несет постоянный орган управления обществом (точнее – генеральный директор или председатель правления), а при превышении полномочий, установленных уставом или законом, но санкционированных общим собранием или советом директоров, ответственность возлагается на юридическое лицо.

С вопросом о правоспособности торгового дома тесно связан вопрос о его дееспособности. В частности, статья 28 ГК РСФСР свидетельствует о том, что дееспособность юридического лица проявляется в способности его органов управления приобретать гражданские права и принимать на себя гражданские обязанности.

В связи с созданием торговых домов в России возникает целый ряд важных юридических вопросов об их организационно-правовой форме, порядке создания и т.д. В Законе РСФСР "О предприятиях и предпринимательской деятельности" от 25 декабря 1990 г. содержится перечень организационно-правовых форм предприятий, к которым могут быть отнесены и торговые дома. Наиболее приемлемым с учетом целей и задач торгового дома представляется его учреждение в форме акционерного общества (открытого или закрытого типа), что предусмотрено также в ПСМ № 601 от 25 декабря 1991 г. Данное постановление устанавливает порядок создания, формирования уставного капитала, структур управления, закрепляет порядок распределения прибыли и т.д. Отметим, что, согласно ПСМ № 601, в обороте могут находиться только именные акции. Представляется, что это может негативно повлиять на развитие деятельности торгового дома, поэтому, видимо, необходимо изменить порядок форми-

рования уставного капитала (фонда), особенно для акционерных обществ открытого типа, то есть посредством выпуска и организации подписки не только на именные акции, но и на акции на предъявителя.

В этой связи следует отметить Положение о выпуске и обращении ценных бумаг и фондовых биржах в РСФСР, утвержденное Постановлением правительства №78 от 28 декабря 1991 г. Действие этого положения распространяется на акции акционерных обществ, облигации, государственные обязательства, производные ценные бумаги (п.3). Однако данное положение носит преимущественно постановочный характер, отсылая решение многих вопросов о создании рынка ценных бумаг на усмотрение государственных органов (пп.5, 9, 10). В частности, в данном положении не решен вопрос о выпуске акций на предъявителя, которые являются важным элементом в создании рынка ценных бумаг в России. Относительно выпуска акций акционерными обществами данное положение отсылает к порядку, предусмотренному пп. 43–48 ПСМ № 601, что явно недостаточно для деятельности таких компаний, как торговые дома.

Особое место в нормативном регулировании деятельности торгового дома, видимо, должны занимать вопросы, связанные с порядком создания и функционирования его контор и филиалов как в пределах государства, так и за рубежом. Сеть филиалов и контор в пределах государства может быть создана на основе действующего законодательства и с учетом положений устава торгового дома. На территории России в соответствии с действующим законодательством можно создавать филиалы, пользующиеся правами юридического лица (дочерние предприятия) (пп.150, 151 ПСМ №601) и не пользующиеся этими правами (п.153 ПСМ №601). Первые из них являются самостоятельными организациями, наделенными правами юридического лица на основании устава торгового дома и связанными с ним договорными отношениями. В этом случае филиал не несет ответственности по долгам торгового дома, а торговый дом – по долгам филиала. Филиал действует на основании положения о филиале и осуществляет хозяйственную деятельность самостоятельно.

Если филиал не является юридическим лицом, то его руководитель представляет его на основе доверенности, выдаваемой председателем исполнительного органа (правления, дирекции) торгового дома, на основании решения исполнительного органа.

Порядок и форма учреждения зарубежных контор и филиалов определяются в соответствии с законодательством страны местонахождения. По-видимому, в качестве зарубежных филиалов и контор торгового дома на начальном этапе могут быть использованы, в частности, уже созданные в иностранных государствах торгово-сбытовые, производственные, сервисные предприятия. В российском законода-

тельстве существует обязательный разрешительный порядок для предприятий, намеревающихся создать производственные предприятия, конторы, филиалы за рубежом, установленный постановлением Совета Министров СССР от 18 мая 1989 г. №412 "О развитии хозяйственной деятельности советских предприятий за рубежом"¹⁵. Многие положения этого нормативного акта явно устарели, и поэтому представляется целесообразным пересмотреть его в плане предоставления большей самостоятельности предприятиям (торговым домам) при принятии решений об инвестировании средств за рубежом.

При учреждении подобных филиалов и совместных предприятий за рубежом и в связи с тем, что Россия заявила о правопреемстве обязательств по международным договорам, ранее заключенным от имени СССР¹⁶, следует принимать во внимание межправительственные соглашения об избежании двойного налогообложения, заключенные бывшим СССР с США, Финляндией, Австрией, Францией и т.д., предусматривающие одноразовое взимание налога (только в стране местопребывания) с дохода юридических лиц, перечисленных в таких соглашениях. Помимо этого СССР заключил соглашения о взаимном содействии и взаимной защите капиталовложений с Болгарией, Венгрией, КНР, Румынией¹⁷, где допускается создание совместных предприятий, а в 1989 году подобные соглашения были подписаны с Великобританией, ФРГ, Францией и другими странами. Важность соглашений о защите инвестиций обусловлена тем, что данные соглашения обеспечивают взаимные необходимые гарантии инвестиционной деятельности торгового дома, а также исключают неоправданные или дискриминационные меры, которые могли бы помешать управлению инвестициями, пользованию ими или их ликвидации. Отношения торгового дома с российскими предприятиями строятся на договорной основе. К договорным отношениям с предприятиями, являющимися российскими юридическими лицами, будут применяться соответствующие нормы ГК РСФСР.

Отношения между торговым домом и иносфирмами осуществляются на основе контрактов о купле-продаже товаров, договоров подряда, лизинговых соглашений, договоров страхования, перевозки и др. В связи с отсутствием в российском законодательстве порядка подписания внешнеторговых сделок следует отметить сохранение действовавшего в СССР порядка подписания внешнеторговых сделок (двумя уполномоченными лицами), установленного еще постановлением Совета Министров СССР №122 от 14 февраля 1978 г.¹⁸ После отмены монополии государства на внешнюю торговлю участниками внешнеэкономической деятельности наряду с государственными внешнеторговыми объединениями стали частные, кооперативные, акционерные предприятия, для которых указанное выше поста-

новление является явным анахронизмом. Поэтому, видимо, вопрос о порядке подписания внешнеторговых сделок следует отнести к внутренним вопросам деятельности предприятия, урегулированным в его уставе.

Взаимоотношения торгового дома и государства основаны на принципе раздельной правосубъектности, выражаемом обычно в формуле "государство не отвечает по долгам торгового дома, а торговый дом не отвечает по долгам государства" (ст. 33, 34 ГК РСФСР). Однако на начальном этапе деятельности государство может способствовать процессу становления торгового дома. Опыт зарубежных стран подсказывает формы предоставления такой помощи, такого содействия. Если торговый дом будет создан на базе ранее действовавшей государственной организации, то возможно предусмотреть в нормативном акте такой вид помощи со стороны государства, как возвращение ранее выплаченных налогов и/или долгов, как это имело место, например, в Венгрии. Во Франции правительство выделило средства для создания коммерческой информационной сети для производителей экспортного товара с целью создания мобильных экспортных фирм. В России помимо названных видов помощи могут иметь место предоставление торговым домам более льготного режима налогообложения, финансирование некоторых крупных операций торгового дома, содействие в сборе коммерческой информации через имеющиеся в зарубежных странах торговые представительства. Со стороны государства также может быть предоставлена гарантия невозможности национализации, конфискации имущества торгового дома.

В заключение хотелось бы подчеркнуть, что правовое обеспечение деятельности универсальных торговых организаций (торговых домов) требует пристального внимания и глубокого изучения. Ясно, однако, одно: необходимо произвести существенные изменения действующего российского законодательства, с тем чтобы в нем нашли отражение вопросы создания и деятельности универсальных торговых компаний (торговых домов), которые могут оказать стабилизирующее воздействие на отношения между производителями, сыграть положительную роль в период становления рыночных отношений в Российской Федерации.

¹ См. Пресняков В.Ю. Экспортная стратегия Франции. — М., 1985.

² Кожин С.В. Анализ опыта создания и деятельности торговых домов в ВНР и предложений по его использованию во внешнеэкономических связях // Труды Всесоюзного научно-исследовательского конъюнктурного института. — 1988.

³ См. Беляков Н. Торговые дома // Внешняя торговля. — 1991. — №10. — С.21.

⁴ Одинцов А.А. Торговые монополии в Японии. — М., 1982; Иошино Мипель У., Лифсон Томас В. Деятельность крупнейших внешнеторговых фирм Японии. — Лондон, 1986.

⁵ См. **Основы внешнеэкономических знаний: словарь-справочник.** — М., 1990.

⁶ СП СССР. — 1989. — №2. — Ст. 7 (на территории России не действует).

⁷ СП СССР. — 1990. — №17. — Ст.92. Данное постановление продолжает действовать на территории Российской Федерации. На его основе государственные органы России выдают разрешение на ведение розничной торговли на иностранную валюту. Однако его действие ограничено во времени в связи с принятием указа Президента РСФСР "О либерализации внешнеэкономической деятельности на территории РСФСР" от 15 ноября 1991 г., согласно пункту 8 которого разрешается розничная торговля за валюту на территории России лишь до 1 июля 1992 г.

⁸ СП СССР. — 1990. — №17. — Ст.92.

⁹ См. **Нарышкина Р.Л.** Гражданское и торговое право капиталистических государств. — М., 1984. — С.108.

¹⁰ См. **Генкин Д.М.** Гражданское право капиталистических государств. — М., 1949. — С.136.

¹¹ См. в Германии — Закон об акционерных обществах (п.179); во Франции — Закон о торговых товариществах (ст.60); в Швейцарии — гражданский кодекс (ст.51).

¹² См. **Нарышкина Р.Л.** Указ. соч. — С.108.

¹³ **Советское гражданское право/Отв. ред. В.А. Рясенцев.** — Т.1. — М., 1986. — С.120.

¹⁴ СН РСФСР. — 1991. — №6. — Ст.92.

¹⁵ СП СССР. — 1989. — №24. — Ст.82.

¹⁶ **Российская газета.** — 1991. — 17 дек.

¹⁷ См. **Богуславский М.М.** О правовом статусе свободных экономических зон//Сов. государство и право. — 1989. — №12. — С.24.

¹⁸ СП СССР. — 1978. — №6. — Ст. 35.

Голоса молодых

ОСОБЕННОСТИ МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВОГО РЕЖИМА ШПИЦБЕРГЕНА

А.М. Орешенков

Далеко за Полярным кругом, там, где заканчивает свой путь Гольфстрим, расположен Шпицберген. Этот северный архипелаг был открыт в 1596 году голландским мореплавателем Виллемом Баренцем во время экспедиции, предпринятой с целью обнаружения морского пути из Европы в Китай. В течение последующих столетий Шпицберген оставался никому не принадлежащей землей, несмотря на предпринятые Великобританией и Датско-Норвежским королевством попытки добиться признания своего суверенитета над этими островами.

В 1871–1872 годах Шпицбергену в результате обмена нотами между рядом европейских государств был придан статус "ничейной земли". С этого времени архипелаг превратился в юридический феномен, каковым он, по сути дела, и является по настоящий день. В 1910, 1912 и 1914 годах в г. Христианиа (Осло) состоялись международные конференции, на которых обсуждался вопрос об установлении на Шпицбергене condominiuma трех стран – Норвегии, России и Швеции. Начавшаяся первая мировая война воспрепятствовала урегулированию вопроса о статусе архипелага.

Существующий в настоящее время режим Шпицбергена был определен на основании многостороннего международного договора, подписанного на Парижской мирной конференции в 1920 году. Парижский договор установил суверенитет Норвегии над архипелагом.

Режим архипелага имеет ряд недостаточно изученных особенностей. К их числу относятся, в частности, вопрос соотношения норм международного права и внутригосударственного права Норвегии. Ответ на этот вопрос позволяет решить проблему, имеющую прикладной характер и вот уже 30 лет стоящую перед учеными и практическими работниками. Суть проблемы заключается в том, имеет ли норвежское государство в соответствии с положениями договора о Шпицбергене право распоряжаться землями архипелага. Выяснению этого вопроса и посвящается данная статья.

В договоре о Шпицбергене речь идет главным образом об островах, островках и скалах, расположенных в пределах 10° и 35° в.д. по Гринвичу и 74° и 81° с.ш. Задолго до подписания договора частные лица и компании заняли здесь целый ряд земельных участков в соответствии с нормами международно-правового обычая, установившегося на архипелаге. Юридические и физические лица приобретали права на земельные участки прежде всего с целью ведения горнорудного промысла, а также для охраны окружающей среды, строительства жиротопен, организации туризма, охоты и т.д.

Юридические и физические лица, занявшие земельные участки с целью ведения какого-либо одного промысла, могли заниматься любым другим видом хозяйственно-экономической деятельности на поверхности и в недрах своих участков. Так, например, приобретение земельного участка с целью добычи угля влекло за собой строительство причала и сбыт добываемого угля.

Положениями Парижского договора признавались права юридических и физических лиц на земельные участки, приобретенные до его подписания. Но в договоре эти права не конкретизировались. Спорный и неурегулированный вопрос о приобретенных правах объяснялся тем, что до вступления договора в силу на архипелаге отсутствовали условия, необходимые для документального оформления прав на земельные участки. Это, в свою очередь, следовало из того, что статус Шпицбергена определялся как "ничейная земля".

В соответствии с этим статусом ни одно государство не имело права провозглашать суверенитет над Шпицбергом на основании эффективной оккупации части земель архипелага своими гражданами или подданными. Это, в свою очередь, обусловило отсутствие на архипелаге какого-либо законодательства и органов власти, которые могли бы выступить гарантами приобретенных прав и документально оформить их. В силу этих причин вопрос о том, что представляли собой приобретенные права, был спорным и требовал политико-правового решения в случае установления в какой-либо форме суверенитета над архипелагом.

В статье 6 договора о Шпицбергене говорится: "При условии соблюдения постановлений настоящей статьи права, приобретенные гражданами — подданными высоких договаривающихся сторон, будут признаны действительными.

Претензии, касающиеся прав, возникающих в результате вступления во владение земельными участками или занятия их до подписания настоящего договора, будут урегулированы согласно постановлениям приложения к настоящему договору, которое будет иметь те же силу и действие, что и настоящий договор".

Приобретенные частными лицами и компаниями права, о которых говорится в статье 6 договора, можно подразделить на две составные части. Во-первых, это права на земельные участки и их недра и, во-вторых, право заниматься любым видом хозяйственно-экономической деятельности на своих земельных участках. На практике эти права были неотделимы друг от друга. До подписания договора они приобретались в соответствии с нормами международного обычного права. Основой всего комплекса приобретенных прав являлось присвоение земельных участков. Занятие земельных участков в соответствии с нормами международного обычного права давало право выдвигать претензии на обращение их в собственность.

Как указывалось в приложении к договору, правительства тех стран, чьи граждане или подданные располагали правами на земельные участки на Шпицбергене, в трехмесячный срок после вступления договора в силу должны были представить международному чиновнику (комиссару) сообщения о претензиях своих граждан или подданных. Комиссар или, в случае выраженного должным образом несогласия юридических и физических лиц с его решениями, международный третейский суд должны были рассмотреть эти претензии, признать их обоснованными или отклонить как необоснованные, а также урегулировать взаимные претензии юридических и физических лиц друг к другу. В завершение установленной в приложении к договору процедуры норвежское государство должно было выдать документы об исключительном праве собственности на земельные участки тем частным лицам и компаниям, претензии которых признавались обоснованными.

Тем самым по договору 1920 года политико-правовое решение вопроса о приобретенных правах заключалось прежде всего в установлении права собственности на земельные участки тех юридических и физических лиц, которые занимали эти участки до подписания договора. Кроме того, следует отметить, что приобретенные до подписания договора права включали возможность осуществления любой хозяйственно-экономической деятельности на занятых земельных участках, поэтому право собственности на участки давало юридическим и физическим лицам возможность в их пределах заниматься "всякими морскими, промышленными, горными и торговыми операциями" (ст. 3 договора), а также любым другим видом хозяйственно-экономической деятельности при условии соблюдения местных законов и постановлений.

Указанную в приложении к договору процедуру нельзя рассматривать как тяжбу между гражданами – подданными стран – участниц договора и норвежским государством, поскольку в соответствии с постановлениями приложения к договору в процессе признания

прав на земельные участки Норвегия фактически не участвует. Решение о признании прав на земельные участки является прерогативой международного чиновника (комиссара) или международного третейского суда. Причем они признавали только обоснованность претензий на земельные участки, но не право собственности на них частных лиц и компаний.

Соответствующее решение служило основанием для выдачи частным лицам и компаниям документов об исключительном праве собственности на земельные участки. Выдавало эти документы норвежское государство. Выдача надлежащих документов, по сути дела, являлась признанием права собственности частных лиц и компаний на земельные участки со стороны норвежского государства. Но это было признание без права выбора, в силу обязательств по договору.

В приложении к договору регламентируются условия деятельности и оплаты труда комиссара, но нет указаний на то, какими нормами должен руководствоваться комиссар, признавая права на земельные участки. Об этом говорится в третьем абзаце статьи 2 договора, где определен круг правовых норм, используемых как основание для решения этого вопроса. В части, касающейся прав лиц, занимающих земельные участки, таким основанием являются положения статей 6 и 7 договора. Что касается международного третейского суда, то он помимо статей 6 и 7 должен руководствоваться применимыми для данного случая нормами международного права, общими принципами законности и справедливости, а также обстоятельствами, связанными с занятием земельных участков и их хозяйственным использованием (п. 9 § 2 приложения к договору).

По договору о Шпицбергене признание представляло собой заключительный этап и неотъемлемую часть всего процесса приобретения права собственности на земельные участки. При этом весь процесс включал занятие земельных участков, признание прав на них, выдачу надлежащих документов об исключительном праве собственности на участки и установление права собственности на земельные участки в соответствии с условиями договора.

Частные лица и компании приобретали право собственности на земельные участки, соблюдая нормы приложения к договору. Признание прав на земельные участки представляло собой акт применения норм международного права международным чиновником или международным третейским судом. Без него юридические и физические лица по условиям договора не могли приобрести право собственности на земельные участки (§ 3 приложения к договору). Выдача норвежским правительством надлежащих документов об исключительном праве собственности на земельные участки пред-

ставляла собой, с одной стороны, политико-правовое решение вопроса о приобретенных правах, а с другой – исполнение норм международного права по документальному оформлению права собственности частных лиц и компаний на земельные участки.

Признание международным чиновником или международным третейским судом на основании и в соответствии с положениями международного договора прав, приобретенных согласно международному обычаю после установления суверенитета Норвегии над Шпицбергенем, представляет собой акт применения норм международного права без трансформации во внутреннее законодательство Норвегии. Деятельность международных органов, применяющих нормы международного права для регулирования внутригосударственных отношений при суверенитете Норвегии над Шпицбергенем, несомненно, представляет собой одну из важнейших особенностей статуса архипелага.

В связи с вышеизложенным представляет интерес вопрос соотношения приложения к договору и всех десяти статей договора, особенно приложения и статьи 7. Приложение, как и сам договор, вступило в силу 14 августа 1925 г. и является приложением ко всему договору, а не только к тем статьям, в которых содержатся на него ссылки. Его положения равным образом относятся ко всем статьям договора и являются их составной частью в том объеме, в котором возможно их применение в рамках этих статей. Поскольку применение норм международного права без трансформации во внутреннее законодательство в рамках режима, который Норвегия должна установить на Шпицбергене, является одним из условий договора, то это положение применимо также ко всем статьям договора, включая статью 7.

В статье 7 договора говорится: "Норвегия обязуется в местностях, указанных в статье 1, предоставить всем гражданам – подданным высоких договаривающихся сторон в отношении способов приобретения, пользования и осуществления права собственности, включая права на горнорудный промысел, режим, основанный на полном равенстве и согласный с постановлениями настоящего договора.

Принудительное отчуждение может иметь место лишь в целях общественной пользы и за уплату справедливого возмещения".

Поскольку по договору признание прав на земельные участки и выдача надлежащих документов о праве собственности на них являются составной частью процедуры приобретения права собственности на земельные участки, то можно сделать вывод о том, что частные лица и компании стран – участниц договора, комиссар и третейский суд, а также норвежское государство, выполняя постановления приложения к договору, осуществляли свои права и обя-

занности в рамках не только статьи 6, но и статьи 7. Соблюдая положения договора, определяющие порядок признания приобретенных прав, юридические и физические лица тем самым приобретали право собственности на земельные участки на условиях статьи 7 договора.

Составной частью приобретаемого права собственности на земельные участки было право на горнорудный промысел. В свою очередь, право на горнорудный промысел можно подразделить на право заниматься горнорудным промыслом и право на полезные ископаемые, расположенные в пределах земельных участков. Формулировка первого абзаца статьи 7 позволяет сделать вывод также о том, что право на горнорудный промысел как составная часть права собственности на земельные участки приобретается в соответствии с нормами международного права, осуществляемыми без трансформации во внутреннее законодательство.

Частные лица и компании, занимавшие земельные участки до подписания договора, составляют лишь часть юридических и физических лиц, указанных в статье 7. На основании положений договора, определившего условия приобретения права собственности на земельные участки для одной группы юридических и физических лиц, Норвегия обязана предоставить всем остальным юридическим и физическим лицам стран – участниц договора аналогичные условия приобретения права собственности на новые земельные участки в рамках режима, определенного статьей 7 договора. Все остальные юридические и физические лица должны были получить возможность приобретать такие же права на таких же условиях в соответствии с производным от договора международно-правовым документом. Статья 8 обязывала Норвегию разработать такой документ – Горный устав для Шпицбергена. Выбор именно этого акта объясняется тем, что горнорудный промысел занимал центральное место в хозяйственном освоении архипелага.

Поскольку принципы, указанные в статье 7, в первую очередь должны осуществляться в рамках Горного устава для Шпицбергена, представляется маловероятным, что этот документ должен регулировать вопросы приобретения права собственности на земельные участки в соответствии с нормами международного права, в то время как вопросы пользования этим правом и его осуществление будут определяться нормами внутреннего законодательства. Последовательное осуществление принципов, зафиксированных в статье 7, означало, что не только приобретение права собственности на земельные участки, но и пользование этим правом и его осуществление, включая права на горнорудный промысел, должны регулироваться нормами международного права, реализуемыми без трансформации во внутреннее законодательство Норвегии.

Если в приложении к договору определены условия приобретения права собственности на земельные участки только для лиц, занимавших земельные участки до подписания договора, то Горный устав должен был установить нормы приобретения права собственности на земельные участки на оставшейся незанятой большей части земель архипелага. Кроме того, в Горном уставе должны были содержаться нормы пользования правом собственности на земельные участки и нормы, касающиеся его осуществления, а также порядок выдачи документов об исключительном праве собственности на земельные участки на всей территории архипелага Шпицберген для всех граждан и подданных стран – участниц договора.

Важным моментом, связанным с Горным уставом, является вопрос о его правовой природе: представляет он собой международно-правовой документ или акт внутреннего законодательства. С принципиальной точки зрения этот вопрос был рассмотрен выше. Имеется также ряд аргументов формального порядка, подтверждающих то, что Горный устав является актом международного права.

Самой важной особенностью правового режима Шпицбергена по договору является то, что в него предусматривалось "встроить" правовой механизм, регулирующий вопросы приобретения, пользования и осуществления права собственности на земельные участки в соответствии с нормами международного права, осуществляемыми без трансформации во внутреннее норвежское законодательство. Этот механизм не позволил Норвегии установить такой режим территории Шпицбергена, который она, как суверенное государство, располагающее "полным и абсолютным суверенитетом над архипелагом" (ст. 1 договора), могла бы установить в соответствии с общепринятыми нормами права. Определенные постановления договора ограничивали суверенитет норвежского государства над Шпицбергеном в части, касающейся права распоряжаться участками сухопутной территории архипелага.

Соответствующие положения договора предусматривали, что любое физическое или юридическое лицо, включая норвежское государство, если оно выступало в этом качестве, должно было приобретать право собственности на земельные участки для занятия хозяйственно-экономической деятельностью в соответствии с нормами международного права. Это условие в сочетании с принципами равного подхода и запрета на установление монополии, привилегий и льгот не предоставляло норвежскому государству как юридическому лицу права собственности на оставшуюся незанятой большую часть земель архипелага Шпицберген в соответствии с нормами международного права и не создавало базу для приобретения им тех же прав в соответствии с нормами внутреннего законодательства. Основой для реализации суверенных прав Норвегии на архипелаге должен был стать Горный устав для Шпицбергена.

Трибуна преподавателя и студента

Эффективность международного права как отрасли права, его теоретические достижения как науки во многом зависят от состояния международного права как учебной дисциплины: от того, как оно преподается и как усваивается слушателями. До недавнего времени из-за необходимости следовать в преподавании одной централизованно утвержденной программе этому вопросу в литературе не уделялось достаточного внимания. В настоящее время с расширением автономии высших учебных заведений, в том числе и в формировании учебных курсов, возрос интерес к тому, как преподается международное право в вузах России и других государств. Конечно, этот интерес опирается и на резко возросшую в последние годы роль международного права как универсальной основы международного правопорядка.

С учетом этого редакция решила открыть новую рубрику, в которой российские и иностранные преподаватели и студенты могли бы делиться своим опытом преподавания и изучения международного права.

Рубрику открывает Томас Тешнер (Германия). Ему довелось изучать международное право в МГИМО и университете г. Пуатье (Франция).

Редакция надеется, что дискуссия, начатая публикуемыми заметками Т. Тешнера, будет продолжена другими юристами-международниками.

ПРЕПОДАВАНИЕ МЕЖДУНАРОДНОГО ПУБЛИЧНОГО ПРАВА В УНИВЕРСИТЕТЕ г. ПУАТЬЕ (ФРАНЦИЯ)

Томас Тешнер*

После изучения мною в течение полутора лет международного права в Москве на факультете МП МГИМО мне интересно

* Т. Тешнер (ФРГ) – студент V курса факультета международного права МГИМО.

было прослушать курс международного права на факультете права и социальных наук университета г. Пуатье (Франция).

Пуатье (103 тыс. жителей) является административным центром департамента Вьенна и главным городом исторической области Пуату. Вся жизнь здесь связана с университетом, основанным в XV веке. Видный ученый Рене Декарт – выпускник этого университета, который в наши дни считается четвертым по значимости во Франции. В нем обучается и много иностранных студентов по различным программам ("Erasmus", правительственные стипендии, обмен между университетами).

Несколько слов о том, как построена система обучения в университетах Франции.

Весь учебный процесс делится там на три цикла. Первые два года (начальный цикл) существует одна программа для всех студентов правового факультета. Цикл заканчивается с дипломом DEUG (Diplôme d'Etudes Universitaires Générales). Наличие диплома DEUG дает возможность продолжить учебу во втором цикле, который также длится два года.

Во втором цикле идет специализация студентов по двум отраслям права – публичному и частному. В первом году цикла разница лишь в нескольких предметах. Так, например, "частники" изучают МП только в течение первого семестра, чтобы знать основные положения этого предмета. Диплом после первого года – общий для всех, с присуждением ученой степени лицензиата юридических наук (Licence en Droit).

С этим дипломом студенты могут записаться на второй год второго цикла на публично-правовое или частноправовое отделение, то есть существуют как бы два четвертых курса – с отдельными расписаниями и программами обучения. Этот год заканчивается, соответственно, со званием либо *Maîtrise en droit public* (степень магистра публичного права), либо *Maîtrise en droit privé* (степень магистра частного права).

Студенты, получившие звание магистра и желающие продолжать учебу, могут пройти двухгодичный третий цикл с целью будущей научной работы и защиты диссертации либо в течение одного года пройти так называемую углубленную учебу, то есть занятия по специальности, и написать и защитить дипломную работу. Им выдается диплом D.E.A. (Diplôme d'Etudes Approfondies).

Предмет "Международное публичное право" (МП) входит в программу первого года второго цикла (Licence en droit), что соответствует третьему курсу по советской системе образования.

В течение всего учебного года читаются лекции и проводятся семинарские занятия.

Студенты, специализирующиеся по частному праву, посещают лекции только в первом семестре и в семинарских занятиях не участвуют. В конце семестра, то есть в феврале, они сдают устный экзамен. Студенты же публичного отделения слушают годичный курс лекций и обязаны участвовать в семинарских занятиях. В конце первого семестра они сдают письменный экзамен, а в конце второго – устный или письменный.

ЛЕКЦИИ

Основной материал по предмету дается на лекциях. Чтобы студенты отделения частного права, которые только в течение одного семестра изучают МП, усвоили как можно больше материала, лекции читаются в первой половине учебного года четыре часа (полных) в неделю, то есть примерно 60 часов в семестр. Именно в первом семестре дается основной материал по предмету, включающий:

- предмет МП;
- субъекты МП;
- историю МП;
- современное МП;
- доктрину МП;
- взаимоотношение МП и внутригосударственного права;
- источники МП (договор, обычай, другие источники);
- ответственность в МП.

Во втором семестре рассматриваются уже отдельные области и институты международного права:

- морское право;
- правовой режим Арктики и Антарктики;
- воздушное право;
- космическое право;
- принципы МП;
- дипломатическое и консульское право;
- конфликтные отношения между государствами;
- мирное разрешение споров.

Лекции читаются два часа в неделю, то есть примерно 30 часов во втором семестре.

Следует отметить, что все студенты получают на лекциях тексты следующих документов:

- в первом семестре: – план лекций ведущего профессора и Венскую конвенцию о праве международных договоров 1969 года;
- во втором семестре: – карту территориальных претензий различных государств на Антарктиду;

- схему, разъясняющую различные положения и термины морского права;
- извлечения из Конвенции ООН по морскому праву 1982 года;
- план, где перечислены нормы Конвенции ООН по морскому праву 1982 года, являющиеся обычными нормами.

С точки зрения методики интересно отметить следующее. Большинство профессоров читают свои лекции по строго определенному плану, стараясь при этом давать как можно больше информации, так что в конце курса студент, тщательно записавший все лекции, имеет своеобразный учебник по предмету. Связано это прежде всего с тем, что студенты не получают, как, например, в МГИМО, учебники из библиотеки на семестр или на год. Они должны их приобрести за свой счет, что обходится крайне дорого. Результат – очень высокая посещаемость лекций.

Последние пять минут каждой лекции отводятся вопросам студентов о том, что осталось неясным из сказанного на этой или предыдущей лекции. Нужно сказать, что студенты охотно пользуются этой возможностью, так как после занятий обычно не хватает времени для того, чтобы выяснить, что-либо для себя, из-за высокой загруженности профессоров, которые наряду с лекционной деятельностью должны решать множество административных вопросов. Кроме того, многие из них занимаются и иной профессиональной деятельностью, например работают адвокатами и т.д.

Следует отметить различия, существующие в подходах преподавания в МГИМО и в Пуатье.

В последнем большое внимание уделяется тесной связи теории международного права с практикой, с прецедентами. Каждый отдельный вопрос изучается в развитии, то есть рассматриваются историческое развитие проблемы, различные точки зрения юристов и подходы с позиций правовых систем, а также решения Международного Суда ООН по этому поводу. Решения Международного Суда по конкретному делу могут приводиться в различных разделах курса. Так, например, постановление Международного Суда ООН 1955 года по делу Ноттебома цитируется в таких разделах, как гражданство, доктрина МП (волюнтаризм – объективизм), компетенция государства, дипломатическое право.

В части, относящейся к Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, особое внимание уделяется вопросу об оговорках, об истории признания правомерности оговорок вплоть до постановления Международного Суда ООН от 28 мая 1951 г. и следующей за этим резолюции Генеральной Ассамблеи ООН 1952 года.

В лекционном курсе подчеркивается тесная связь МП с конституционным (государственным) и административным правом, что особенно ярко выявляется в разделе "Взаимоотношения между МП и внутригосударственным правом". Проводится очень скрупулезный сравнительный анализ правовых систем Великобритании, ФРГ, Италии, стран Бенилюкса и США на основе конституций этих стран, с тем чтобы решить вопрос о месте международных договоров, обычаев, общих принципов права и права ЕС в соотношении с внутригосударственным правом.

Много внимания посвящается вопросу взаимоотношения МП, права ЕС и внутригосударственного права Франции. Рассматривается развитие права Франции начиная с 1945 года и по сегодняшний день, с учетом положений конституции IV республики 1946 года, конституции V республики 1958 года, решений Конституционного совета, Кассационного суда и Государственного совета. На основе анализа положений конституций и позиций названных органов в делах, имеющих отношение к МП и праву ЕС, прослеживается тенденция признания верховенства норм МП по отношению к внутригосударственным правовым нормам.

Что касается таких тем, как международные конференции и международные организации, вопросы безопасности и разоружения, то более детально их рассматривают в курсах "Право Европейских сообществ" и "Международные отношения".

В конце каждого семестра профессор читает обзорную лекцию, содержащую итоговые положения по всему курсу, и обращает внимание студентов на те материалы, которые необходимо изучить при подготовке к экзамену.

СЕМИНАРСКИЕ ЗАНЯТИЯ

Семинарские занятия, так называемые T.D. (Travaux dirigés), проводятся в течение всего учебного года один раз в неделю (два часа). Их посещение является обязательным для студентов, специализирующихся в области публичного права.

В группе, в которой я занимался, семинары вел ассистент профессора. Ассистент ведет учет работы студентов на T.D. Для этого он заводит специальную картотеку персональных листов студента, где указываются его имя, фамилия, курс, год обучения; имеется фотография. В персональном листе после каждого семинара отмечают:

- присутствие студента;
- его участие в дискуссии;
- его доклады.

В конце года из этих данных складывается отдельная оценка по 20-балльной системе. Эта отметка вместе с оценками, получен-

ными на экзаменах, формирует конечную оценку по предмету.

За неделю до семинара каждый студент получает печатный лист, где указываются тема Т.Д., список необходимой литературы, извлечения из важных документов (конвенций, договоров, судебных решений и т.д.), относящихся к теме, и тема доклада. Если занятие посвящается практическому вопросу, то дается казус и вопрос к нему.

Каждый студент должен в течение учебного года подготовить доклад на определенную тему или участвовать в решении казуса. На каждом Т.Д. либо выступает группа студентов с докладом по теоретическому вопросу, либо две группы оппонируют друг другу, разбирая казус. При этом каждая из них отстаивает свою точку зрения и старается аргументированно убедить аудиторию в правоте своих выводов. Все присутствующие должны участвовать в этом споре, задавать сторонам вопросы и в конце определить, кто прав. Потом ассистент дает оценку всему сказанному докладчиками и аудиторией в ходе дискуссии, разъясняет то, что не было ими учтено, и отправляет к решениям Международного Суда ООН по этому вопросу.

Живая дискуссия и активное участие студентов помогают лучше освоить такой объемный предмет, каким является международное право.

ЭКЗАМЕНЫ

Студенты, специализирующиеся в области публичного права, сдают письменный экзамен в конце первого семестра.

Студент получает печатный лист, где приводятся ситуация, включающая несколько казусов, и вопросы теории по материалу, изученному в первом семестре. Студент имеет право пользоваться текстами Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года, Устава ООН и Статута Международного Суда ООН. В течение трех часов он должен показать, насколько он усвоил материал, данный в лекционном курсе и рассмотренный на семинарах, и самостоятельно решить казусы. Он должен при этом указать все возможные варианты и аргументированно, ссылаясь в том числе на доктрину, отдать предпочтение тому или иному решению.

Второй экзамен в конце учебного года проводится также в письменной либо устной форме. Студент вправе дополнительно пользоваться текстом Конвенции ООН по морскому праву 1982 года.

Система преподавания международного права в университете г. Пуатье представляется мне очень удачной, поскольку дает будущим юристам за один год все необходимые знания и навыки, позволяющие успешно разбираться в проблемах этой сферы права.

Кто есть кто в нашей науке

ВАСИЛЬЕВ ЕВГЕНИЙ АЛЕКСАНДРОВИЧ

Родился в 1944 году в Ленинграде. В 1972 году закончил международно-правовой факультет (отделение торгового права) Московского государственного института международных отношений. После этого обучался в аспирантуре МГИМО на кафедре международного частного и гражданского права. В 1975 году защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата юридических наук по теме "Исполнение денежных обязательств в условиях обесценивания валюты". В настоящее время – доцент кафедры международного частного и гражданского права МГИМО МИД РФ.

Е.А. Васильев имеет ряд публикаций по вопросам международного частного и сравнительного права. Он автор монографии "Валютно-финансовый кризис и международное право" (М., 1982), учебных пособий "Правовое регулирование несостоятельности и банкротств в буржуазном праве" (М., 1983) и "Правовое регулирование конкурсного производства в капиталистических странах" (М., 1989), соавтор двухтомного учебника "Гражданское и торговое право капиталистических государств" (М., 1983–1984). Е.А. Васильев опубликовал также ряд статей по вопросам судебной и арбитражной практики.

В 1991 году он избран в состав редакционной коллегии "Московского журнала международного права". Е.А. Васильев является

арбитром Арбитражного суда при Торгово-промышленной палате РФ, членом правления Ассоциации юристов-демократов.

На вопрос редакции о личных творческих планах Е.А. Васильев ответил, что в настоящее время работает над докторской диссертацией по проблемам правового регулирования несостоятельности и банкротств.

ГАНЮШКИН БОРИС ВЛАДИМИРОВИЧ

Родился в 1927 году в г. Иваново. Окончил МГИМО МИД СССР и там же в 1958 году защитил кандидатскую диссертацию по кафедре международного права на тему "Современный нейтралитет". В 1978 году защитил докторскую диссертацию по проблемам правового положения международных организаций и участвующих в их деятельности лиц. Ученое звание профессора присвоено в 1981 году.

Работал в Советском комитете защиты мира, по линии которого был направлен в Международный институт мира в г. Вена (Австрия). В различных вузах Москвы занимался научно-педагогической деятельностью, начиная с МГИМО, где преподавал международное право еще в период обучения в аспирантуре, и кончая Дипломатической академией МИД Российской Федерации, в которой в 1991–1992 годах работал в научно-исследовательском отделе.

В настоящее время – профессор кафедры правовых наук Академии пограничных войск.

Б.В. Ганюшкин является автором более 50 научных работ общим объемом свыше 150 печатных листов, в том числе монографий "Современный нейтралитет" (М., 1958; переведена в Токио на японский язык); "Нейтралитет и неприсоединение" (М., 1965), "Дипломатическое право международных организаций" (М., 1972). Автор глав

в трех учебниках международного права и "Курсе международного права" (в шести томах).

Специализируется в области политики нейтралитета и неприкосновенности, правового положения международных организаций, их персонала, представителей государств при таких организациях и делегатов государств в их органах, проблем гуманитарного сотрудничества и прав человека, правового положения граждан России за границей, дипломатического и консульского права.

Опубликовал по этой проблематике ряд статей, в том числе по вопросам консульского права, охраны окружающей среды, защиты прав человека.

Б.В. Ганюшкин участвовал в деятельности конгрессов и конференций сторонников мира, заседаниях Президиума Всемирного Совета Мира в Вене, Стокгольме, Дели и т.д. В 1960 году принимал участие в Софийском конгрессе МАЮД. В 1991 году активно участвовал в ряде параллельных мероприятий в ходе Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ. Является членом Ассоциации международного права.

Награжден орденом Трудового Красного Знамени и 12 медалями, в том числе "Серебряной медалью мира", присужденной Всемирным Советом Мира в 1960 году.

На вопрос редакции о том, какие задачи современного международного права он считает важнейшими, Б.В. Ганюшкин ответил: "Сейчас очень важно обеспечить положение России на международной арене как государства-продолжателя бывшего СССР, решить вопросы правопреемства, повысить роль России в прогрессивном развитии международного права".

ЛЯХОВ ЕВГЕНИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ

Член редакционной коллегии "Московского журнала международного права".

Родился в 1942 году в г. Ростове-на-Дону. В 1966 году закончил юридический факультет Ростовского государственного университета. В 1970 году защитил кандидатскую диссертацию на тему "Организация американских государств (договорно-правовые основы)". Вслед за тем в течение десяти лет преподавал в Высшей следственной школе МВД СССР в Волгограде. После защиты диссертации на соискание ученой степени доктора юридических наук по теме "Международный терроризм и правовые проблемы сотрудничества государств в борьбе с ним" (1988 г.) – профессор Высшей юридической заочной школы МВД РФ (Москва).

Основные направления научной деятельности Е.Г. Ляхова – проблемы сотрудничества государств в сфере борьбы с международным терроризмом и вопросы создания и функционирования правового государства (с акцентом на деятельность правоохранительных органов).

Результаты исследований первой, основной для автора темы нашли отражение в его научных и учебно-методических публикациях. Основные работы Е.Г. Ляхова – монографии "Проблемы сотрудничества государств в борьбе с международным терроризмом" (М., 1979), "Политика терроризма – политика насилия и агрессии" (М., 1987), "Терроризм и межгосударственные отношения" (М., 1991), ряд статей по этой проблематике, монография, опубликованная в соавторстве с С.В. Бородиным, "Международное сотрудничество в борьбе с уголовной преступностью (Проблемы деятельности ООН по предупреждению преступности и обращению с правонарушителями)" (М., 1983).

Профессор Е.Г. Ляхов – член специализированных советов по присуждению ученой степени доктора юридических наук при Дипломатической академии МИД РФ и МГУ.

Е.Г. Ляхов является членом Российско-американо-западноевропейского общества по борьбе с международным терроризмом, членом Ассоциации международного права (с 1967 г.), возглавляет бюро общества "Знание" ВЮЗШ. Принимал участие в работе нескольких международных конференций и совещаний по борьбе с терроризмом и преступностью.

На вопрос редакции о личных творческих планах Е.Г. Ляхов ответил, что занимается исследованием теоретических аспектов существующих правовых взаимосвязей личности – общества – государства – международного сообщества как одной из основ национальной международной безопасности и разработкой методов исследования воздействия международного терроризма и других преступлений, преступности в целом на межгосударственные отношения.

СОБАКИН ВАДИМ КОНСТАНТИНОВИЧ

Родился в 1927 году в г. Егорьевске Московской области. В 1944 году поступил в Московский государственный институт международных отношений, где провел более двадцати лет в качестве студента, аспиранта, преподавателя, профессора, декана факультета. С 1965 по 1971 год – постоянный представитель СССР при ЮНЕСКО, в ранге чрезвычайного и полномочного Посланника первого класса, а затем до 1990 года – консультант международного отдела ЦК КПСС. В 1990 г. был избран членом Комитета конституционного надзора СССР, прекратившего свое существование в 1991 году. В настоящее время – начальник отдела международного права Конституционного суда России.

Начиная с дипломной работы в МГИМО ("Мирные договоры двух мировых войн") научная специализация В.К. Собакина ориентировалась на правовые аспекты международной безопасности. Этому были посвящены и его кандидатская ("Правовой режим послевоенной оккупации Германии") и докторская ("Коллективная безопасность") диссертации. Последняя была издана книгой. Ряд опубликованных, в том числе за рубежом, В.К. Собакиным книг и статей посвящен вопросам европейской безопасности и международно-правовым вопросам общеевропейского процесса. Завершающим этапом на этом направлении стала монография "Равная безопасность". Итогом работы В.К. Собакина в ЮНЕСКО стала изданная на английском и французском языках книга "ЮНЕСКО: проблемы и перспективы". В 1977 году руководил группой экспертов, разрабатывавших проект Конституции СССР. Был соавтором политико-правового комментария к ней, опубликованного в 1982 году. Работая в Комитете конституционного надзора СССР и Конституционном суде России, В.К. Собакин занимается проблемами применения норм международного права, прежде всего по вопросам прав и свобод человека, в законодательстве и правоприменительной практике внутри страны.

В течение ряда лет В.К. Собакин избирался членом Исполкома Советской ассоциации международного права и главным редактором "Советского ежегодника международного права". Был также членом редколлегии журнала "Советское государство и право". В качестве вице-президента Ассоциации советских юристов активно участвовал в развитии ее международных связей, прежде всего с Ассоциацией американских юристов.

На вопрос редакции о том, каковы перспективы международного права в России, В.К. Собакин ответил, что они и вдохновляют, и разочаровывают. Вдохновляют, так как в политической жизни чуть ли не все и чуть ли не по каждому поводу ссылаются на международное право, его нормы, что говорит о его высоком авторитете в общественном мнении. А разочаровывает то, что очень часто те же заявления свидетельствуют о крайне недостаточном знании реального содержания международно-правовых норм, в том числе и государственными деятелями.

ХЛЕСТОВ ОЛЕГ НИКОЛАЕВИЧ

Родился в 1923 году в Москве. Окончил Московский юридический институт в 1945 году, Высшую дипломатическую школу МИД СССР в 1947 году (заочно). Защитил кандидатскую диссертацию по проблемам гуманитарного права в 1958 году. Ему присвоены в 1972 году – звание профессора, в 1973 году – ранг Чрезвычайного и Полномочного Посла.

С 1945 года О.Н. Хлестов работал в МИД РСФСР и СССР, в Посольстве СССР в Болгарии, представителем СССР при международных организациях в Вене. 30 лет проработал в Договорно-правовом отделе МИД СССР, пройдя все ступени – от атташе до заведующего

отделом (14 лет) и члена Коллегии МИД СССР (6 лет). Был членом Коллегии ГУГК при Совете Министров СССР, заместителем председателя и членом межведомственных комиссий по международно-правовым проблемам космоса и морского права. С 1988 года – профессор кафедры международного права Дипломатической академии.

Работая в системе МИД СССР, О.Н. Хлестов занимался разработкой международно-правовых аспектов мероприятий, проводимых советской дипломатией. Выступал за повышение роли международного права, разработку его принципов и норм, за развитие связей с научными учреждениями и более активное участие юристов-международников в практической деятельности. О.Н. Хлестов – автор более 50 публикаций, в которых обобщалась международная практика и анализировались тенденции развития международного права, в том числе права договоров: "Право международных договоров" (1969), "Новое в развитии договорного права" (1970); морского права: "Международно-правовые проблемы Мирового океана" (1973); гуманитарного права: "Красный Крест и международное гуманитарное право" (1974, в соавторстве); проблемы разоружения: "Взаимное сокращение вооруженных сил в Европе" (1974, на англ. яз); деятельности международных организаций: "Развивающиеся страны и ЮНИДО – некоторые международно-правовые проблемы индустриализации" (1990, на англ. яз). Редактор и соавтор "Курса международного права" (1972), "Дипломатического словаря" (1971), книги "Международно-правовые формы сотрудничества государств в Европе" (1977).

О.Н. Хлестов участвовал в двусторонних переговорах по заключению наиболее важных договоров с Болгарией, Венгрией, ГДР, ФРГ, Польшей, Чехословакией, Румынией, Монголией, Египтом, Ираком, Индией. Возглавлял делегации на Венских конференциях по кодификации права международных договоров (1968–1969 гг.) и консульского права (1963 г.), при разработке советско-американской консульской конвенции 1964 года, послужившей образцом для заключения таких конвенций с другими странами, при заключении с Финляндией соглашения о разграничении континентального шельфа в Финском заливе и северо-восточной части Балтийского моря, явившихся для нашей страны первыми соглашениями такого рода. Участвовал в ряде сессий Генеральной Ассамблеи ООН, Генеральных конференциях МАГАТЭ, ЮНИДО, в работе их органов, в конференциях по разоружению и нераспространению ядерного оружия, в разработке Договора о принципах деятельности государств в космосе, Декларации ООН о дружественных отношениях между государствами.

Участвовал в подготовке ряда внутригосударственных актов, в частности Положения о привилегиях и иммунитетах дипломатических и консульских представительств иностранных государств на территории СССР (1966 г.), Закона о порядке заключения, исполнения и денонсации международных договоров СССР (1978 г.). В последние годы – участник ряда научных конференций и симпозиумов по правам человека, разоружению и другим вопросам международного права, проходившим в Москве, Киеве, Минске, Вашингтоне, Нью-Йорке, Париже, Копенгагене, Праге, Брюсселе.

Практическую работу сочетал с научно-преподавательской: преподавал в МГИМО, Дипломатической академии, читал лекции в других учебных заведениях страны и за рубежом. Был членом ученых советов в Институте государства и права АН СССР, МГИМО МИД СССР, Дипломатической академии, членом редколлегий журнала "Советское государство и право", "Советского ежегодника международного права".

О.Н. Хлестов – вице-президент советской Ассоциации содействия ООН, член Исполкома Российской ассоциации международного права. Награжден орденами и медалями СССР, Болгарии, Монголии.

На вопрос редакции о роли международного права в современных условиях для России О.Н. Хлестов ответил: "Если ранее международное право играло определенную роль во внешней политике СССР, то теперь его роль в силу ряда объективных факторов еще больше возрастает. России целесообразно активно выступать в защиту международного права, добиваться повышения его эффективности, способствовать усилению контроля за соблюдением государствами их международных обязательств, норм международного права, повышению роли мирных средств разрешения споров. Государственные структуры России могли бы больше уделять внимания международному праву: проблемам прав человека и национальных меньшинств. Хотя ученые играют важную роль в развитии международного права, обобщая и анализируя практику, выдвигая доктрины, но решающая роль здесь принадлежит государствам: они создают нормы международного права".

ЧЕРНИЧЕНКО СТАНИСЛАВ ВАЛЕНТИНОВИЧ

Родился в 1935 году в Москве. В 1953–1954 годах учился в Московском юридическом институте, который в 1954 году был объединен с юридическим факультетом МГУ. Юридический факультет окончил в 1958 году. После его окончания два года работал в системе МВД СССР. В 1960 году поступил на очное отделение аспирантуры по кафедре международного права юридического факультета МГУ. После окончания аспирантуры в течение года работал старшим консультантом Инюрколлегии. В 1964 году защитил кандидатскую диссертацию на тему "Вопросы гражданства в современном международном праве". В 1964–1967 годах работал преподавателем кафедры государственного и международного права Высшей школы КГБ имени Ф.Э. Дзержинского. В 1967 году перешел на кафедру правовых наук Высшей дипломатической школы МИД СССР, позднее преобразованной в Дипломатическую академию МИД СССР, на должность доцента. В 1978 году защитил докторскую диссертацию на тему "Статус личности и международное право". В течение ряда лет был профессором кафедры международного права академии. Последние годы является заведующим сектором международного права, гуманитарных и консульских проблем Дипломатической академии МИД Российской Федерации.

С.В. Черниченко – автор свыше 240 работ по различным проблемам международного права. Среди них монографии "Международно-правовые вопросы гражданства" (М., 1968), "Личность и международное право" (М., 1974), глава "Население и международное право" в "Курсе международного права" (т. 3, 2-е издание, М., 1991).

С 1972 по 1990 год был членом делегации СССР в Комиссии ООН по правам человека, а также представителем СССР в некоторых рабочих группах Комиссии. В 1987 году был вице-президентом проходившего на Мальте Конгресса ЮНЕСКО по преподаванию прав че-

ловека, информации и документации. Принимал участие в ряде международных конференций и семинаров общественного характера.

С 1988 года – член Подкомиссии по предупреждению дискриминации и защите меньшинств (в личном качестве) – экспертного органа Комиссии ООН по правам человека.

В течение пяти лет С.В. Черниченко был главным редактором "Советского ежегодника международного права".

На вопрос редакции о его дальнейших творческих планах С.В. Черниченко ответил, что намерен после опубликования подготовленной им монографии по вопросам теории международного права начать работу над книгой, посвященной межгосударственному сотрудничеству в области прав человека.

* * *

В №1 (1992 г.) нашего журнала в персоналиях о Ф.И. Кожевникове случайно выпало указание на то, что Ф.И. Кожевников в 1953–1960 годах являлся членом Международного суда ООН, а с 1960 по 1988 год заведовал кафедрой международного права МГИМО. Кроме того, ошибочно указано, что мемуары Ф.И. Кожевникова опубликованы в журнале "Вопросы истории" (1981 г.): они опубликованы в №8 (1971 г.) этого журнала.

Редакция журнала приносит Ф.И. Кожевникову и читателям журнала свои извинения.

Хроника

МОСКОВСКАЯ АССОЦИАЦИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Московская ассоциация международного права (МАМП) была создана 22 января 1992 г. и зарегистрирована как общественная организация в феврале 1992 года. Ее учредителем выступила группа ученых, практических работников, преподавателей и других специалистов в области международного права. В разработанном и принятом ими Уставе МАМП в качестве первоочередной цели Ассоциации названо оказание содействия утверждению, продвижению и осуществлению статуса России как независимого суверенного государства – субъекта международного права и правовому обеспечению ее внешних сношений.

России, правопреемнице Советского Союза в международных отношениях, исходя из национальных государственных интересов, предстоит определить свое место и роль во взаимоотношениях с другими государствами, и в первую очередь с бывшими советскими республиками, в международных организациях, в Совете Безопасности ООН, где она является постоянным членом.

Гражданский и профессиональный долг российских юристов-международников – содействовать России в оптимальном использовании тех возможностей, которые открывает перед ней нарастающее признание ее международной роли. Требуется не только умножить наши усилия, но и объединить их, сделать максимально эффективными.

В этом МАМП опирается на прочный фундамент уже достигнутого. Почти столетие назад Россия явилась инициатором двух первых Конференций мира, созывавшихся в Гааге и оказавших существенное влияние на развитие международного права. В ходе проводимого ныне по решению ООН Десятилетия международного права Россия имеет хорошие возможности продолжить эту традицию, а Московская ассоциация международного права – упрочить вклад России в укрепление международного правопорядка.

Перед МАМП стоят и другие задачи: помочь человеку в использовании международно-правовых средств в интересах упрочения его положения как личности и гражданина; способствовать расширению и углублению научных исследований в области международного публичного и частного права, расширению и улучшению его преподава-

ния; содействовать освоению наследия России в сфере международного права, возрождению российской школы международного права и др.

Избраны руководящие органы МАМП – Правление (11 человек), Президент – Кривчикова Э.С., Вице-президенты – Бордунов В.Д., Геворгян К. Г., Колосов Ю.М., Островский Я.А., а также созданы секции: международные договоры; международные организации; правовые аспекты международной безопасности; мирные средства разрешения международных споров; региональные конфликты; государственная территория и государственные границы; воздушное право; космическое право; экологическое право; гуманитарное право и права человека; международное частное право.

Московская ассоциация международного права стала коллективным членом Международной ассоциации "За диалог и сотрудничество в Азиатско-Тихоокеанском регионе", а также соучредителем Московского независимого института международного права.

Всех, кого заинтересовали цели Ассоциации, кто желает действовать совместно на благо России, мы приглашаем стать членами МАМП. Согласно Уставу, Московская ассоциация международного права открыта не только для специалистов в области международного права, но и для российских депутатов, журналистов-международников, любых граждан, проявляющих устойчивый интерес к проблематике международного права, а также для объединений, в том числе предпринимателей, и организаций. Иностранцы граждане могут стать членами Ассоциации (индивидуальными либо коллективными) на равных основаниях с гражданами России.

Адрес МАМП: г. Москва, Московский государственный институт международных отношений, проспект Вернадского, 76. Тел.: 434-92-40; 434-94-52.

*Э.С. КРИВЧИКОВА,
Президент МАМП*

УСТАВ МОСКОВСКОЙ АССОЦИАЦИИ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Статья 1

Общие положения

1. Московская ассоциация международного права (МАМП), именуемая далее Ассоциация, является добровольным обществен-

ным объединением ученых, практических работников, преподавателей и других специалистов в области международного права, а также лиц, занимающихся его изучением или проявляющих устойчивый интерес к его проблематике.

2. Деятельность Ассоциации строится в соответствии с законодательством Российской Федерации (России), международным правом, настоящим Уставом, на основе принципов демократии, самоуправления, гласности, уважения и соблюдения независимости суверенных государств.

3. Ассоциация независима от каких-либо партий и движений, сотрудничает с российскими органами государственного, хозяйственного управления, общественными и иными организациями, стоящими на принципах демократических преобразований в стране.

4. Ассоциация в порядке, определяемом законодательством Российской Федерации, осуществляет производственно-хозяйственную деятельность в целях выполнения уставных задач.

5. Регион действия Ассоциации – г. Москва.

Статья 2

Основные цели Ассоциации

Основные цели Ассоциации состоят в том, чтобы:

1) оказывать содействие утверждению, продвижению и осуществлению статуса России как независимого суверенного государства – субъекта международного права и правовому обеспечению ее внешних сношений;

2) содействовать человеку в использовании международно-правовых средств в интересах упрочения его положения как личности и гражданина, защиты его международно признанных прав и свобод, включая право доступа к международным инстанциям для осуществления такой защиты;

3) способствовать расширению и углублению научных исследований в области международного публичного и частного права, расширению и улучшению его преподавания и возможностей изучения, в том числе мероприятиям, проводимым в рамках соответствующей программы ООН;

4) содействовать освоению наследия России в сфере международного права, возрождению российской школы международного права и возвышению роли неправительственной деятельности в освоении международного права как общего достояния человеческой цивилизации;

5) способствовать внедрению наиболее прогрессивных норм международного права и международных стандартов, особенно в сферах, затрагивающих права человека, а также предпринимательскую и иную подобную деятельность, в законодательство страны, его приведению в полное соответствие с этими нормами и стандартами;

6) участвовать в международном неправительственном сотрудничестве по международно-правовой проблематике, имея в виду повышение роли права в мировых делах и утверждение примата международного права;

7) регулярно информировать российскую и мировую общественность о своей деятельности.

Статья 3

Членство в Ассоциации

1. Членство в Ассоциации может быть индивидуальным и коллективным. Индивидуальными членами МАМП могут быть:

а) научные и практические работники в области международного права, преподаватели этой и смежной дисциплин и другие специалисты в области международного права и международных отношений;

б) депутаты российского парламента, журналисты-международники, лица, занимающиеся изучением международного права или проявляющие устойчивый интерес к его проблематике.

2. Коллективными членами Ассоциации могут быть объединения граждан, в том числе предпринимателей, и коллективы организаций, способствующие своей деятельностью исследованию, преподаванию или применению международного права или изъявившие готовность вносить вклад в эти виды деятельности, а также в деятельность Ассоциации.

3. Иностранцы граждане могут быть индивидуальными либо коллективными членами Ассоциации на равных основаниях с гражданами России.

4. Прием в индивидуальные члены Ассоциации производится решением ее Правления на основании заявления, в котором должно быть указано, в частности, о намерении вступающих в Ассоциацию соблюдать настоящий Устав, желании участвовать в ее работе и об обязательстве уплачивать членские взносы. При приеме в Ассоциацию взимается вступительный взнос. Иностранцы индивидуальные члены могут уплачивать свой взнос или часть его в конвертируемой валюте.

5. Прием в коллективные члены производится на основании письменного обращения объединений граждан и коллективов организаций, упомянутых в пунктах 2 и 3 настоящей статьи.

6. Размер вступительных и членских взносов для индивидуальных и коллективных членов устанавливается по решению Правления Ассоциации.

Статья 4

Права и обязанности членов Ассоциации

1. Члены Ассоциации имеют право:

- участвовать в работе Ассоциации и ее органов;
- избирать и быть избранными в органы Ассоциации;
- ссылаться на свое членство в Ассоциации в тех случаях, когда такая ссылка представляется желательной в контексте сведений о профессиональной деятельности.

2. Члены Ассоциации обязаны:

- соблюдать Устав Ассоциации;
- содействовать выполнению целей и задач Ассоциации;
- регулярно уплачивать членские взносы.

Статья 5

Органы Ассоциации

Органами Ассоциации являются Собрание, Правление, Президент, Вице-президенты, Генеральный секретарь и Контрольно-ревизионная комиссия (КРК).

Статья 6

Собрание Ассоциации

1. Собрание является высшим органом Ассоциации. Собрание:

- определяет основные направления работы Ассоциации;
- проводит ежегодные тематические сессии;
- собирается на внеочередные сессии для рассмотрения срочных и важных вопросов, требующих решения Собрания;
- избирает Правление и Президента Ассоциации, а по его представлению – Вице-президентов;

- устанавливает количественный состав и избирает членов Контрольно-ревизионной комиссии и утверждает ее отчеты;
 - рассматривает финансовые вопросы деятельности Ассоциации, утверждает смету ее расходов и отчеты о поступлении в Ассоциацию средств;
 - решает вопросы внесения изменений в Устав Ассоциации и прекращения ее деятельности;
 - рассматривает другие вопросы функционирования Ассоциации, вытекающие из ее Устава.
2. Решения Собрания принимаются простым большинством присутствующих и участвующих в голосовании ее индивидуальных и коллективных членов. Для принятия решения необходимо присутствие на Собрании большинства членов Ассоциации.

Статья 7

Правление Ассоциации

1. Правление Ассоциации:

- направляет работу Ассоциации в период между собраниями;
- производит прием в индивидуальные и коллективные члены Ассоциации;
- определяет тематику ежегодных сессий Собрания;
- принимает заявления и обращения, а также предпринимает другие шаги в отношении международно-правовых проблем, по которым возникает потребность в безотлагательной реакции со стороны Ассоциации;
- осуществляет сотрудничество Ассоциации с зарубежными неправительственными организациями, работающими в области международного права или в смежных областях, содействует установлению и поддержанию индивидуальных контактов членов Ассоциации с зарубежными коллегами;
- организует публикации научных трудов, докладов и сообщений, заслушанных на Собрании Ассоциации, а также распространяет информацию о ее деятельности;
- осуществляет другие функции, порученные ему Собранием или связанные с достижением целей Ассоциации.

2. Решения Правления принимаются большинством присутствующих и участвующих в голосовании членов Правления. Большинство членов Правления составляет кворум.

3. Правление избирается Собранием Ассоциации в составе 11 членов.

Статья 8

Президент Ассоциации

1. Президент Ассоциации избирается Собранием на срок в три года и может быть переизбран еще на один такой же срок.

2. Президент представляет Ассоциацию в ее сношениях с различными учреждениями, организациями и лицами, в том числе за рубежом. Президент руководит работой Правления и выполняет поручения Собрания и Правления. Он подписывает соответствующие документы и имеет право выступать с заявлениями и обращениями по вопросам, связанным с осуществлением целей Ассоциации. Президент подписывает договоры, выдает доверенности, подписывает финансовые документы и распоряжается кредитами.

Статья 9

Вице-президенты Ассоциации

Вице-президенты Ассоциации избираются Собранием в количестве 3 человек по представлению Президента Ассоциации на тот же срок, что и Президент. Распределение функций и ответственности Вице-президентов за порученные им участки работы производится по договоренности с Президентом. Вице-президенты по должности входят в состав Правления Ассоциации. В необходимых случаях один из них может выполнять обязанности Президента Ассоциации.

Статья 10

Генеральный секретарь Ассоциации

Генеральный секретарь Ассоциации назначается Правлением по представлению Президента Ассоциации и работает под их руководством. Он отвечает за ведение текущих дел Ассоциации, а также за подготовку и рассылку ее документов. Он выполняет другие поручения Правления и Президента. Генеральный секретарь может быть освобожден от занимаемой должности решением Правления по представлению Президента.

Статья 11

Контрольно-ревизионная комиссия (КРК)

1. Контрольно-ревизионная комиссия (КРК) контролирует соблюдение настоящего Устава, выполнение решений Собрания и выборных руководящих органов, плана основных мероприятий, выполнение бюджета и финансово-хозяйственную деятельность Ассоциации.

2. КРК избирает на своем заседании председателя и его заместителя из состава членов комиссии.

3. Заседания КРК проводятся не реже двух раз в год. КРК отчетывается в своей деятельности перед Собранием Ассоциации.

4. Председатель КРК и его заместитель принимают участие в работе Правления с правом совещательного голоса.

Статья 12

Денежные средства и имущество Ассоциации

1. Денежные средства Ассоциации формируются из вступительных и членских взносов ее членов, а также доходов от издательской, производственной и хозяйственной деятельности как внутри страны, так и за рубежом. Ассоциация вправе принимать добровольные взносы и пожертвования от отечественных и зарубежных физических и юридических лиц.

2. Средства Ассоциации расходуются на финансирование ее деятельности, а также на благотворительные акции. Доходы от производственной и хозяйственной деятельности направлены на уставные цели и не подлежат перераспределению между членами Ассоциации.

3. Ассоциация может иметь в собственности здания, сооружения, оборудование, транспортные средства, оргтехнику, инвентарь, имущество культурно-просветительного и иного назначения, необходимые для ее деятельности, предусмотренной настоящим Уставом. В собственности Ассоциации могут быть также издательские, другие предприятия, создаваемые за счет ее средств. Она также имеет право приобретать и отчуждать имущество, ценные бумаги, делать вклады, заключать договоры, создавать хозрасчетные, совместные и иные предприятия, осуществлять другие формы хозяйственной деятельности, соответствующие ее Уставу.

Статья 13

Издания Ассоциации

Ассоциация в соответствии с законами Российской Федерации самостоятельно или совместно с другими юридическими лицами может издавать и распространять свои периодические печатные органы, книги, брошюры и т.д., использовать аудиовизуальные и другие формы массовой информации в интересах реализации уставных целей в соответствии с законодательством о печати и других средствах массовой информации.

Статья 14

Изменение Устава Ассоциации

Поправки и пересмотр Устава Ассоциации производятся решением Собрания, принятым большинством членов Ассоциации. Изменения и дополнения Устава регистрируются в установленном законом порядке.

Статья 15

Юридический статус Ассоциации

Ассоциация является юридическим лицом согласно законам Российской Федерации и имеет право открывать в банке расчетные и текущие счета, в том числе валютные. Она имеет свою печать, бланки со своим наименованием. Местонахождение Ассоциации – г. Москва, проспект Вернадского, 76.

Статья 16

Прекращение деятельности Ассоциации

1. Деятельность Ассоциации может быть прекращена по решению ее Собрания, принятому большинством в три четверти всех ее членов, путем реорганизации или ликвидации или по решению суда.
2. Регистрация вновь образованных объединений после реорганизации Ассоциации осуществляется в соответствии с законодательством Российской Федерации.
3. Все оставшееся после ликвидации Ассоциации имущество направляется на цели, предусмотренные ее Уставом.

Книжная полка

П.П. ШАФИРОВ. "РАССУЖДЕНИЕ О ЗАКОННЫХ ПРИЧИНАХ ВОЙНЫ МЕЖДУ ШВЕЦИЕЙ И РОССИЕЙ: 1700–1721"

P.P. Shafirov. A discourse concerning the just causes of the war between Sweden and Russia: 1700–1721.

With an Introduction by W.E. Butler.

Oceans Publications, Dobbs Ferry. – N.Y., 1973.

В.Э. ГРАБАРЬ. "ИСТОРИЯ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА В РОССИИ. 1647–1917"

V.E. Grabar. The History of International Law in Russia. 1647–1917. A bio-Bibliographical Study.

With an Introduction and Bibliographies by W.E. Butler.

– Oxford: Clarendon Press, 1990.

Голова вице-канцлера Петра Павловича Шафирова уже лежала на плахе и палач занес топор, когда глашатай прервал казнь и объявил решение императора Петра I заменить смертную казнь ссылкой в Нижний Новгород. Так суровый, но отходчивый царь наказал обвиненного в злоупотреблениях одного из своих сподвижников, выдающегося ученого и дипломата России начала XVIII века барона Петра Павловича Шафирова, автора первого в России научного труда по международному праву.

Таковы были нравы России эпохи Петра I. Впрочем, английские порядки позднего средневековья были не менее жестки: король Генрих VIII обезглавил своего канцлера и собеседника, великого гуманиста Томаса Мора.

Взаимному узнаванию, сближению и обоюдной симпатии наших народов способствовала, разумеется, не жестокость монархов, а потребность в торговом обмене, дипломатических связях, а вслед за тем и в развитии научного и культурного сотрудничества. И было достаточно оснований у английского поэта и драматурга начала XVIII века Эрона Хилли для следующих замечательных строк:

Британец и русский отличаются лишь по имени.

По замыслу природы народы одинаковы.

В разделенном мире живут братья,
И всюду человек – подданный разума*.

Международное право никогда полностью не отвергалось и не заменялось новым правовым порядком в одночасье, а развивалось последовательно и постепенно. Некоторые институты в основе своей сотни лет сохраняются действующими; при решении международных споров нередко ссылаются на договоры вековой давности; труды и доктрины наиболее квалифицированных юристов признаются как вспомогательные источники международного права. Вот почему юристу-международнику так важно хорошо знать историю науки международного права не только своей страны, но и других стран, не только современных авторов, но и наиболее выдающихся юристов прошлого. В особенности это касается юристов-международников таких стран, как Англия и Россия, чей вклад в науку международного права весьма значителен.

Над решением благородной задачи ознакомления английской юридической общественности с российской наукой международного права в течение многих лет плодотворно трудится профессор международного и компаративного права Лондонского университета, директор Центра по изучению социалистических правовых систем Лондонского университетского колледжа Уильям Батлер. В последние годы им изданы в Англии и США первый выполненный в России оригинальный труд по международному праву П.П. Шафировова "Рассуждение о законных причинах войны между Швецией и Россией в 1700–1721 гг." и книга академика В.Э. Грабаря "Материалы к истории литературы международного права в России, 1647–1917 гг."

Английское издание "Рассуждения..." состоит из предисловия и введения, написанных профессором У. Батлером. Русский текст "Рассуждения..." издания 1716 года точно воспроизведен и дополнен "Заключением к читателю", написанным не П.П. Шафировым, а самим Петром I. Далее следует английский перевод "Рассуждения...", выполненный анонимным автором 250 лет назад. Издание "Рассуждения..." в Англии было приурочено к 300-й годовщине со дня рождения Петра I.

Для современного ученого труд П.П. Шафировова – нечто большее, чем веха в истории международного права. Эта книга – один из примеров восприятия Россией широко применявшегося в дипломатической практике научного международно-правового обоснования внешнеполитических акций правительства. Издание "Рассужде-

* Перевод автора.

Briton and Russian differ but in name,
In nature's sense, all nations are the same.
One world, divided, distant brothers share,
And man is reason's subject—everywhere.

(Цит. по: *Литературное наследство*. – Т.91: Русско-английские литературные связи. XVIII век – первая половина XIX века. – М., 1982. – С.88.

ния...” свидетельствуют о неустанных заботах императора о росте международного авторитета России.

В английском переводе практически без сокращений приведены все три главы “Рассуждения...”, и английскому читателю предоставлено достаточно материалов, чтобы судить о взглядах российской дипломатии на обычаи “политических народов” в том, что касается законных причин войны, положения дипломатических агентов воюющих сторон при начале войны, положения мирного населения на территории, оккупированной противником, режима военного плена и т.д.

Труд П.П. Шафирова, как пишет профессор У. Батлер, “дает нам самое раннее и самое лучшее указание на то, до какой степени Россия ассимилировала лингвистически и концептуально принципы и практику общепризнанного в то время в Западной Европе международного права” (с.2). Ссылаясь на результаты научных исследований американских и российских авторов (Hüttl-Worth и А.В. Волосковой), автор предисловия опровергает распространенное мнение о том, что западная терминология проникла в русский язык только под влиянием реформ Петра I. Трансплантация принятых в западных странах административных, научных, военных, морских, юридических терминов началась еще в XVI–XVII веках и не подверглась отторжению, потому что дала возможность выразить на родном языке научные административные, социальные, правовые концепции, как классические, так и развитые *de novo* в Западной Европе. Филологический анализ текста “Рассуждения...” показал, что из 1549 слов, использованных П.П. Шафировым, около трети (543) можно отнести к терминологическим, из них 225 носят дипломатический и правовой характер, причем в последней группе 145 слов русского и 80 иностранного происхождения. Из 145 русских дипломатических и правовых терминов только 40 не встречаются в документах с XV до середины XVII века и могут поэтому быть отнесены к лексическим неологизмам петровской эпохи. 35 из 80 иностранных терминов, то есть почти половина, уже использовались в российских документах XVI–XVII веков, что опровергает версию об их появлении в годы царствования великого реформатора¹.

Особо следует отметить высокую культуру печати и оформления книги. Прекрасно выполнены портреты царя Петра I и Шафирова.

Быть может, в силу лингвистических трудностей или по другим причинам российская наука международного права мало известна иностранным коллегам. Для ознакомления с ней английской юридической общественности невозможно было выбрать лучшую книгу для перевода, чем труд академика Украинской Академии наук,

¹Как проследили исследователи, из 80 иностранных слов 58 – латинизмы, 7 – эллинизмы, 15 – галицизмы. Большая часть пришла в Россию через Польшу (30) и Германию (23).

профессора В.Э. Грабаря "Материалы к истории литературы международного права в России, 1647–1917 гг." (изд-во АН СССР, 1958).

Владимир Эммануилович Грабарь относился к тому типу ученых, к которому с полным основанием могут быть отнесены слова Конфуция: "Человек, предпочитающий духовную пищу телесной". В радостях научных занятий он забывал о печалях своей полной тревоги жизни и даже не заметил, как к нему тихо подкралась смерть. До конца своих дней он вел активную научную деятельность, работая над материалами к книге по истории науки международного права в России. Эта книга была издана после смерти автора, работу по подготовке ее к печати выполнила вдова ученого, известная лингвистка, знаток древних языков профессор Мария Евгеньевна Грабарь-Пассек.

Производит впечатление объем выполненной работы – 44 печатных листа. С полным основанием поэтому переводчик и издатель У. Батлер изменил авторский вариант названия: вместо скромного "Материалы к истории литературы..." он озаглавил книгу в полном соответствии с ее содержанием "История международного права в России. 1647–1917".

Книга издана в 1990 году в Англии, в Оксфорде, издательством Clarendon Press. Это издание доставит истинную радость самому требовательному книголюбу. Великолепно оформленный фолиант приятно взять в руки. Раскрыв книгу, английский читатель побывает вместе с автором в аудиториях российских университетов, услышит голоса профессоров в переводе, выполненном истинным знатоком. Переводчик сумел сохранить в английском варианте особый стиль В.Э. Грабаря, характеризующийся сочетанием противоположностей: оставаясь строго научным, академичным, быть вместе с тем доступным.

В английское издание внесены некоторые небольшие изменения, с тем чтобы исправить отдельные ошибки и сообщить о результатах последних научных исследований, но без всяких сокращений, нарушений логической последовательности и структуры работы В.Э. Грабаря.

Переводчик отмечает особую значимость работы В.Э. Грабаря в числе других русских и западных исследований истории международного права и дипломатии. Английскому читателю будет интересно узнать о том, что В.Э. Грабарем опубликован ряд работ по проблемам истории науки международного права Великобритании. Так, в "Юридическом вестнике" в 1917 году (кн. 18) опубликована его статья "Понятие естественного права и международного права в Англии до Реформации". В этой работе В.Э. Грабарь показал зарождение английской школы международного права, начиная с трудов Брактона. В "Трудах Украинской Академии наук" за 1927 год (тт. V–VI) опубликовано на украинском языке его исследование "О вопросах государственного и международного права в комментариях Джона Мэра к Сентенциям Петра Ломбардского". Грабарь

показал, что в работе полузабытого шотландского юриста конца XVI века заключена целая система понятий международного права.

Ценность работы В.Э. Грабаря определяется еще и тем обстоятельством, что сам он был как бы связующим звеном между дореволюционной русской и советской традициями международного права. Грабарь подготовил исчерпывающее руководство по российской литературе международного права, представив научные труды по международному праву и их авторов на фоне дипломатической, культурной и политической ситуации того времени.

Монография тщательно отредактирована и выверена. Попытаемся внести лишь необходимые поправки.

Профессор У. Батлер полагает, что опубликованный в 1723 году анонимный перевод "Рассуждения..." П.П. Шафирова скорее всего "первое русское литературное произведение, опубликованное на английском языке" (с. 2). Есть, однако, указания на более ранние переводы. Одним из самых ранних, вероятно, является сделанный еще в 1558 году Ричардом Джонсом перевод небольшого русского этнографического сочинения XV века "О человецех незнаемых в восточной стране". Перевод был напечатан в "Собрании путешествий" в 1598 году вместе с рядом небольших переводов с русского различных заметок географического содержания. В 1625 году напечатаны другие переводы с русского на английский, среди них – рассказ русского казака Ивана Петлина о поездке в Монголию и Китай. Реляция Петлина была известна Дж. Мильтону и частично внесена им в его краткую "Историю Московии"².

Профессор У. Батлер сообщает читателю о том, что рукопись первого оригинального курса международного права, которая, по утверждению В.Э. Грабаря, пропала в годы второй мировой войны, нашлась и хранится теперь в архиве Харьковского университета. Несколько лет назад часть харьковского архива была переведена в Республиканский государственный архив столицы Украины. Академик В.М. Корецкий начал подготовку отдельных работ к опубликованию, но умер, не успев привести свой замысел в исполнение.

Отметим также досадную опечатку на странице 369: так называемый Новороссийский университет, находившийся в г. Одессе, упоминается там как университет города Новороссийска. Новороссийск – большой портовый город, но никогда не был городом университетским.

Деятельность профессора У. Батлера не ограничивается исследованиями в сфере истории русской науки международного права. В этой рецензии нельзя не упомянуть о его активности на поприще развития и укрепления связей советских и английских юристов-международников. Научный авторитет и организаторский талант

² Литературное наследство. – Т.91. – С.38.

профессора У. Батлера немало содействовали рождению новых стабильных форм научного сотрудничества юристов-международников обеих стран. За последние десять лет при его активном участии в Москве и Лондоне проведено в общей сложности более десяти советско-английских симпозиумов по международному морскому и международному публичному праву. Плодом работы симпозиумов стали интересные коллективные сборники "Международное право: советский и английский подходы". Заслуживает самой высокой оценки и деятельность профессора У. Батлера как директора Центра по изучению правовых систем социалистических стран (теперь следовало бы сказать "постсоциалистических").

Хочется выразить надежду, что после 8 декабря 1991 г., когда Союз ССР как субъект международного права и геополитическая реальность прекратил свое существование, установившиеся связи юристов-международников наших стран не распадутся, но примут иные организационные формы, соответствующие новому положению в качестве независимых государств России, Украины, Казахстана, Беларуси и других субъектов бывшего СССР.

В.С. СЕМЕНОВ,
*профессор кафедры
международного права и
государственного права
иностранных государств
Украинской юридической
академии*

В.Н. ТРОФИМОВ. ВОЕННАЯ И ЭКОЛОГИЧЕСКАЯ БЕЗОПАСНОСТЬ. МЕЖДУНАРОДНОЕ ПРАВО И СИЛА. М., 1991. – 135 с.

Среди монографий, вышедших в последнее время, хотелось бы отметить неординарную книгу В.Н. Трофимова, лауреата всероссийского конкурса внешнеполитических предложений имени И. Кричевского, посвященную международным аспектам военной и экологической безопасности, а также проблемам применения силы для ее обеспечения. Конечно, тема эта не новая и разрабатывалась такими известными учеными, как Г.И. Тункин, Ю.М. Колосов, А.С. Тимошенко, В.Н. Федоров и др. Тем не менее, на мой взгляд, В.Н. Трофимов смог найти новые стороны этой проблемы и таким образом сформулировать некоторые общие положения и подходы, что можно говорить о достаточно серьезном шаге на пути создания целостной теории обеспечения международной безопасности. Главное, что удалось

автору, – это, не замыкаясь на чисто юридических проблемах, увязать их с общеполитическими моделями поддержания международного порядка и обеспечения безопасности, с теорией взаимоотношений "Север– Юг" и концепциями развития, с особенностями урегулирования территориальных споров и проблем освоения пространств общего пользования.

Определенное внимание в книге уделено также технике ведения международных переговоров, ограничению возможности принуждения в международных отношениях, специфике принятия государственных решений, ведущих в итоге к возникновению опасных ситуаций.

В.Н. Трофимов умело вычленяет во всех этих проблемах роль международного права, которое, по его мнению, выполняет определенную объединяющую функцию. Существенно и то, что автору удалось найти немало точек соприкосновения в подходах к решению проблем обеспечения не только военной, но и экологической безопасности, причем не по внешним, формальным признакам, как это подчас пытались делать другие авторы, а по вопросам существа.

Конечно, попытка обрисовать в столь широком плане проблему обеспечения экологической и военной безопасности требует достаточно обширных знаний во многих областях помимо международного права, и автору в большинстве случаев их удалось продемонстрировать.

Каковы же основные идеи данной работы? Так, можно с достаточной степенью уверенности утверждать, что основные направления поиска были продиктованы самой жизнью, определялись теми вопросами, которые в той или иной форме возникают в повседневной деятельности Министерства иностранных дел. Например, какими методами добиваться всеобщего мира, разоружения, международной стабильности и порядка? Наиболее частая рекомендация, которую можно услышать от юристов, – это добиваться заключения в соответствующих областях международных соглашений. Но В.Н. Трофимов вполне справедливо указывает на ограниченные возможности этого пути (стр. 16). Вряд ли стоит ожидать, что, разработав проект международного договора в такой чувствительной сфере, как безопасность государств, удастся легко убедить другие страны стать его участниками. Это возможно лишь в ограниченном числе случаев, например тогда, когда проблема представляется вполне очевидной и равно затрагивает всех (предотвращение аварий типа чернобыльской). В других случаях нередко главный побудительный мотив участия в договоре – это желание получить какие-то односторонние преимущества, скажем, при частичном разоружении. Справедливо, видимо, замечание автора, что многочисленные инициативы бывшего

СССР в области международной безопасности часто ничем не кончались именно в силу того, что другие государства не считали их конечный результат достаточно реальным.

В подтверждение этих наблюдений В.Н. Трофимов дает свое объяснение явления, когда те или иные государства достаточно искренне выступают за обеспечение международной безопасности, а предпринимаемые ими шаги на деле нередко ведут к экологическому ущербу, к конфронтации, даже к войне. Наверное, действительно справедливо видеть, по крайней мере, частичное объяснение такого исхода, как это делает автор, в специфике принятия государственных решений. Государственные деятели допускают, что принятые ими шаги приведут лишь к ограниченному ущербу (например, ущербу окружающей среде) или что риск возникновения войны или аварии столь мал, что им можно пренебречь. Но если при этом был допущен просчет в планировании или вмешался случай, то итоги могут быть катастрофическими.

Можно ли предотвратить такие ситуации с помощью превентивных международно-правовых норм? Видимо, справедлив вывод автора, что вряд ли какое-либо государство станет себя добровольно ограничивать в каких-то мероприятиях в военной или природоохранной области, если оно считает, что такие мероприятия могут привести лишь к ограниченному ущербу, а риск катастрофических или просто нежелательных последствий настолько мал, что им можно пренебречь.

Нужно отдать должное автору – он не останавливается на такой негативной оценке, а достаточно подробно изучает возможности использования международно-правовых средств для воздействия на позицию другого государства и ее изменения даже в определенной мере вопреки воле последнего. По его мнению, такие возможности имеются, однако воспользоваться ими можно, лишь выполнив некоторые предварительные условия. Наиболее благоприятные возможности открываются при этом на самых ранних стадиях разработки международных договоров. Раздел книги, посвященный этой теме (стр. 24–36), может представлять особый интерес не только для ученых, но и для практиков в области международных отношений.

Следует позитивно оценивать в работе и ту ее часть, где рассматриваются разные стадии развития опасных военных и экологических ситуаций и в зависимости от этого предлагаются различные средства для их сдерживания – от мирного урегулирования споров до правомерного применения силы (стр. 57–61).

Тему нельзя было бы считать раскрытой, если бы автор не исследовал проблемы международных отношений, которые объектив-

но наиболее часто могут стать причиной возникновения угрозы экологической или военной безопасности (стр. 70–90). В этой связи в книге рассматриваются территориальные споры, вопросы освоения новых пространств, присущие этой отрасли особенности формирования международного морского права. Заметим, что многие выводы логично следуют из предыдущей монографии В.Н. Трофимова, посвященной вопросу правового статуса Антарктики.

Достаточно смело автор поднимает в этой же главе такую тему, как возникновение опасных для человечества экологических и военных ситуаций, причиной которых являются низкое экономическое и социальное развитие стран "третьего мира", их подчас авантюристичный внешнеполитический курс. Логично, что в книге эта проблема увязывается с концепциями экономического развития, с перестройкой международных экономических отношений, с вопросами ограничения суверенитета, с тем, какое отражение они нашли в соответствующих международных договорах и практике. Справедливости ради нужно признать, что тут В.Н. Трофимов в чем-то предвосхитил опасное развитие ситуации, имеющее сейчас место на территории бывшего СССР.

Интересной представляется завершающая глава монографии, в которой затрагиваются различные аспекты правомерности применения силы для обеспечения экологической или военной безопасности. В ней В.Н. Трофимов излагает различные варианты силовых моделей поддержания международной безопасности, которыми пользуются западные страны, особенно США, для обеспечения международного порядка и безопасности. Тут речь идет, например, о теории баланса сил, об особой роли сверхдержав, о политике блоков. Затрагиваются позиции различных американских школ, по-своему трактующих пределы правомерного применения силы (но в любом случае более широко, чем это предусмотрено Уставом ООН), приводятся конкретные примеры тех или иных силовых акций. Хотя автор рассматривает такие подходы с критических позиций, тем не менее он явно стремится извлечь какое-то рациональное зерно, сделать выводы и рекомендации для корректировки нашей национальной политики в области безопасности, учитывающие положительные аспекты западного опыта. Следует признать, что в значительном числе случаев такие выводы звучат достаточно убедительно, особенно в свете тех реальностей, с которыми мы сейчас сталкиваемся, — государственного терроризма, актов агрессии, межнациональных конфликтов, умышленного пренебрежения интересами сохранения окружающей среды.

К недостаткам монографии можно отнести то, что в ней можно было бы более полно и подробно привести позиции советских и рос-

сийских ученых, в разное время писавших по вопросам экологической и военной безопасности. Можно было бы также более детально рассмотреть некоторые проблемы, затронутые в работе и касающиеся, например, международного морского права. Наконец, автором недостаточно проработано само понятие "экологическая безопасность", особенно в свете новых реалий в международных отношениях.

Несмотря на отдельные недостатки, монография, несомненно, представляет значительный научный и практический интерес и может быть полезной для самого широкого круга специалистов.

К.А. БЕКЯТОВ,
доктор юридических наук

Документы

РОССИЯ И РЕСПУБЛИКА КОРЕЯ – НОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ

Относительно динамичные связи на двусторонней основе между нашими странами стали складываться в последние три года. Российско-корейские торгово-экономические, научные, культурные, спортивные и другие контакты на неправительственной основе осуществляются с 1988 года. Еще раньше упразднены были ограничения на въезд и транзит через территорию СССР для граждан Республики Корея. В декабре 1988 года Торгово-промышленная палата (ТПП) СССР и Корейская корпорация содействия торговле (КОТРА) заключили соглашение, в соответствии с которым в апреле в Сеуле, а в июне 1989 года в Москве были открыты представительства ТПП СССР и КОТРА. В декабре 1989 года вступила в силу договоренность о создании при этих представительствах консульских отделов.

В марте 1990 года открыто прямое воздушное сообщение и учреждены представительства национальных авиакомпаний в Москве и Сеуле. В сентябре 1990 года между двумя странами установились дипломатические отношения на уровне посольств.

В декабре 1990 года в ходе официального визита в Москву Президента Республики Корея Ро Дэ У состоялось подписание ряда соглашений экономического характера.

В марте 1991 года состоялся визит в Сеул представительной российской делегации во главе с министром иностранных дел России А. Козыревым, в составе которой мне представилась возможность участвовать.

Помимо традиционных для подобных миссий представителей МИД делегация включала представителей Верховного Совета России, министерств и ведомств, предпринимательских кругов, руководителей дальневосточного региона: Хабаровского и Приморского краев, Сахалинского облсовета, республики Саха.

Словно годхваченные волнами протекающего через Сеул полноводного и стремительного Ханга, мы закружились в водовороте встреч, бесед и приемов. Особо памятными были встречи с представителями всемирно известных крупнейших южнокорейских корпораций: "Самсунг" (объем продаж в 1991 г. составил 48 млрд. долл.; включает в себя 29 компаний, действующих в электронике, тяжелом и точном машиностроении, аэрокосмической, нефтехимической, легкой и пищевой промышленности, строительстве и т.д.; на предприятиях корпорации задействовано около 180 тыс. человек); "Хёндэ" (вторая по объему операций корпорация – 38 млрд. долл. в 1991 году; отчет своей деятельности ведет с 1940 г.; занимается в области автомобиле- и судостроения, тяжелого и точного машиностроения, металлургии, электроники, нефтехимии и т.д.; на предприятиях корпорации занято около 170 тыс. человек); "Лаки Голдстар" (третья по объему операций корпорация – 35 млрд. долл. в 1991 г.; объединяет 31 компанию, осуществляющую операции в химической, нефтехимической, электронной и электротехнической промышленности, машиностроении, строительстве, финансовом деле; на предприятиях корпорации занято около 100 тыс. человек).

Делегация имела обстоятельные беседы с представителями крупнейших южнокорейских корпораций, Корейско-российской экономической ассоциации, Федерации корейских промышленников, отдельных организаций и фирм. Мы осмысливали пути и возможности наших взаимоотношений.

По мнению представителей корейской стороны, без решения Россией пяти принципиальных проблем должного развития в российско-корейских предпринимательских отношениях (а я бы сказал: и не только российско-корейских!) может не получиться. А именно:

- создать надежную телекоммуникационную связь, чтобы можно было вступать в контакт в любое время и с любой точкой мира;
- построить современные дороги и добиться четкости в работе транспорта;
- организовать на международном уровне гостиничный сервис;
- принять устойчивое рыночное законодательство;
- создать упрощенный режим въезда и выезда из страны.

Поэтому с таким удовлетворением было встречено корейскими предпринимателями сообщение о подписании 18 марта 1992 г. министрами иностранных дел наших стран – А. Козыревым и Ли Сан Окком – "Меморандума о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Республики Корея по вопросам выдачи виз".

Согласно данному межправительственному соглашению, ответ на запрос о выдаче визы на краткосрочную поездку (до 90 дней) выдается соответствующей стороной в течение четырнадцати рабочих дней. До трех дней сокращен срок выдачи виз расширенному кругу должностных лиц, в том числе депутатам Верховного Совета России. Значительно смягчены и упрощены процедуры выдачи виз для долгосрочных поездок, многократных и транзитных виз и для поездок по частным делам срочного гуманитарного характера.

В тот же день министрами была подписана Консульская конвенция, которая 14 мая 1992 г. была ратифицирована Верховным Советом России.

Во внешнеполитическом аспекте заключение данной конвенции знаменует собой важное событие в истории дипломатии новой, свободной России. Это первая консульская конвенция, заключенная нашей республикой непосредственно с иностранным государством. Что касается Южной Кореи, то из числа ведущих стран мира подобную конвенцию она имеет только с США.

Особенность ее не только в том, что она разрабатывалась с учетом положений Венской конвенции о консульских сношениях 1963 года. Стороны зафиксировали намерение на взаимное повышение статуса консульских учреждений и лиц, подпадающих под положение данной конвенции, а именно: предусматривается полная неприкосновенность консульских помещений (ст. 13); в более благоприятном плане решаются вопросы сношений консульских должностных лиц с арестованными либо задержанными гражданами. Компетентные органы государства пребывания обязаны безотлагательно уведомлять консульские учреждения о задержании; аресте граждан представляемого государства, обеспечивать беспрепятственный доступ к ним консульских должностных лиц (ст. 39).

В конвенции широко отражены паспортно-визовые вопросы, в том числе в области прав граждан на срочный отъезд из государства пребывания. Предусматривается получение помощи от компетентных органов государства пребывания гражданами представляемого государства.

Значительно подробнее Венской конвенции в Российско-Южнокорейской конвенции освещены вопросы наследования – начиная от информации консульских учреждений о смерти в стране граждан представляемого государства и открывающихся наследствах до оказания содействия в реализации наследственного имущества и переводе полученных сумм в конвертируемой валюте наследникам умершего (ст. 40).

С учетом масштаба сотрудничества двух стран в области судоходства стороны достаточно подробно регламентируют в конвенции взаимоотношения консульских должностных лиц с экипажами судов. В частности, консульские должностные лица имеют право оказывать надлежащее содействие и поддержку судам представляемого государства, находящимся в портах государства пребывания, в территориальных или внутренних водах государства пребывания или же в международных водах. Консулы имеют правовые возможности оказывать помощь капитанам и экипажам своих судов, защищать их интересы в случае проведения компетентными органами государства пребывания расследования на их борту, а также оказывать содействие в случае повреждения судов, грузов, принимать необходимые меры по лечению и возвращению на родину капитана или любого члена экипажа (ст. 44—48).

Конвенцией предусматривается возможность заключения соответствующих договоров об учреждении почетных (нештатных) консульских учреждений (ст. 10).

Принятие столь важного международного соглашения, несомненно, имеет исключительно большое значение для дальнейшего развития отношений между нашими странами в обеспечении поступательного хода политических, экономических и культурных связей.

Уверенность в перспективе дальнейшего углубления наших всесторонних контактов и заинтересованность в них проявились корейской стороной уже в ходе данного визита.

Как известно, в январе 1991 года между СССР и Южной Кореей было заключено соглашение о предоставлении нам кредита в сумме 3 млрд. долл., реализация которого в декабре 1991 года правительством Республики Корея была приостановлена до предоставления соответствующих гарантий взамен прежних, выданных бывшим союзным правительством.

В период нашего пребывания в Сеуле Президент Южной Кореи Ро Дэ У дал указание разморозить оставшуюся половину кредита.

Нет сомнения о том, что важным шагом в укреплении наших встречных дружественных шагов является официальный визит в Республику Корея Президента России Б.Н. Ельцина.

А.Л. СУРКОВ

*народный депутат России,
член Комитета по международным делам
и внешнеэкономическим связям*

КОНСУЛЬСКАЯ КОНВЕНЦИЯ между Российской Федерацией и Республикой Корея

Российская Федерация и Республика Корея, стремясь способствовать развитию дружественных отношений между двумя странами, а также содействовать защите прав и интересов их граждан, желая обеспечить более благоприятные условия для ведения консульских отношений в дополнение к Венской конвенции о консульских сношениях, подписанной в Вене 24 апреля 1963 года, договорились о нижеследующем:

Статья 1

Определения

В настоящей Конвенции:

- а) "консульское учреждение" означает любое генеральное консульство, консульство, вице-консульство или консульское агентство;
- б) "консульский округ" означает район, отведенный консульскому учреждению для выполнения консульских функций;
- с) "глава консульского учреждения" означает лицо, которому поручено действовать в этом качестве;
- д) "консульское должностное лицо" означает любое лицо, включая главу консульского учреждения, которому поручено в этом качестве выполнение консульских функций;
- е) "консульский служащий" означает любое лицо, выполняющее административные или технические обязанности в консульском учреждении;
- ф) "работник обслуживающего персонала" означает любое лицо, выполняющее обязанности по обслуживанию консульского учреждения;
- г) "работники консульского учреждения" означает консульские должностные лица, консульские служащие и работники обслуживающего персонала;
- h) "работники консульского персонала" означает консульские должностные лица (за исключением главы консульского учреждения), а также консульские служащие и работники обслуживающего персонала;
- и) "частный домашний работник" означает лицо, состоящее исключительно на частной службе у работника консульского учреждения;
- j) "консульские помещения" означает используемые исключительно для целей консульского учреждения здания или части здания и обслуживающий данное здание или части здания земельный участок, кому бы ни принадлежало право собственности на них;
- к) "консульские архивы" включают все бумаги, документы, корреспонденцию, книги, фильмы, ленты звукозаписи, дискеты и реестры консульского учреждения вместе с шифрами и кодами, картотеками и любыми предметами обстановки, предназначенными для обеспечения их сохранности или хранения;
- l) "судно представляемого государства" означает любое судно, за исключением военных судов, имеющее право идти под флагом представляемого государства и зарегистрированное в этом государстве;
- м) "воздушное судно представляемого государства" означает любой летательный аппарат, за исключением военных летательных аппаратов, зарегистрированный в представляемом государстве и имеющий право нести опознавательные знаки этого государства.

Статья 2

Открытие консульских учреждений

1. Консульское учреждение представляемого государства может быть открыто на территории государства пребывания с согласия государства пребывания.
2. Местонахождение консульского учреждения, его класс, консульский округ и численность консульских должностных лиц определяются представляемым государством и подлежат одобрению государством пребывания.

3. Дальнейшие изменения местонахождения консульского учреждения, его класса, консульского округа или численности консульских должностных лиц могут осуществляться представляемым государством только с согласия государства пребывания.

4. Согласие государства пребывания также требуется, если какое-либо генеральное консульство или консульство желает открыть вице-консульство или консульское агентство не в том населенном пункте, где оно само находится.

5. Предварительно определенно выраженное согласие государства пребывания необходимо также для открытия канцелярии, составляющей часть существующего консульского учреждения, вне местонахождения последнего.

Статья 3

Назначение главы консульского учреждения

1. До назначения главы консульского учреждения представляемым государством по дипломатическим или по иным соответствующим каналам должно быть получено согласие государства пребывания в отношении предлагаемого лица.

2. Если государство пребывания не дает согласие на назначение какого-либо лица в качестве главы консульского учреждения, оно не обязано сообщать представляемому государству мотивы такого отказа.

3. Представляемое государство направляет по дипломатическим каналам министру иностранных дел государства пребывания консульский патент или другой аналогичный документ для назначения главы консульского учреждения. В этом документе указываются имя и фамилия главы консульского учреждения, его класс, консульский округ и местонахождение консульского учреждения.

4. По получении консульского патента или иного аналогичного документа для назначения главы консульского учреждения государство пребывания выдает ему разрешение, называемое экзекватурой, какую бы форму такое разрешение ни имело. Государство пребывания, отказывающееся выдать экзекватуру или иное разрешение, не обязано сообщать представляемому государству мотивы такого отказа.

5. За исключением случаев, предусмотренных в пункте 6 настоящей статьи и в статье 4, глава консульского учреждения может приступить к выполнению своих функций только после выдачи такой экзекватуры или иного разрешения.

6. Государство пребывания может допустить главу консульского учреждения к выполнению его функций на временной основе до выдачи экзекватуры или иного разрешения. В этом случае применяются положения настоящей Конвенции.

7. Как только глава консульского учреждения будет допущен, даже временно, к выполнению своих функций, государство пребывания немедленно уведомляет об этом компетентные органы консульского округа. Кроме того, оно обеспечивает принятие мер, необходимых для того, чтобы глава консульского учреждения мог исполнять обязанности по своей должности и пользоваться преимуществами, вытекающими из настоящей Конвенции.

Статья 4

Временное выполнение функций главы консульского учреждения

1. Если глава консульского учреждения не может выполнять свои функции или если должность главы консульского учреждения вакантна, функции главы консульского учреждения могут временно выполняться исполняющим обязанности главы консульского учреждения.

2. Полное имя и фамилия исполняющего обязанности главы консульского учреждения сообщаются министерству иностранных дел государства пребывания или указанному этим министерством органу дипломатическим представительством представляемого государства или, если это государство не имеет такого представительства в государстве пребывания, главой консульского учреждения, или, если он не в состоянии этого сделать, любым компетентным органом представляемого государства. Как общее правило, это сообщение делается заблаговременно.

3. Компетентные органы государства пребывания оказывают исполняющему обязанности главы консульского учреждения помощь и защиту. Пока он возглавляет учреждение, на него распространяются положения настоящей Конвенции на том же основании, как и на главу соответствующего консульского учреждения.

4. Если член дипломатического персонала дипломатического представительства представляемого государства в государстве пребывания назначается представляемым государством в соответствии с положениями пункта 1 настоящей статьи временно исполняющим обязанности главы консульского учреждения, он продолжает пользоваться дипломатическими привилегиями и иммунитетами при условии, что государство пребывания против этого не возражает.

Статья 5

Назначение работников консульского персонала

1. С исключениями, предусмотренными в положениях статей 3, 6 и 7, представляемое государство может свободно назначать работников консульского персонала.

2. Представляемое государство заблаговременно сообщает государству пребывания полное имя и фамилию, категорию и класс всех консульских должностных лиц, помимо главы консульского учреждения, с тем чтобы государство пребывания могло, если оно это пожелает, осуществить свои права, предусмотренные в пункте 3 статьи 7.

3. Государство пребывания выдает всем работникам консульского учреждения и членам их семей удостоверение личности, признающее их статус в качестве работников консульского учреждения и членов их семей.

Статья 6

Гражданство консульских должностных лиц

Консульское должностное лицо должно быть гражданином представляемого государства.

Статья 7

Лица, объявленные "persona non grata"

1. Государство пребывания может в любое время уведомить представляемое государство по дипломатическим каналам о том, что то или иное консульское должностное лицо является "persona non grata" или что любой работник консульского персонала является неприемлемым. В таком случае представляемое государство должно соответственно отозвать это лицо или прекратить его функции в консульском учреждении.

2. Если представляемое государство откажется выполнить или же не выполнит в течение разумного срока свои обязательства, предусмотренные в пункте 1 настоящей статьи, государство пребывания может соответственно аннулировать экзекватуру или иное разрешение данного лица или перестать считать его работником консульского персонала.

3. Лицо, назначенное в качестве работника консульского учреждения, может быть объявлено неприемлемым до прибытия на территорию государства пребывания или, если оно уже находится в государстве пребывания, до того, как оно приступит к исполнению своих обязанностей в консульском учреждении. В любом таком случае представляемое государство аннулирует его назначение.

4. В случаях, упомянутых в пунктах 1 и 3 настоящей статьи, государство пребывания не обязано сообщать мотивы своего решения представляемому государству.

Статья 8

Уведомление государства пребывания о назначениях, прибытии и отбытии

1. Министерство иностранных дел государства пребывания или указанный этим министерством орган уведомляется:

а) о назначении работников консульского учреждения, их прибытии после назначения в консульское учреждение, об их окончательном отбытии или о прекращении их функций и обо всех других изменениях, влияющих на их статус, которые могут произойти во время их работы в консульском учреждении;

б) о прибытии или окончательном отбытии лица, являющегося членом семьи работника консульского учреждения и постоянно вместе с ним проживающего, а также, в надлежащих случаях, о том, что то или иное лицо становится или перестает быть таким членом семьи;

в) о прибытии и окончательном отбытии частных домашних работников и, в надлежащих случаях, о прекращении их службы в качестве таковых;

г) о найме и увольнении лиц, проживающих в государстве пребывания в качестве работников консульского учреждения или частных домашних работников, имеющих право на привилегии и иммунитеты.

2. Уведомление о прибытии или окончательном отбытии должно делаться по возможности заблаговременно.

Статья 9

Приобретение консульских и жилых помещений

1. Представляемое государство имеет право от своего имени или через любое уполномоченное им физическое или юридическое лицо в соответствии с

законами и правилами государства пребывания и с согласия этого государства приобретать в собственность, получать в пользование, арендовать или вступать во владение в любой другой форме:

а) консульские помещения, резиденцию главы консульского учреждения, а также жилое помещение для любого консульского должностного лица и любого консульского служащего, который не является гражданином государства пребывания или не имеет постоянного местожительства в этом государстве;

б) землю, предназначенную для строительства любых таких консульских и жилых помещений.

2. Государство пребывания в случае необходимости оказывает соответствующую помощь и поддержку представляемому государству при осуществлении прав, указанных в пунктах 1 и 2 настоящей статьи.

3. Ничто в настоящей статье не следует толковать как освобождающее представляемое государство от ответственности за соблюдение законов и правил государства пребывания, регулирующих расположение и конструкцию зданий, а также законов и правил, регулирующих городское планирование и районирование.

Статья 10

Почетные консульские должностные лица

Если обе Договаривающиеся Стороны согласятся на назначение почетного консульского должностного лица, они консультируются друг с другом по вопросу заключения соответствующих соглашений на основе положений настоящей Конвенции и норм обычного международного права в целях определения режима, который будет применяться к почетным консульским должностным лицам.

Статья 11

Защита консульских учреждений и работников консульских учреждений и предоставляемые им возможности

1. Государство пребывания обеспечивает все возможности для выполнения функций консульского учреждения.

2. Государство пребывания относится к консульским должностным лицам с должным уважением и принимает все надлежащие меры для предупреждения каких-либо посягательств на личность, свободу или достоинство консульских должностных лиц или иных работников консульского учреждения, не являющихся гражданами государства пребывания и не имеющих в государстве пребывания статуса иностранца, которому на законном основании разрешено постоянное местожительство, а также членов семей, постоянно проживающих с любым из вышеупомянутых лиц.

Статья 12

Государственный флаг и герб

1. Представляемое государство имеет право пользоваться своим государственным флагом и гербом в государстве пребывания в соответствии с положениями настоящей статьи.

2. Государственный флаг представляемого государства может быть вывешен и его государственный герб укреплен на здании, занимаемом консульским учреждением, на его входных дверях, а также на резиденции главы консульского учреждения и, когда это связано с исполнением служебных обязанностей, на его средствах передвижения.

3. При осуществлении прав, предусмотренных в настоящей статье, представляемое государство соблюдает законы, правила и обычаи государства пребывания.

Статья 13

Неприкосновенность консульских помещений

1. Консульские помещения неприкосновенны в соответствии с положениями настоящей статьи.

2. Власти государства пребывания не могут вступать в ту часть консульских помещений, которая используется исключительно для работы консульского учреждения, иначе как с согласия главы консульского учреждения, главы дипломатического представительства государства или назначенного одним из них лица. Если не будет прямого отказа со стороны лиц, упомянутых в настоящем пункте, то в случае пожара или другого стихийного бедствия, требующего безотлагательных мер защиты, власти государства пребывания могут вступать в консульские помещения. Однако властям не разрешается ни в коем случае нарушать принципы неприкосновенности архива консульских помещений и, в особенности, изучать или конфисковывать его.

3. При условии соблюдения положения пункта 2 настоящей статьи на государстве пребывания лежит специальная обязанность принимать все надлежащие меры для защиты консульских помещений от всяких вторжений или нанесения ущерба и для предотвращения всякого нарушения спокойствия консульского учреждения или оскорбления его достоинства.

4. Консульские помещения, предметы их обстановки, имущество консульского учреждения, а также его средства передвижения пользуются иммунитетом от любых видов реквизиции в целях государственной обороны или для общественных нужд.

Статья 14

Неприкосновенность консульского архива и документов

Консульские архивы и консульские документы неприкосновенны в любое время и независимо от их местонахождения.

Статья 15

Освобождение консульских помещений от налогов

1. Консульские помещения и резиденция главы консульского учреждения, владельцем или нанимателем которых является представляемое государство или любое лицо, действующее от его имени, освобождаются от всех государственных, районных или муниципаль-

ных налогов, сборов и пошлин, за исключением тех, которые представляют собой плату за конкретные виды обслуживания.

2. Налоговые изъятия, указанные в пункте 1 настоящей статьи, не распространяются на те сборы, пошлины и налоги, которыми по законам и правилам государства пребывания облагаются лица, заключившие договор с представляемым государством или с лицом, действующим от его имени.

Статья 16

Свобода передвижения

Поскольку это не противоречит законам и правилам о зонах, въезд в которые запрещается или регулируется по соображениям государственной безопасности, государство пребывания обеспечивает всем работникам консульского учреждения свободу передвижения и поездок по его территории.

Статья 17

Свобода сношений

1. Государство пребывания должно разрешать и охранять свободу сношений консульского учреждения для всех официальных целей. При сношениях с правительством, дипломатическими представительствами и другими консульскими учреждениями представляемого государства, где бы они ни находились, консульское учреждение может пользоваться всеми подходящими средствами, включая дипломатических и консульских курьеров, дипломатические или консульские вализы и закодированные или шифрованные депеши. Однако установить радиопередатчик и пользоваться им консульское учреждение может лишь с согласия государства пребывания.

2. Официальная корреспонденция консульского учреждения неприкосновенна. Под официальной корреспонденцией понимается вся корреспонденция, относящаяся к консульскому учреждению и его функциям.

3. Все места, составляющие консульскую вализу, должны иметь видимые внешние знаки, указывающие на их характер, и могут содержать только официальную корреспонденцию и документы или предметы, предназначенные исключительно для официального пользования.

4. Консульская вализа не подлежит ни вскрытию, ни задержанию. Однако в тех случаях, когда компетентные власти государства пребывания имеют серьезные основания полагать, что в вализе содержится что-то другое, кроме корреспонденции, документов или предметов, перечисленных в пункте 3 настоящей статьи, они могут потребовать, чтобы вализа была вскрыта в их присутствии уполномоченным представителем представляемого государства. В том случае, если власти представляемого государства откажутся выполнить это требование, вализа возвращается в место отправления.

5. Консульский курьер снабжается официальным документом, в котором указывается его статус и число мест, составляющих консульскую вализу. За исключением случаев, когда имеется согласие государства пребывания, он не может быть ни гражданином государства пребывания, ни, если он не является гражданином представляемого государства, лицом, постоянно проживающим в государстве пребывания. При выполнении своих функций он находится под защитой государства пребывания, пользуется личной неприкосновенностью и не подлежит ни аресту, ни задержанию в какой бы то ни было форме.

6. Представляемое государство, его дипломатические представительства и консульские учреждения могут назначать специальных консульских курьеров ad hoc. В таких случаях также применяются положения пункта 5 настоящей статьи, за тем исключением, что упомянутые в нем иммунитеты прекращаются в момент доставки таким курьером вверенной ему консульской вализы по назначению.

7. Консульская вализа может быть вверена командиру судна или гражданского самолета, направляющегося в порт или аэропорт, прибытие в который разрешено. Он снабжается официальным документом с указанием числа мест, составляющих вализу, но он не считается консульским курьером. По согласованию с компетентными местными властями консульское учреждение может направить одного из своих работников принять вализу непосредственно и беспрепятственно от командира судна или самолета, а также передать ему такую вализу.

Статья 18

Личная неприкосновенность консульских должностных лиц

1. Консульские должностные лица не подлежат ни аресту, ни предварительному заключению, иначе как на основании постановлений компетентных судебных властей в случае совершения тяжких преступлений.

2. За исключением случаев, указанных в пункте 1 настоящей статьи, консульские должностные лица не могут быть заключены в тюрьму и не подлежат никаким другим формам ограничений личной свободы, иначе как во исполнение судебных постановлений, вступивших в законную силу.

3. Если против консульского должностного лица возбуждается уголовное дело, это лицо должно явиться в компетентные органы. Тем не менее при производстве дела ему должно оказываться уважение ввиду его официального положения и, кроме случаев, предусмотренных в пункте 1 настоящей статьи, должно ставиться как можно меньше препятствий выполнению им консульских функций. Когда возникает необходимость задержания консульского должностного лица в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи, судебное преследование должно быть начато против него в возможно короткий срок.

4. В случае ареста или предварительного заключения какого-либо работника консульского персонала или возбуждения против него уголовного дела государство пребывания незамедлительно уведомляет об этом главу консульского учреждения. Если последний сам подвергается таким мерам, государство пребывания уведомляет об этом представляемое государство через дипломатические каналы.

Статья 19

Иммунитет от юрисдикции

1. Консульские должностные лица и консульские служащие не подлежат юрисдикции судебных или административных органов государства пребывания в отношении действий, совершаемых ими при выполнении консульских функций.

2. Однако положения пункта 1 настоящей статьи не применяются в отношении гражданского иска:

а) вытекающего из договора, заключенного консульским должностным лицом или консульским служащим, по которому они прямо или косвенно не приняли на себя обязательств в качестве агента представляемого государства; либо

б) третьей стороны за ущерб, причиненный несчастным случаем в государстве пребывания, вызванным дорожным транспортным средством, судном или самолетом.

Статья 20

Обязанность давать свидетельские показания

1. Работники консульского учреждения могут вызываться в качестве свидетелей при производстве судебных или административных дел. Консульский служащий или работник обслуживающего персонала, за исключением случаев, упомянутых в пункте 3 настоящей статьи, не может отказываться давать показания. Если консульское должностное лицо отказывается давать показания, к нему не могут применяться никакие меры принуждения или наказания.

2. Орган, которому требуется показание консульского должностного лица, должен избегать причинения помех выполнению этим лицом своих функций. Он может, когда это возможно, заслушивать такие показания на дому у этого лица или в консульском учреждении или же принимать от него письменные показания.

3. Работники консульского учреждения не обязаны давать показания по вопросам, связанным с выполнением ими своих функций, или представлять относящуюся к их функциям официальную корреспонденцию и документы. Они также не обязаны давать показания, разъясняющие законодательство представляемого государства.

Статья 21

Отказ от привилегий и иммунитетов

1. Представляемое государство может отказаться от любых привилегий и иммунитетов работников консульского учреждения или членов их семей, предусмотренных в статьях 18, 19 и 20.

2. За исключением случая, предусмотренного в пункте 3 настоящей статьи, такой отказ всегда должен быть определенно выраженным и о нем должно быть сообщено государству пребывания в письменной форме.

3. Возбуждение консульским должностным лицом или консульским служащим дела в том случае, когда он мог бы воспользоваться иммунитетом от юрисдикции согласно ст. 19, лишает его права ссылаться на иммунитет в отношении какого бы то ни было встречного иска, непосредственно связанного с основным иском.

4. Отказ от иммунитета от юрисдикции в отношении гражданского или административного дела не означает отказа от иммунитета от исполнительных действий, являющихся результатом судебного решения; в отношении таких действий необходим отдельный отказ.

Статья 22

Освобождение от регистрации иностранцев и от получения разрешения на жительство

1. Консульские должностные лица, консульские служащие и члены их семей, проживающие вместе с ними, освобождаются от всех обязанностей, предусмотренных законами и правилами государства пребывания в отношении регистрации иностранцев, и от получения разрешения на жительство.

2. Положения пункта 1 настоящей статьи не применяются, однако, к любому консульскому служащему, который не является постоянным служащим представляемого государства, а также к любому члену семьи такого служащего.

Статья 23

Освобождение от получения разрешения на работу

1. Работники консульского учреждения в том, что касается выполнения работы для представляемого государства, освобождаются от любых обязанностей, связанных с получением разрешения на работу, установленных законами и правилами государства пребывания о найме на работу иностранцев.

2. Частные домашние работники консульских должностных лиц и консульских служащих, если они не занимаются в государстве пребывания никакой другой деятельностью с целью получения доходов, освобождаются от обязанностей, о которых говорится в пункте 1 настоящей статьи.

Статья 24

Изыятие, относящееся к социальному обеспечению

1. За исключением случаев, предусмотренных в пункте 3 настоящей статьи, постановления о социальном обеспечении, действующие в государстве пребывания, не распространяются на работников консульского учреждения и на членов их семей, проживающих вместе с ними, в том, что касается работы, выполняемой ими для представляемого государства.

2. Изъятие, предусмотренное в пункте 1 настоящей статьи, распространяется также на частных домашних работников, которые находятся исключительно на службе у работников консульского учреждения, при условии:

а) что они не являются гражданами государства пребывания и не проживают в нем постоянно; и

б) что на них распространяются положения о социальном обеспечении, действующие в представляемом государстве или в третьем государстве.

3. Работники консульского учреждения, нанимающие лиц, на которых не распространяются изъятия, предусмотренные в пункте 2 настоящей статьи, должны выполнять обязательства, налагаемые на нанимателей.

4. Изъятия, предусмотренные в пунктах 1 и 2 настоящей статьи, не препятствуют добровольному участию в системе социального обеспечения в государстве пребывания при условии, что такое участие разрешается этим государством.

Статья 25

Налоговые изъятия

1. Консульские должностные лица и консульские служащие, а также члены их семей, проживающие вместе с ними, освобождаются от всех налогов, сборов и пошлин, личных и имущественных государственных, районных и муниципальных, за исключением:

а) косвенных налогов, которые обычно включаются в стоимость товаров или обслуживания;

б) сборов и налогов на частное недвижимое имущество, находящееся на территории государства пребывания, с изъятиями, предусмотренными в положениях статьи 15;

с) налогов на наследственное имущество или пошлин на наследование или налогов на переход имущества, взимаемых государством пребывания, с изъятиями, предусмотренными в положениях пункта б) статьи 27;

д) налогов и сборов на частный доход, включая доходы с капитала, источник которого находится в государстве пребывания, и налогов на капиталовложения в коммерческие или финансовые предприятия в государстве пребывания;

е) сборов, взимаемых за конкретные виды обслуживания;

ф) регистрационных, судебных и реестровых пошлин, ипотечных сборов, гербовых сборов с изъятиями, предусмотренными в положениях статьи 15.

2. Работники обслуживающего персонала освобождаются от налогов, сборов и пошлин на заработную плату, получаемую ими за свою работу.

3. Работники консульского учреждения, нанимающие лиц, заработная плата которых не освобождена от подоходного налога в государстве пребывания, выполняют обязательства, налагаемые законами и правилами подоходного налога.

Статья 26

Освобождение от таможенных пошлин и досмотра

1. Государство пребывания в соответствии с принятыми в нем законами и правилами разрешает ввоз и освобождает от всех таможенных пошлин, налогов и связанных с этим сборов, за исключением сборов за хранение, перевозку и подобного рода услуги:

а) предметы, предназначенные для официального пользования консульским учреждением;

б) предметы, предназначенные для личного пользования консульским должностным лицом или членами его семьи, проживающими вместе с ним, включая предметы, предназначенные для его обустройства. Количество потребительских товаров не должно превышать количества, необходимого для непосредственного потребления соответствующими лицами.

2. Консульские служащие пользуются привилегиями и освобождениями, предусмотренными в пункте 1 настоящей статьи, в отношении предметов, ввезенных во время их первоначального обустройства.

3. Личный багаж консульских должностных лиц и членов их семей, проживающих вместе с ними, который следует вместе с этими лицами, освобождается от досмотра. Он может быть досмотрен лишь в случае, если есть серьезные основания предполагать, что в нем содержатся предметы иные, чем это

указано в подпункте б) пункта 1 настоящей статьи, или же предметы, ввоз и вывоз которых запрещен законами и правилами государства пребывания или которые подпадают под его карантинные законы и правила. Такой досмотр должен производиться в присутствии соответствующего консульского должностного лица или члена его семьи.

Статья 27

Наследственное имущество работников консульского учреждения и членов их семей

В случае смерти работника консульского учреждения или члена его семьи, проживающего вместе с ним, государство пребывания:

а) разрешает вывоз движимого имущества умершего, за исключением имущества, которое было приобретено в государстве пребывания и вывоз которого был запрещен в момент его смерти;

б) не взимает никаких государственных, районных или муниципальных налогов на наследство или пошлин на наследование с движимого имущества, которое находится в государстве пребывания исключительно в связи с пребыванием в этом государстве умершего лица в качестве работника консульского учреждения или члена его семьи.

Статья 28

Освобождение от личных повинностей и обложений

Государство пребывания обязано освобождать работников консульского учреждения и членов их семей, проживающих вместе с ними, от всех трудовых и государственных повинностей, независимо от их характера, а также от воинских повинностей, таких как реквизиция, контрибуция и военный постой.

Статья 29

Начало и конец консульских привилегий и иммунитетов

1. Каждый работник консульского учреждения пользуется привилегиями и иммунитетами, предусмотренными в настоящей Конвенции, с момента его вступления на территорию государства пребывания при следовании к месту своего назначения или, если он уже находится на этой территории, с момента, когда он приступил к выполнению своих обязанностей.

2. Члены семьи работника консульского учреждения, проживающие вместе с ним, и его частные домашние работники пользуются привилегиями и иммунитетами, предусмотренными в настоящей Конвенции, с момента предоставления ему привилегий и иммунитетов в соответствии с пунктом 1 настоящей статьи или с момента вступления их на территорию государства пребывания, или же с того момента, когда они стали членами его семьи или его частными домашними работниками, в зависимости от того, что имело место позднее.

3. Когда функции работника консульского учреждения прекращаются, его привилегии и иммунитеты, а также привилегии и иммунитеты члена его семьи, проживающего вместе с ним, или его частного домашнего работника обычно

прекращаются в момент, когда данное лицо оставляет государство пребывания, или по истечении разумного срока, чтобы это сделать, в зависимости от того, какой из этих моментов наступит раньше, но до этого времени они продолжают существовать, даже в случае вооруженного конфликта. Что касается лиц, упомянутых в пункте 2 настоящей статьи, их привилегии и иммунитеты прекращаются, когда они перестают быть членами семьи работника консульского учреждения или оставляют свою службу у него, однако с оговоркой, что если такие лица намереваются покинуть государство пребывания в течение разумного срока, то их привилегии и иммунитеты сохраняются до момента их отъезда.

4. Однако в отношении действий, совершаемых консульским должностным лицом или консульским служащим при выполнении своих функций, иммунитет от юрисдикции продолжает существовать без ограничения каким-либо сроком.

5. В случае смерти работника консульского учреждения члены его семьи, проживавшие вместе с ним, продолжают пользоваться предоставленными им привилегиями и иммунитетами до момента оставления ими государства пребывания или до истечения разумного срока на оставление государства пребывания, в зависимости от того, какой из этих моментов наступит раньше.

Статья 30

Уважение законов и правил государства пребывания

1. Все лица, пользующиеся привилегиями и иммунитетами, обязаны, без ущерба для их привилегий и иммунитетов, уважать законы и правила государства пребывания. Они также обязаны не вмешиваться во внутренние дела этого государства.

2. Консульские помещения не должны использоваться в целях, не совместимых с выполнением консульских функций.

3. Положения пункта 2 настоящей статьи не исключают возможности размещения канцелярий и других органов или учреждений в части здания, где находятся консульские помещения, при условии, что помещения, отведенные таким канцеляриям, будут отделены от помещений, которыми пользуется консульское учреждение. В этом случае указанные канцелярии не являются частью консульских помещений согласно настоящей Конвенции.

Статья 31

Страхование от вреда, причиненного третьим лицам

Работники консульского учреждения должны соблюдать любые требования, предусматриваемые законами и правилами государства пребывания в отношении страхования от вреда, который может быть причинен третьим лицам в связи с использованием любого дорожного транспортного средства, судна или самолета.

Статья 32

Специальные положения относительно частной деятельности с целью получения доходов

1. Консульские должностные лица не должны заниматься в государстве пребывания какой-либо профессиональной или коммерческой деятельностью с целью получения личных доходов.

2. Привилегии и иммунитеты, предусмотренные в настоящей Конвенции, не предоставляются:

а) консульским служащим или работникам обслуживающего персонала, которые в государстве пребывания занимаются частной деятельностью с целью получения доходов;

б) членам семьи лица, о котором идет речь в подпункте а) настоящего пункта, или его частным домашним работникам;

с) членам семьи работника консульского учреждения, которые сами занимаются в государстве пребывания частной деятельностью с целью получения доходов.

Статья 33

Граждане государства пребывания и лица, постоянно проживающие в нем

Работники консульского учреждения, помимо консульских должностных лиц, являющиеся гражданами государства пребывания или постоянно проживающие в нем, и члены их семей, а также члены семей работников консульского учреждения пользуются преимуществами, привилегиями и иммунитетами лишь в той степени, в какой они предоставлены им государством пребывания. Государство пребывания, однако, должно осуществлять свою юрисдикцию над этими лицами таким образом, чтобы не создавать ненужных препятствий выполнению функций консульского учреждения.

Статья 34

Выполнение консульских функций

Консульские функции выполняются консульскими учреждениями. Они выполняются также дипломатическими представительствами в соответствии с положениями настоящей Конвенции.

Статья 35

Выполнение консульских функций дипломатическим представительством

1. Положения настоящей Конвенции также применяются в той степени, в какой это вытекает из контекста, в случае выполнения консульских функций дипломатическим представительством.

2. Фамилии сотрудников дипломатического представительства сообщаются министерству иностранных дел государства пребывания или органу, указанному этим министерством.

3. При выполнении консульских функций дипломатическое представительство может обращаться как к местным, так и к центральным властям государства пребывания в той мере, в какой это разрешают законы, правила и обычаи государства пребывания.

4. Привилегии и иммунитеты сотрудников дипломатического представительства, о которых говорится в пункте 2 настоящей статьи, продолжают регу-

лироваться нормами международного права, касающимися дипломатических отношений.

Статья 36

Выполнение консульских функций в пределах и за пределами консульского округа, в третьем государстве или от имени третьего государства

1. Консульское должностное лицо имеет право выполнять в пределах своего консульского округа консульские функции, указанные в настоящей Конвенции.

2. Консульское должностное лицо может, с согласия государства пребывания, выполнять консульские функции за пределами своего консульского округа.

3. Представляемое государство может после уведомления соответствующих государств поручить консульскому учреждению, открытому в государстве пребывания, выполнение консульских функций в третьем государстве, если не имеется определенно выраженного возражения со стороны государства пребывания.

4. После соответствующего уведомления государства пребывания консульское учреждение представляемого государства может, если государство пребывания не возражает, выполнять консульские функции в государстве пребывания от имени третьего государства.

Статья 37

Консульские функции в целом

С учетом положений другой связанной с этой статьи настоящей Конвенции консульскими функциями являются:

а) защита в государстве пребывания интересов представляемого государства и его граждан (физических и юридических лиц) в пределах, допускаемых международным правом;

б) содействие развитию торговых, экономических, культурных и научных связей между представляемым государством и государством пребывания, а также содействие развитию дружественных отношений между ними иными путями в соответствии с положениями настоящей Конвенции;

в) выяснение всеми законными путями условий и событий в торговой, экономической, культурной и научной жизни государства пребывания, сообщение о них правительству представляемого государства и представление сведений заинтересованным лицам;

г) выдача, аннулирование, исправление, изъятие или задержание паспортов и других проездных документов граждан представляемого государства и выдача, продление или аннулирование виз или соответствующих документов лиц, желающих поехать в представляемое государство;

е) оказание помощи и содействия гражданам (физическим и юридическим лицам) представляемого государства;

ф) получение помощи от компетентных органов государства пребывания для определения местонахождения граждан представляемого государства, когда речь идет о их благосостоянии или других гуманитарных соображениях;

- г) защита права граждан представляемого государства на срочный отъезд из государства пребывания при условии:
- i) выполнения при возникновении особых обстоятельств административных или судебных процедур, касающихся лица, намеренного уехать; и
 - ii) выполнения лицом, намеренным уехать, обычных формальностей, связанных с отъездом, но необходимость выполнения этих требований не носит дискриминационного характера и не используется для того, чтобы воспрепятствовать срочному отъезду;
- h) исполнение обязанностей нотариуса, регистратора актов гражданского состояния и других подобных обязанностей, а также выполнение некоторых функций административного характера при условии, что в этом случае ничто не противоречит законам и правилам государства пребывания;
- i) охрана интересов граждан (физических и юридических лиц) представляемого государства в случае преемства "mortis causa" на территории государства пребывания в соответствии с законами и правилами государства пребывания;
 - j) охрана в рамках, установленных законами и правилами государства пребывания, интересов несовершеннолетних и иных лиц, не обладающих полной дееспособностью, которые являются гражданами представляемого государства, в особенности когда требуется установление над такими лицами какой-либо опеки или попечительства;
 - k) с соблюдением практики и порядка, принятых в государстве пребывания, представительство или обеспечение надлежащего представительства граждан представляемого государства в судебных и иных учреждениях государства пребывания с целью получения в соответствии с законами и правилами государства пребывания распоряжений о предварительных мерах, ограждающих права и интересы этих граждан, если, в связи с отсутствием или по другим причинам, такие граждане не могут своевременно осуществить защиту своих прав и интересов;
 - l) передача судебных и несудебных документов или исполнение судебных поручений или же поручений по снятию показаний для судов представляемого государства в соответствии с действующими международными соглашениями или, при отсутствии таких соглашений, в любом ином порядке, не противоречащем законам и правилам государства пребывания;
 - m) осуществление предусматриваемых законом и правилами представляемого государства прав надзора и инспекции в отношении судов, имеющих национальность представляемого государства, и самолетов, зарегистрированных в этом государстве, а также в отношении их экипажа;
 - n) оказание помощи судам и самолетам, упомянутым в пункте m) настоящей статьи, и их экипажу, принятие заявлений относительно плавания судов, осмотр и оформление судовых документов и, без ущерба для прав властей государства пребывания, расследование любых происшествий, имевших место в пути, и разрешение всякого рода споров между капитаном, командным составом и матросами, поскольку это предусматривается законами и правилами представляемого государства;
 - o) выполнение любых других функций, возложенных на консульское учреждение представляемым государством, которые не запрещаются законами и правилами государства пребывания или против выполнения которых государство пребывания не имеет возражений или же которые предусмотрены международными договорами, действующими между представляемым государством и государством пребывания.

Статья 38

Консульский доступ

1. Консульские должностные лица могут свободно сношиться с гражданами представляемого государства и иметь доступ к ним. Граждане представляемого государства имеют такую же свободу в том, что касается сношений с консульскими должностными лицами представляемого государства и доступа к ним.

2. Консульские должностные лица могут обращаться к компетентным властям государства пребывания за содействием в розыске пропавших без вести граждан представляемого государства.

Статья 39

Функции в отношении ареста и судебного разбирательства

1. Если какой-либо гражданин представляемого государства арестован на территории консульского округа, компетентные органы государства пребывания безотлагательно уведомляют об этом консульское учреждение представляемого государства.

2. Любое сообщение, адресуемое этому консульскому учреждению гражданином представляемого государства, находящимся под арестом, безотлагательно передается органами государства пребывания этому консульскому учреждению.

3. Консульское должностное лицо имеет право посещать находящегося под арестом гражданина представляемого государства для беседы с ним, а также с целью передачи или получения от него корреспонденций и посылок и принятия мер к обеспечению для него юридического представительства. Разрешение на первое из этих посещений дается в кратчайший возможный срок. Разрешения на последующие посещения даются через определенные периоды времени, но не реже чем раз в 2 месяца.

4. Консульские должностные лица воздерживаются от принятия любых мер от имени находящегося под арестом гражданина представляемого государства, если данный гражданин в присутствии консульского должностного лица прямо возражает против таких действий.

5. Государство пребывания информирует граждан представляемого государства, находящихся под стражей или подлежащих суду или иному разбирательству, о положениях настоящей статьи.

6. В настоящей статье ссылка на лицо, находящееся под арестом, включает ссылку на лицо, находящееся под стражей, арестованное или подвергнутое какой-либо иной форме ограничения свободы личности, включая лицо, находящееся в предварительном заключении в ожидании судебного разбирательства или отбывающее в тюрьме наказание на территории государства пребывания.

7. Права, изложенные в настоящей статье, осуществляются в соответствии с законами и правилами государства пребывания при условии, что эти законы и правила способствуют полному достижению целей, для которых предназначены эти права.

Функции в отношении наследства

1. Компетентные органы государства пребывания в кратчайший возможный срок уведомляют консульское должностное лицо о смерти на территории его консульского округа лица, которое этим органам известно как гражданин представляемого государства, а также информируют консульское должностное лицо о наличии наследственного имущества, завещания, а также о том, что какое-либо лицо, находящееся или представленное на территории государства пребывания, назначено распорядителем этого имущества.

2. Компетентные органы государства пребывания в кратчайший возможный срок информируют консульское должностное лицо о наследственном имуществе, оставленном на территории государства пребывания, в том случае, когда наследником или отказополучателем является представляемое государство или какое-либо лицо, которое известно этим компетентным органам как гражданин представляемого государства.

3. Если консульское должностное лицо первым узнает о смерти на территории государства пребывания гражданина представляемого государства или о наличии на территории государства пребывания наследственного имущества, оставленного покойным гражданином представляемого государства, оно информирует об этом компетентные органы государства пребывания.

4. Консульское должностное лицо в отношении вопросов наследственного имущества, упомянутых в пунктах 1, 2 и 3 настоящей статьи, а также в той степени, в какой это допустимо в соответствии с законами и правилами государства пребывания, имеет право:

а) просить государство пребывания принять меры или же лично предпринять шаги по обеспечению защиты, сохранности и распоряжению этим наследственным имуществом;

б) присутствовать или каким-либо иным образом участвовать в принятии мер, о которых говорится в подпункте а) настоящего пункта;

в) обеспечивать представительство гражданина представляемого государства, имеющего законный интерес в этом имуществе, который не присутствует в государстве пребывания и не имеет в нем представителя.

5. В том случае, когда в соответствии с пунктом 4 в) настоящей статьи принимаются меры по обеспечению представительства, это представительство действует до тех пор, пока представленные таким образом лица не назначают своих собственных представителей или не возьмут на себя ответственность за защиту своих прав и интересов.

6. Если какой-либо гражданин представляемого государства умирает в период своего временного нахождения на территории государства пребывания и при этом не имеет в этом государстве постоянного местожительства, консульское должностное лицо с учетом закона представляемого государства может вступить во владение и распорядиться документами, деньгами и другим личным имуществом умершего при том условии, что на территории государства пребывания нет лица, имеющего права претендовать на такие документы, деньги или личное имущество. Права временного владения передаются в соответствии с законами и правилами государства пребывания должным образом назначенному распорядителю или иному уполномоченному лицу.

7. Представляемое государство и государство пребывания содействуют передаче наследства:

а) путем выдачи разрешения на вывоз и ввоз предметов, являющихся частью наследственного имущества, в тех случаях, когда вывоз и ввоз этих

предметов прямо не запрещен законами и правилами государств, от которых требуется выдача разрешения на ввоз или вывоз; и

б) путем выдачи разрешения на реализацию любой части наследственного имущества, которая не вывозится в соответствии с положениями подпункта а) настоящего пункта; и

с) путем выдачи разрешения на перевод чистой выручки от такой реализации, за вычетом вознаграждений, налогов и пошлин, отказополучателю в государство его местожительства в валюте представляемого государства или любой свободно конвертируемой валюте.

8. Консульское должностное лицо может от имени гражданина представляемого государства, если такой гражданин не находится на территории государства пребывания, получать от суда, властей или отдельных лиц деньги или иную собственность, на которую данный гражданин имеет право в связи со смертью любого лица, включая наследственное имущество, платежи, сделанные в соответствии с законами о выплате компенсаций в связи с несчастными случаями, а также платежи по страховым полисам в связи со страхованием жизни.

Статья 41

Функции в отношении вопросов гражданства

Консульское должностное лицо имеет право:

а) регистрировать граждан представляемого государства;

б) принимать заявления и получать, выдавать или вручать документы, касающиеся вопросов гражданства, с учетом законов и постановлений представляемого государства.

Статья 42

Функция в отношении вопросов гражданского состояния

1. Консульское должностное лицо имеет право:

а) вести книги записей рождения и смерти граждан представляемого государства и принимать и получать соответствующие сообщения и документы;

б) принимать любые ходатайства или заявления, касающиеся гражданского состояния граждан представляемого государства.

2. Положения пункта 1 настоящей статьи не освобождают соответствующих лиц от каких-либо обязательств, вытекающих из законов и постановлений государства пребывания.

Статья 43

Функция в отношении опеки

1. В случае наличия у компетентных органов государства пребывания соответствующей информации они обязаны безотлагательно уведомить компетентное консульское учреждение о любом случае, когда назначение опекуна или попечителя отвечает интересам несовершеннолетнего или другого лица, не обладающего полной дееспособностью и являющегося гражданином представляемого государства.

2. Консульское должностное лицо имеет право предлагать компетентным органам государства пребывания фамилии подходящих лиц для назначения их опекунами или попечителями.

Статья 44

Оказание помощи судам

1. Консульское должностное лицо имеет право оказывать надлежащую помощь и поддержку судну представляемого государства, находящемуся в порту или на иной якорной стоянке в государстве пребывания или же во внутренних и территориальных водах государства пребывания.

2. Консульское должностное лицо имеет право встречаться и сноситься с капитаном и членами экипажа на судне и в любом другом месте в соответствии с законами и правилами государства пребывания.

3. Консульское должностное лицо может обращаться к компетентным органам государства пребывания и просить их поддержки в осуществлении своих функций в отношении всех вопросов, касающихся судна представляемого государства, а также в отношении капитана, членов экипажа и груза.

Статья 45

Оказание помощи капитану и экипажу

1. В той мере, в какой нижеследующие действия не противоречат законам и правилам государства пребывания, консульское должностное лицо имеет право:

а) расследовать любые инциденты, имеющие место на борту судна представляемого государства, опрашивать капитана и любого члена экипажа в связи с такими инцидентами, досматривать судовые документы, получать информацию относительно рейса и пункта назначения судна, а также оказывать помощь в связи с прибытием и отбытием судна и его нахождением в порту;

б) разрешать споры между капитаном и членом экипажа, включая споры в отношении заработной платы и трудовых договоров;

в) выполнять формальности, связанные с наймом и увольнением капитана или членов экипажа;

г) обеспечивать медицинское лечение капитана, членов экипажа или пассажиров судна и принимать меры к их возвращению в представляемое государство;

е) получать, составлять, заверять или продлевать срок действия любого заявления или иного документа, предусматриваемого законами и правилами представляемого государства, в отношении судна представляемого государства или его груза;

ф) принимать другие меры для применения законов и правил представляемого государства в отношении торгового судоходства.

2. Консульское должностное лицо имеет право в соответствии с законами и правилами государства пребывания сопровождать капитана или любого другого члена экипажа в суде или других органах государства пребывания для оказания им помощи.

Защита интересов в случае проведения расследований на борту судна

1. Если суды или другие компетентные органы государства пребывания намерены принять принудительные меры или провести расследование на борту судна представляемого государства, находящегося во внутренних или территориальных водах государства пребывания, консульское должностное лицо должно заранее уведомляться об этом компетентными властями государства пребывания, с тем чтобы оно имело возможность присутствовать при принятии таких мер. Если консульское должностное лицо не присутствует при принятии таких мер, компетентные органы государства пребывания по просьбе информируют его об этом в письменной форме. Если срочный характер мер, которые необходимо принять, не позволяет направить благоприятное уведомление консульскому должностному лицу, компетентные органы государства пребывания информируют консульское должностное лицо в письменной форме об этом факте и принятых мерах даже при отсутствии соответствующей просьбы консульского должностного лица.

2. Положения пункта 1 настоящей статьи также применяются в том случае, когда компетентные органы государства пребывания вызывают капитана судна или какого-либо члена экипажа представляемого государства для дачи показаний на берегу по вопросам, касающимся судна.

3. За исключением тех случаев, когда это осуществляется по просьбе или с разрешения консульского должностного лица или капитана судна представляемого государства, судебные или другие компетентные органы государства пребывания не вмешиваются на борту судна представляемого государства во внутренние дела судна по вопросам, касающимся взаимоотношений между членами экипажа, трудовых отношений, дисциплины на борту судна и других мероприятий внутреннего характера, имеющих отношение к судну, при условии, что при этом не нарушаются законы и правила, касающиеся обеспечения спокойствия и безопасности государства пребывания.

4. Положения настоящей статьи не применяются, однако, к обычным мерам, связанным с таможенным досмотром, иммиграционным, паспортным и санитарным контролем, или к другим мерам, принимаемым компетентными органами государства пребывания по просьбе или с согласия капитана судна. Настоящая статья не затрагивает права и обязанности сторон, вытекающие из многосторонних договоров, действующих между ними.

Помощь в случае повреждения судов

1. Если судно представляемого государства потерпело крушение, село на мель или иным образом пострадало во внутренних или территориальных водах государства пребывания, компетентные органы государства пребывания в возможно кратчайший срок информируют об этом консульское должностное лицо и сообщают ему о мерах, принятых для спасения пассажиров и экипажа и спасения судна и его груза.

2. Консульское должностное лицо может либо оказать помощь судну представляемого государства, членам его экипажа и тем пассажирам судна, которые являются гражданами представляемого государства, либо просить государство пребывания оказать такую помощь.

3. Если владелец судна представляемого государства, капитан или другое уполномоченное лицо не в состоянии принять необходимые меры для обеспечения охраны и спасения судна или его груза или для того, чтобы распорядиться ими, консульское должностное лицо представляемого государства от имени владельца либо принимает такие меры, которые принял бы владелец судна или груза в таком случае, либо обращается к государству пребывания с просьбой принять такие меры.

4. Положения пунктов 1, 2 и 3 настоящей статьи применяются также в отношении предметов, принадлежащих гражданину представляемого государства или третьего государства, и которые были найдены на берегу или в водах государства пребывания или были доставлены в порт государства пребывания.

5. Компетентные органы государства пребывания оказывают всю необходимую помощь консульскому должностному лицу при принятии мер, связанных со спасением судна представляемого государства.

6. Судно представляемого государства, которое было повреждено, а также его груз и имущество освобождаются от таможенных налогов, сборов и пошлин в государстве пребывания, за исключением тех случаев, когда судно и его груз оставлены в этом государстве в ожидании уплаты пошлины.

Статья 48

Функция в отношении воздушных судов

Статьи 44—47 настоящей Конвенции применяются также в отношении гражданских воздушных судов в той мере, в какой они не противоречат любому международному соглашению по гражданской авиации, сторонами которого являются оба государства.

Статья 49

Сношения с органами государства пребывания

При выполнении своих функций консульские должностные лица могут обращаться:

- а) в компетентные местные органы своего консульского округа;
- б) в компетентные центральные органы государства пребывания в той степени, в какой это допускается законами, правилами и обычаями государства пребывания или соответствующими международными договорами.

Статья 50

Консульские сборы и пошлины

1. Консульское учреждение может взимать за совершение консульских действий на территории государства пребывания сборы и пошлины, предусматриваемые законами и правилами представляемого государства.

2. Суммы, собираемые в форме сборов и пошлин, о которых упоминается в пункте 1 настоящей статьи, и квитанции в получении таких сборов и пошлин освобождаются в государстве пребывания от всех налогов, сборов и пошлин.

3. Государство пребывания разрешает консульскому учреждению помещать собранные таким образом суммы на свой официальный банковский счет.

Статья 51

Прекращение функций работников консульского учреждения

Функции работника консульского учреждения прекращаются, в частности:

- а) по уведомлении государства пребывания представляемым государством о том, что его функции прекращаются;
- б) по аннулированию экзекватуры или иного разрешения, выданного государством пребывания согласно статье 3;
- в) по уведомлении государством пребывания представляемого государства о том, что государство пребывания перестало считать его работником консульского персонала.

Статья 52

Отбытие из государства пребывания

Государство пребывания должно даже в случае вооруженного конфликта предоставлять работникам консульского учреждения и частным домашним работникам, не являющимся гражданами государства пребывания, а также членам им семей, проживающим вместе с ними, независимо от их гражданства, время и условия, необходимые для того, чтобы они могли подготовиться к отъезду и выехать как можно скорее после прекращения функций соответствующих работников. В частности, оно должно предоставить в случае необходимости в их распоряжение транспортные средства, которые требуются для них самих или для их имущества, за исключением имущества, приобретенного в государстве пребывания, вывоз которого во время отбытия запрещен.

Статья 53

Охрана консульских помещений и архива, а также интересов представляемого государства при исключительных обстоятельствах

1. В случае разрыва консульских отношений между двумя государствами:

- а) государство пребывания должно даже в случае вооруженного конфликта уважать и охранять консульские помещения, а также имущество консульского учреждения и консульский архив;
- б) представляемое государство можетверить охрану консульских помещений, а также имущества, которое в них находится, и консульского архива третьему государству, приемлемому для государства пребывания;
- в) представляемое государство можетверить защиту своих интересов и интересов своих граждан третьему государству, приемлемому для государства пребывания.

2. В случае временного или окончательного закрытия консульского учреждения применяются положения подпункта а) пункта 1 настоящей статьи. Кроме того:

- а) если представляемое государство не имеет в государстве пребывания дипломатического представительства, но имеет на территории этого государства другое консульское учреждение, этому консульскому учреждению может быть

вверена охрана помещений закрытого консульского учреждения вместе с находящимся в них имуществом и консульским архивом и с согласия государства пребывания выполнения консульских функций в округе этого консульского учреждения; или

б) если представляемое государство не имеет в государстве пребывания ни дипломатического представительства, ни другого консульского учреждения, применяются положения подпунктов б) и с) пункта 1 настоящей статьи.

Статья 54

Вступление в силу и срок действия Конвенции

1. Настоящая Конвенция подлежит ратификации в соответствии с конституционными положениями Договаривающихся Сторон и вступает в силу через 30 дней после даты обмена ратификационными грамотами.

2. Настоящая Конвенция остается в силе до истечения шести месяцев с даты, когда одна из Договаривающихся Сторон по дипломатическим каналам направит другой Договаривающейся Стороне письменное уведомление о своем намерении прекратить действие настоящей Конвенции.

Совершено в двух экземплярах в Сеуле 18 марта 1992 года на русском, корейском и английском языках, причем все тексты являются равно аутентичными. В случае различия в толковании преимущественную силу имеет текст на английском языке.

ЗА РОССИЙСКУЮ ФЕДЕРАЦИЮ
А. КОЗЫРЕВ

ЗА КОРЕЙСКУЮ РЕСПУБЛИКУ
ЛИ САН ОК

МЕМОРАНДУМ О ВЗАИМОПОНИМАНИИ МЕЖДУ ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ПРАВИТЕЛЬСТВОМ РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ ПО ВОПРОСАМ ВЫДАЧИ ВИЗ

Правительство Российской Федерации и Правительство Республики Корея (далее именуемые как "Стороны"), руководствуясь желанием дальнейшего укрепления дружественных отношений между двумя странами и

в целях обеспечения эффективного порядка выдачи виз гражданам обоих государств,

достигли договоренности о нижеследующем:

Статья 1

Выдача виз для краткосрочных поездок

1. Стороны будут рассматривать поездки, совершаемые их гражданами по территории соответственно Российской Федерации и Республики Корея, как краткосрочные, если их предполагаемая продолжительность не превышает 90 дней.

2. Стороны будут, как правило, давать ответ на запросы о выдаче виз для таких поездок, включая поездки в целях туризма, в течение 14 рабочих дней со времени подачи запроса.

3. Стороны будут выдавать визы, когда это разрешено, или готовы предоставить ответ по возможности в срок, не превышающий 3 рабочих дней со дня подачи запроса, для нижеследующих особых категорий лиц:

а) с российской стороны:

– Президент Российской Федерации;

– Вице-президент Российской Федерации;

– Председатель, Заместители Председателя Верховного Совета Российской Федерации, члены Президиума Верховного Совета Российской Федерации, депутаты Верховного Совета Российской Федерации;

– Председатель, Заместители Председателя, члены Правительства Российской Федерации, а также их заместители;

– другие должностные лица Российской Федерации, имеющие ранг министра или заместителя министра;

б) с корейской стороны:

– Президент Республики Корея;

– Члены Государственного совета и заместители министров;

– Члены Национальной Ассамблеи;

– Судьи Верховного Суда;

– другие должностные лица, имеющие ранг министра или заместителя министра;

в) супруги и находящиеся на иждивении дети, сопровождающие лиц, перечисленных в пунктах а) и б);

г) лица, сопровождающие перечисленных в пунктах а) и б) лиц, имеющие дипломатические или служебные паспорта.

4. Стороны будут выдавать визы, когда это разрешено, или готовы предоставить ответ по возможности в срок, не превышающий 5 рабочих дней со времени подачи запроса, для нижеследующих категорий лиц:

а) члены официальных делегаций, направляющиеся в Российскую Федерацию или Республику Корея для участия в переговорах и консультациях между обоими государствами или в многосторонних совещаниях;

б) должностные лица, выезжающие по служебным делам и имеющие дипломатические или служебные паспорта;

в) лица, выезжающие в соответствии с программами сотрудничества в области науки, техники, образования и культуры между Российской Федерацией и Республикой Корея после получения согласия на приезд со стороны принимающей организации.

Статья 2

Выдача виз для долгосрочных поездок

1. Стороны будут рассматривать в качестве долгосрочных поездки, которые совершаются их гражданами по территории Российской Федерации и Республики Корея соответственно сроком, превышающим 90 дней.

2. Стороны будут, как правило, предоставлять ответ на заявление о выдаче виз для таких поездок в течение одного календарного месяца со времени получения запроса.

Статья 3

Выдача многократных виз

1. Стороны будут, как правило, предоставлять ответ на запросы о выдаче многократных виз в течение одного календарного месяца со времени их получения.

2. В случае положительного решения Стороны будут выдавать многократные визы, действительные на срок пребывания в течение 4 лет, нижеследующим категориям лиц, имеющим дипломатические или служебные паспорта:

а) членам дипломатического и административно-технического персонала Посольства Российской Федерации в Сеуле и Посольства Республики Корея в Москве;

б) консульским должностным лицам и сотрудникам консульских учреждений Российской Федерации в Республике Корея и консульских учреждений Республики Корея в Российской Федерации;

в) супругам и находящимся на иждивении детям лиц, упомянутых в пунктах а) и б).

3. В случае положительного решения Стороны будут выдавать многократные визы, действительные в течение 2 лет, нижеперечисленным категориям лиц:

а) журналистам, постоянно аккредитованным соответственно в Российской Федерации и в Республике Корея, а также их супругам и находящимся на их иждивении детям;

б) представителям и сотрудникам постоянных представительств авиакомпаний, назначенным обоими государствами в соответствии с Соглашением о воздушном сообщении, а также их супругам и находящимся на их иждивении детям;

в) торговым представителям и сотрудникам постоянных коммерческих представительств, открытие которых было разрешено соответственно в Российской Федерации и Республике Корея, а также их супругам и находящимся на их иждивении детям.

4. Стороны будут благоприятно рассматривать запросы о выдаче многократных виз, действительных на 2 года, представителям деловых кругов, обосновавшим необходимость совершать частые поездки для коммерческих и экономических целей в Российскую Федерацию и Республику Корея.

Статья 4

Поездки по частным делам срочного гуманитарного характера

В безотлагательных случаях гуманитарного характера решения по визовым запросам будут приниматься и выполняться в течение 3 рабочих дней. Такие случаи включают среди прочих:

а) поездки с целью посещения серьезно больного члена семьи;

б) поездки лиц, нуждающихся, как подтверждается документами, в срочной медицинской помощи, или лиц с тяжелыми заболеваниями, удостоверяемыми соответствующим образом;

в) поездки для участия в похоронах члена семьи.

Статья 5

Транзитные визы

Стороны будут, как правило, предоставлять ответ на запросы о выдаче транзитных виз с остановкой до 3 дней в течение 4 рабочих дней с момента обращения нижеследующим категориям лиц:

а) авиапассажирам транзитных рейсов при условии, что у них имеются документы, дающие право въезда в страну назначения, а также подтвержденные авиабилеты на следующий рейс;

б) пассажирам круизных и морских пассажирских судов при условии, что они проживают на борту этих судов.

Статья 6

Обмен информацией

1. Стороны будут обмениваться информацией относительно выдачи виз.

2. Стороны будут проводить по мере необходимости консультации поочередно в Москве и Сеуле для анализа хода практического выполнения настоящего Меморандума и обсуждения других, связанных с этим вопросов.

Статья 7

Вступление в силу и прекращение действия Меморандума

Настоящий Меморандум о взаимопонимании вступает в силу на 30-й день с момента его подписания.

Настоящий Меморандум о взаимопонимании будет действовать до истечения 3 месяцев с того дня, когда одна из подписавших Сторон направит другой Стороне письменное уведомление о своем намерении прекратить действие Меморандума.

Совершено в Сеуле 18 марта 1992 года в двух экземплярах, каждый на русском, корейском и английском языках, причем все тексты имеют одинаковую силу. В случае возникновения каких-либо расхождений в толковании предпочтение отдается тексту на английском языке.

ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

А. КОЗЫРЕВ

ЗА ПРАВИТЕЛЬСТВО
РЕСПУБЛИКИ КОРЕЯ

ЛИ САН ОК

ВНЕШНЕЭКОНОМИЧЕСКИЕ СВЯЗИ РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН

В последние годы республики бывшего Союза ССР обладали правом осуществлять непосредственные внешнеэкономические связи. Так, наряду с правом вступать в отношения с иностранными государствами, заключать с ними договоры, обмениваться дипломатическими и консульскими представительствами и участвовать в деятельности международных организаций, они имели право осуществлять внешнеэкономические связи.

В силу этого специфические интересы, суверенная воля республик настолько выросли, что стало невозможно целиком охватить их лишь союзным представительством за рубежом, а также договорами и соглашениями, заключенными Союзом ССР с другими государствами. Возникла настоятельная потребность расширения объема внешнеэкономических полномочий республик*, ставших теперь полноправными субъектами международного общения.

Как свидетельствует анализ новой практики заключения международных экономических соглашений Республики Кыргызстан с иностранными государствами, особо важное значение в поддержании стабильных двусторонних экономических связей имеет разработка механизма реализации ее внешнеэкономических полномочий.

В Кыргызстане уже принят ряд нормативных актов в области внешнеэкономической деятельности. Это законы Республики Кыргызстан "Об общих началах внешнеэкономической деятельности Республики Кыргызстан" от 18 апреля 1991 г., "Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан" от 28 июня 1991 г. и "О концессиях и иностранных концессионных предприятиях в Республике Кыргызстан" от 16 марта 1992 г.

Роль основополагающих принципов международного экономического права для суверенных республик заключается в том, чтобы обеспечить самостоятельное и равноправное участие всех республик в непосредственных отношениях с другими государствами. Признавая взаимозависимость своих прав и обязанностей с названными принципами, республики отразили эти принципы во вновь принятых нормативных актах. В качестве примера можно привести статью 3 закона "Об общих началах внешнеэкономической деятельности Республики Кыргызстан". В ней устанавливается, что отношения Кыргызстана с другими государствами в области внешнеэкономической деятельности строятся, в частности, на основе соблюдения принципов равенства государств, невмешательства во внутренние дела.

Принципы внешнеэкономической деятельности независимых республик не только обеспечивают защиту ее экономических интересов, но и требуют от иностранных государств их неуклонного соблюдения. Тем самым принципы составляют основу международных экономических отношений республик. Однако эффективность их внешнеэкономической деятельности возможна лишь при строгом соблюдении общепризнанных принципов международного права.

Движение республик к рыночной экономике, к рынку капиталов, естественно, требует соответствующих законов. Об этом, в частности, свидетельствует упомянутый закон "Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан". Как сказано в его преамбуле, закон направлен на обеспечение эффективного участия Республики Кыргызстан в международных хозяйственных связях, привлечение в форме иностранных инвестиций дополнительных материаль-

* Понятия "республика" и "государство" используются как синонимы.

ных и финансовых ресурсов, передовой зарубежной технологии.

В сравнении с этим актом закон "Об иностранных инвестициях в Казахской ССР" от 17 января 1991 г. в большей степени учитывает международно-правовую практику, опыт ведения хозяйственной деятельности. В условиях идущих в СНГ преобразований для иностранного капитала важные гарантии и, безусловно, переход экономики к свободному предпринимательству, частной собственности и конкуренции. Именно на это указано в преамбуле казахского закона; он преследует цель обеспечить эффективное привлечение иностранных инвестиций, передовой технологии и управленческого опыта, предоставление необходимых гарантий иностранному капиталу. Закон направлен на формирование экономики открытого типа и должен служить скорейшему переходу на общепринятые в мировой практике принципы хозяйствования.

К сожалению, в законе Кыргызстана (ст.1) в числе иностранных инвестиций не указаны валютные средства, как это сделано в статье 2 закона Казахстана.

Следовало бы в законе Кыргызстана указать сферы, в которых запрещаются иностранные инвестиции, что отвечало бы практическим потребностям. Такого рода однозначное положение содержится в статье 9 закона Казахстана: "Иностранное инвестирование разрешено в любых сферах хозяйственной и иной деятельности, за исключением производства продукции прямого военного назначения".

Ставя целью максимальное привлечение иностранных инвестиций в республику, Кыргызстан должен установить гарантии точного и неукоснительного соблюдения внешнеэкономических обязательств сторон. В законе "Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан" постановляется, что он "гарантирует стабильность прав иностранных инвесторов и иные формы их правовой защиты" (ч. 1 ст.7). Это правильное положение, но возражение вызывает механизм правовой защиты, который имеет погрешности с точки зрения международного права. Обратимся к части 2 статьи 7: "Правовой режим иностранных инвестиций не может быть менее благоприятным, чем правовой режим для инвестиций, осуществляемых юридическими лицами и гражданами Республики Кыргызстан и других республик". Однако режим "более благоприятный" или "менее благоприятный" должен быть соотнесен с национальным режимом или режимом наибольшего благоприятствования, которые в этой статье даже не названы. Например, закон "О внешнеэкономической деятельности Украины" от 16 апреля 1991 г. ввел, в частности, следующие правовые режимы для иностранных субъектов хозяйственной деятельности: национальный режим (ч.4 ст.7), режим наибольшего благоприятствования (ч.5 ст.7).

В качестве дополнительной гарантии в статье 7 закона Кыргызстана следовало бы предусмотреть гарантии от национализации имущества иностранных субъектов. Это сделано, например, в законе "Об иностранных инвестициях в Казахской ССР", содержащем прямое предписание: "В Казахской ССР национализация имущества предприятий с иностранным участием не допускается" (ст. 25).

Иностранные инвесторы в Республике Кыргызстан вправе приобретать акции и другие ценные бумаги в установленном законодательством порядке. Акционерному обществу, контрольным пакетом акций которого (51 процент) владеет иностранный инвестор, предоставляется более льготный статус совместного предприятия (ст.17). В типовом законе "Об иностранных инвестициях и осуществлении предпринимательской деятельности иностранными физическими и юридическими лицами" был установлен более выгодный размер акций для иностранцев. Приобретение акций учреждаемых или учрежденных акционерных обществ не означает создания совместного предприятия, если в результате такого приобретения иностранным инвесторам в общей сложности принадлежит

менее 20 процентов уставного фонда данного акционерного общества (ч.1 ст.27)¹.

Анализируя соотношение налоговых льгот для иностранных инвесторов в Кыргызстане и Казахстане, следует констатировать, что акт "Дополнительные налоговые льготы инвесторам в Республике Кыргызстан" (ст.20) содержит более льготный режим, чем закон "Об иностранных инвестициях в Казахской ССР" (ст.20).

В Республике Кыргызстан иностранным инвесторам предоставляются следующие дополнительные льготы по налогу на объявленную прибыль:

– если иностранный инвестор внес в капитал юридического лица долю в конвертируемой валюте в размере 20 и более процентов или в сумме свыше 0,3 млн. долларов США или эквивалент в другой конвертируемой валюте, то в течение 10 лет он освобождается от налога с 25 процентов прибыли;

– если вклад иностранного инвестора в капитал юридического лица, внесенный в конвертируемой валюте, превышает 30 процентов, или 0,8 млн. долларов США, то в течение первых пяти лет освобождается от налога 30 процентов прибыли, а в течение последующих 5 лет – 50 процентов прибыли;

– если иностранный инвестор внес свою долю в капитал юридического лица, занимающегося деятельностью, указанной в приложении к настоящему закону, то в течение первых пяти лет освобождается от налога 100 процентов прибыли, а в последующие пять лет – 60 процентов.

Итак, юридические предпосылки для эффективной деятельности совместных предприятий в Кыргызстане имеются. Но это не должно быть пределом наших экономических интересов. Создание совместных предприятий на территории иностранных государств в значительной мере может способствовать дальнейшему развитию нормальных международных экономических отношений.

С точки зрения перспектив приграничной торговли одной из наиболее рациональных форм совместной деятельности государств можно уверенно назвать концессию. В статье 1 закона "О концессиях в Республике Казахстан" от 1 января 1992 г. отмечается: концессия – это разрешение иностранному юридическому или физическому лицу на осуществление определенного вида хозяйственной деятельности. Концессия предусматривает сдачу иностранному юридическому или физическому лицу – концессионеру – в аренду имущества, земли, природных ресурсов.

Безусловно, не следует преувеличивать роль страхования рисков концессионного предприятия (ч.1 ст.11) и недооценивать залог. Известно, что в силу залога кредитор (залогодатель) имеет право в случае неисполнения должником обеспеченного залогом обязательства получить удовлетворение из стоимости заложенного имущества преимущественно перед другими кредиторами.

Изучение роли залога имеет не только научное, но и прикладное значение. Пример тому – статья 23 проекта закона "О свободных экономических зонах в Республике Кыргызстан", где сказано: "На территории СЭЗ разрешается проведение залоговых банковских операций с недвижимым имуществом юридических лиц, при этом коммерческим банкам разрешается продавать закладные листы как кыргызским, так и иностранным и иным партнерам. Порядок защиты имущественных интересов кредиторов и заемщиков определяется соответствующими законами и инструкциями, действующими на территории Республики Кыргызстан". При этом, как говорится в части 2 статьи 13 закона "Об общих началах внешнеэкономической деятельности Республики Кыргызстан", "территория, занятая свободной экономической зоной, остается суверенной территорией Республики Кыргызстан". Возникает естественный вопрос о характере и сущности международно-правовой ответственности.

¹ Советский журнал международного права. – 1991. – №1. – С.97.

Принцип международно-правовой ответственности государства пронизывает всю систему международного права и международных экономических отношений. Поскольку международные договоры республик как суверенных государств и субъектов международного права действуют в пределах их территорий, то, безусловно, все субъекты несут международную ответственность по этим договорам. Так, например, в части 1 статьи 23 закона "О концессиях и иностранных концессионных предприятиях в Республике Кыргызстан" отмечается, что стороны, заключившие концессионный договор, несут за его исполнение ответственность, предусмотренную законодательством Республики Кыргызстан и концессионным договором.

В Кыргызстане в 1992 году зарегистрировано девятнадцать совместных предприятий, действуют семь товарно-сырьевых и универсальных бирж. Однако в условиях, когда новые формы внешнеэкономического сотрудничества Кыргызстана пока еще не стали саморегулирующимся механизмом, необходимо эффективно использовать действующий потенциал, концентрировать материальные и интеллектуальные ресурсы на важнейших направлениях развития рыночных отношений. Очевидно, что целевым назначением следует выделять валютные средства и готовить кадры в высших учебных заведениях, в ведущих компаниях и фирмах Германии, США, Турции, Южной Кореи, Японии и других стран. Для расширения внешнеэкономической деятельности предприятий надо максимально привлекать иностранные кредиты. В 1991 году Кыргызстан получил около 250 млн. долл. кредитов (200 млн. — из Южной Кореи, 50 млн. — итало-испанские). Думается, это хорошее начало в рамках стратегии развития рыночной экономики в Республике Кыргызстан.

Э.Д. БЕЙШЕМБИЕВ,
*директор Института государства
и права АН Республики Кыргызстан,
кандидат юридических наук*

РЕСПУБЛИКА КЫРГЫЗСТАН

ЗАКОН

о концессиях и иностранных концессионных предприятиях в Республике Кыргызстан

Настоящий Закон регулирует экономические, организационные и правовые условия предоставления в интересах развития экономики Республики Кыргызстан концессий, а также деятельность иностранных концессионных предприятий на территории республики.

I. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1.

Понятие концессия

Концессия представляет собой разрешение Правительства Республики Кыргызстан иностранному инвестору на осуществление определенного вида предпринимательской деятельности, связанной с предоставлением ему в аренду имущества, земли и ее недр.

Статья 2.
Законодательное регулирование
концессионной деятельности

Общие условия концессионного договора регулируются настоящим Законом, а также законами Республики Кыргызстан "Об иностранных инвестициях", "О собственности", "Об аренде и арендных отношениях", "Об общих началах разгосударствления, приватизации и предпринимательства" и другими законодательными актами, регулирующими инвестиционную и предпринимательскую деятельность на территории Республики Кыргызстан.

Если международным договором установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве Республики Кыргызстан, применяются положения международного договора.

Статья 3.
Основные принципы концессионной деятельности

Основными принципами концессионной деятельности являются:

- договорный долгосрочный характер деятельности;
- конкурсный подход к выбору концессионеров;
- соблюдение действующих в Республике Кыргызстан норм и правил охраны труда, природопользования и охраны окружающей среды;
- комплексное использование объекта концессионного договора.

Статья 4.
Объекты концессионного договора

Объектом концессионного договора могут быть земля, ее недра, имущество, а также отдельные виды хозяйственной деятельности на определенной территории.

Правительством Республики Кыргызстан устанавливается перечень объектов, передача которых в концессию не допускается или ограничивается.

Статья 5.
Субъекты концессионных правоотношений

Субъектами концессионных правоотношений являются:

- концессионные органы – Правительство Республики Кыргызстан, им уполномоченные или специально созданные органы, а также местная государственная администрация и местные Советы народных депутатов, действующие в пределах установленной им компетенции;
- концессионеры – иностранные государства, иностранные юридические лица и граждане, а также совместные (по законодательству Республики Кыргызстан) предприятия.

Статья 6.
Собственность при концессии

Государство уступает концессионеру правомочия владения и пользования объектами концессионного договора, оставляя за собой исключительное право распоряжения ими.

Продукция и доходы, полученные концессионером в результате эксплуатации объектов концессионного договора, являются его собственностью.

Республика Кыргызстан имеет преимущественное право на получение (приобретение) доли продукции, если условия такой передачи (покупки) удовлетворяют концессионера и достигнутая договоренность закреплена в договоре.

В собственности концессионера могут находиться также не входящие в состав объектов концессионного договора материальные и иные ценности, полученные им по основаниям, предусмотренным действующим законодательством в Республике Кыргызстан или договором.

Неотделимые улучшения объектов концессионного договора, произведенные за счет концессионера, являются собственностью Республики Кыргызстан. Концессионер имеет право на возмещение стоимости улучшений, произведенных с согласия концессионных органов.

Статья 7.

Передача объектов концессии третьим лицам

Всякая передача концессионером объекта концессионного договора третьим лицам как полностью, так и частично может быть произведена не иначе, как с безусловным соблюдением порядка, установленного для первоначального предоставления данной концессии.

Односторонняя передача концессии недействительна, не дает каких-либо прав третьим лицам и влечет за собой досрочное расторжение концессионного договора с концессионером.

Статья 8.

Порядок подготовки концессионных предложений

Список объектов, предлагаемых для концессии, готовится уполномоченными органами в соответствии с их сферами ведения и утверждается Правительством Республики Кыргызстан.

Подготовка предложений включает в себя определение точных границ объекта, состава имущественных комплексов, инвентаризацию и оценку месторождений полезных ископаемых, природных ресурсов и непроектных фондов.

Статья 9.

Организация конкурсов

Заявки на предоставление концессии направляются инвесторами концессионным органам.

Перечень необходимых документов, прилагаемых к заявке, и порядок проведения конкурсов определяется Правительством Республики Кыргызстан.

Статья 10.

Принятие решения о предоставлении объектов для концессии и государственной регистрации концессионного предприятия

Решение о предоставлении объекта для концессии принимается Правительством Республики Кыргызстан по итогам конкурсов.

Концессионеры, прошедшие по конкурсу и получившие концессию от Правительства Республики Кыргызстан, приобретают право заключения концессионного договора с концессионным органом в порядке и на условиях, определенных настоящим Законом.

Проекты концессионных договоров до государственной регистрации проходят в обязательном порядке комплексную экспертизу, назначаемую Правительством Республики Кыргызстан, с привлечением соответствующих специалистов.

Заключение комиссии утверждается Правительством Республики Кыргызстан.

Правительство Республики Кыргызстан вправе в любой момент до заключения договора отозвать свое решение в отношении включенных в перечень объектов в связи с выявлением в полученных от соискателей заявках данных, не соответствующих действительности, либо включением в концессионный договор положений, противоречащих интересам Республики Кыргызстан.

Концессионное предприятие приобретает статус юридического лица со дня его государственной регистрации.

Государственная регистрация концессионных предприятий не носит разрешительного характера и производится Министерством экономики и финансов Республики Кыргызстан согласно решению Правительства Республики Кыргызстан.

Зарегистрированное концессионное предприятие вносится в единый государственный реестр.

Статья 11.

Платежи концессионера

Платежи концессионера подразделяются на прямые и косвенные.

Прямыми платежами являются:

- плата за концессию;
- арендная плата, размер которой устанавливается законодательством Республики Кыргызстан;
- налоги, предусмотренные законодательством Республики Кыргызстан.

Косвенными платежами являются:

- дополнительное инвестирование в народное хозяйство Республики Кыргызстан;
- предоставление концессионером льготных кредитов;
- предоставление концессионером иных льгот юридическим и физическим лицам Республики Кыргызстан для развития торгово-экономического сотрудничества.

Под платой за концессию подразумевается твердая сумма в свободно конвертируемой или приравненной к ней валюте, размер которой определяется в ходе конкурса и является оценочной стоимостью концессионного объекта. Как правило, это платеж разовый и производится после государственной регистрации концессионного предприятия до начала его хозяйственной деятельности, если иное не предусмотрено договором.

Статья 12. Концессионный договор

Концессионный договор является основным документом, регламентирующим концессионные отношения между его субъектами.

В зависимости от размера капитальных вложений концессионный договор заключается соответствующими Советами народных депутатов и местной государственной администрацией или Правительством Республики Кыргызстан, а также им уполномоченным или специально созданным органом.

Содержание концессионного договора включает основные и дополнительные положения.

К основным положениям относятся:

- субъекты договора;
- объект договора;
- виды, условия, размер и порядок платежей;
- минимальный размер капиталовложений и срок их вложения;
- квоты на объем производимой продукции;
- требования по охране окружающей среды;
- перечень юридических фактов, наступление которых может повлечь изменение условий договора по требованию одной из сторон;
- порядок ликвидации предприятия;
- сроки договора;
- ответственность сторон.

Все остальные взаимные обязательства относятся к дополнительным.

Статья 13. Сроки действия договора

Концессионный договор заключается на срок от 5 до 50 лет.

Статья 14. Продление, изменение и расторжение концессионных договоров

Продление срока концессий производится по соглашению сторон и является основанием для изменения условий концессионного договора в случае необходимости.

Изменение условий концессионного договора допускается лишь по соглашению сторон. По требованию одной из сторон договор может быть изменен или расторгнут по решению арбитражного суда или при договоренности сторон в порядке третейского разбирательства, если иное не предусмотрено договором.

Статья 15. Полномочия концессионных органов Республики Кыргызстан

Вопросы, связанные с заключением и исполнением концессионных договоров, являются компетенцией Правительства Республики Кыргызстан, им уполномоченных или специально созданных органов, а также местной государственной администрации и местных Советов народных депутатов в зависимости от объема капитальных вложений в концессию:

- до 0,3 млн. долларов США или эквивалент в другой конвертируемой валюте – районной и городской государственной администрации и соответствующих Советов народных депутатов;

– до 0,8 млн. долларов США или эквивалент в другой конвертируемой валюте – областной и Бишкекской городской государственной администрации и соответствующих Советов народных депутатов;

– свыше 0,8 млн. долларов США или эквивалент в другой конвертируемой валюте, а также объекты, находящиеся в ведении республиканских органов государственного управления – правительства Республики Кыргызстан, им уполномоченных или специально созданных органов.

Концессионные органы Республики Кыргызстан:

– осуществляют контроль за соблюдением концессионером законодательства Республики Кыргызстан, условий концессионного договора и требуют устранения допущенных нарушений;

– в преимущественном порядке приобретают имущество концессионера, реализуемое на территории Республики Кыргызстан, при ликвидации концессионного предприятия;

– осуществляют проверки финансово-хозяйственной деятельности концессионера посредством привлечения независимой аудиторской службы.

Статья 16.

Права и обязанности концессионера

Концессионер вправе:

– открывать представительства, филиалы, отделения и создавать консорциумы в соответствии с законодательством Республики Кыргызстан;

– самостоятельно планировать хозяйственную деятельность предприятия;

– по своему усмотрению формировать штат рабочих и служащих из числа граждан стран договаривающихся сторон и третьих стран;

– самостоятельно распоряжаться полученной продукцией и прибылями, включая безлицензионный вывоз продукции собственного производства.

Концессионер обязан:

– осуществлять хозяйственную деятельность в строгом соответствии с законодательством Республики Кыргызстан и договором;

– вести оперативный бухгалтерский учет, а также оперативную отчетность результатов своей деятельности согласно законодательству Республики Кыргызстан;

– в шестимесячный срок со дня окончания срока договора или его досрочного расторжения ликвидировать предприятия, передать концессионным органам имущество, переданное ему в аренду или пользование, и распорядиться собственным имуществом.

III. ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КОНЦЕССИОННОГО ПРЕДПРИЯТИЯ

Статья 17.

Прибыль концессионера

Прибыль, оставшаяся у концессионера после уплаты налогов и иных платежей, поступает в его полное распоряжение. Концессионер в соответствии с настоящим Законом, Законом "Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан" и договором самостоятельно определяет направления использования прибыли, включая ее перевод за границу.

Вывоз концессионером прибыли, полученной в результате реализации продукции на внутреннем рынке Республики Кыргызстан, производится в соответствии с Законом "Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан".

Статья 18.
Налогообложение

Налогообложение концессионного предприятия производится в соответствии с налоговым законодательством Республики Кыргызстан с учетом льгот, предоставленных совместным и иностранным предприятиям Законом "Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан".

Статья 19.
Ввоз имущества концессионного предприятия

Оборудование, сырье и материалы, ввозимые концессионером для ведения хозяйственной деятельности, освобождаются от уплаты налога на импорт и таможенных пошлин.

Товары народного потребления, ввозимые для нужд управленческого персонала и трудового коллектива концессионного предприятия, облагаются налогами и пошлинами на общих основаниях.

Правительство Республики Кыргызстан вправе частично или полностью освободить группу товаров, указанную в части два настоящей статьи, от налогообложения.

Статья 20.
Страхование

Страхование рисков концессионного предприятия производится по взаимному соглашению сторон.

Социальное страхование персонала концессионного предприятия регулируется: граждан Республики Кыргызстан – нормами законодательства Республики Кыргызстан, а иностранных работников – индивидуальными трудовыми контрактами с перечислением платежей в соответствующие фонды стран их постоянного проживания.

Статья 21.
Условия найма рабочих и служащих

Наем рабочих и служащих производится на контрактной основе. Доля граждан Республики Кыргызстан в административно-техническом персонале устанавливается соглашением сторон в концессионном договоре.

Условия деятельности граждан Республики Кыргызстан и иностранных граждан в концессиях на территории Республики Кыргызстан, режим их труда и отдыха, оплаты труда, социального страхования и охраны труда регулируются нормами Международной организации труда (МОТ).

IV. ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 22.
Гарантии для концессионера

На концессионера распространяются все гарантии, предусмотренные Законом "Об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан".

Вмешательство органов государственной власти и управления Республики Кыргызстан в административно-хозяйственную деятельность концессионера не допускается, за исключением случаев, когда такая деятельность создает реальную угрозу жизни, здоровью населения или экологии и концессионер не выполняет требования по принятию необходимых мер для устранения угрозы.

Статья 23. Ответственность сторон

Стороны, заключившие концессионный договор, несут за его исполнение ответственность, предусмотренную законодательством Республики Кыргызстан и концессионным договором.

При расторжении концессионного договора в одностороннем порядке виновная сторона возмещает другой стороне убытки (включая недополученную прибыль).

Статья 24. Рассмотрение споров

Споры концессионеров с концессионными органами, органами государственной власти и управления, юридическими и физическими лицами так же, как и споры между концессионерами по вопросам, связанным с их деятельностью, подлежат рассмотрению в судах, арбитражных судах (в том числе и международных), а также по соглашению сторон — в третейских судах.

ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН
гор.Бишкек, 6 марта 1992 года

А. АКАЕВ

ЗАКОН об иностранных инвестициях в Республике Кыргызстан

Настоящий Закон направлен на обеспечение эффективного участия Республики Кыргызстан в международных хозяйственных связях и привлечение в форме иностранных инвестиций дополнительных материальных и финансовых ресурсов и передовой зарубежной технологии.

1. ОБЩИЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 1. Иностранные инвестиции в Республике Кыргызстан

Иностранные инвестиции в Республике Кыргызстан — это денежные и материальные вклады в сферу хозяйственной и иной деятельности, а также передача права на интеллектуальную собственность иностранными государствами, юридическими лицами и гражданами.

Статья 2.
**Иностранные инвесторы
в Республике Кыргызстан**

Иностранными инвесторами в Республике Кыргызстан являются иностранные государства, юридические лица и граждане, осуществляющие инвестиции на территории Республики Кыргызстан.

Статья 3.
Участники инвестиционной деятельности

Участниками инвестиционной деятельности в Республике Кыргызстан являются юридические лица и граждане Республики Кыргызстан и других республик, иностранные и юридические лица и граждане, обеспечивающие осуществление инвестиций в качестве исполнителей договоров или иных поручений иностранного инвестора.

Статья 4.
**Формы иностранных инвестиций,
разрешенные в Республике Кыргызстан**

В Республике Кыргызстан разрешаются следующие формы иностранных инвестиций:

- доля в совместном предприятии;
- иностранное предприятие;
- приобретение акций и других ценных бумаг;
- целевые денежные вклады;
- научно-техническая продукция;
- интеллектуальные ценности;
- другие формы хозяйственной и иной деятельности, не запрещенные законами Республики Кыргызстан.

Статья 5.
**Законодательство Республики Кыргызстан
об иностранной инвестиционной деятельности**

Отношения, связанные с осуществлением иностранной инвестиционной деятельности, регулируются настоящим Законом, другим законодательством Республики Кыргызстан, а также положениями международных договоров, участником которых является Республика Кыргызстан.

Если международными договорами установлены иные правила, чем те, которые содержатся в законодательстве Республики Кыргызстан, применяются положения международного договора.

Статья 6.
**Договорное регулирование
иностранной инвестиционной деятельности**

Основным документом, регулирующим правовое положение иностранных инвесторов и участников инвестиционной деятельности, является договор (соглашение).

Выбор партнеров, заключение договоров, определение обязательств, других условий хозяйственных отношений, не противоречащих законодательству Республики Кыргызстан, является исключительной компетенцией иностранных инвесторов и участников инвестиционной деятельности.

Условия договоров, заключенных между иностранными инвесторами и участниками инвестиционной деятельности, сохраняют свою силу на весь срок действия договоров и в случаях, когда после их заключения законодательством Республики Кыргызстан будут установлены условия, ухудшающие положения сторон.

Статья 7.

Гарантии для иностранных инвесторов в Республике Кыргызстан

Республика Кыргызстан гарантирует стабильность прав иностранных инвесторов и иные формы их правовой защиты.

Правовой режим иностранных инвестиций не может быть менее благоприятным, чем правовой режим для инвестиций, осуществляемый юридическими лицами и гражданами Республики Кыргызстан и других республик.

Убытки (включая недополученную прибыль), причиненные иностранным инвесторам в связи с принятием законов и других правовых актов, ограничивающих их права, возмещаются государственными органами, принявшими эти акты. При недостаточности средств у государственных органов ущерб возмещается из государственного бюджета Республики Кыргызстан.

II. ПРАВА И ОБЯЗАННОСТИ ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ

Статья 8.

Хозяйственная самостоятельность иностраннх инвесторов

Иностранные инвесторы вправе самостоятельно определять объемы, направления и эффективность инвестиций и привлекать на договорной основе юридических лиц и граждан, в том числе иностранных, необходимых для реализации инвестиций.

Иностранные инвесторы непосредственно или через посредников вправе приобретать необходимое им имущество без ограничения по объему и номенклатуре у юридических лиц и граждан по ценам и на условиях, не противоречащих законам Республики Кыргызстан.

Иностранный инвестор может передать право на владение, пользование и распоряжение инвестициями другим юридическим лицам и гражданам в порядке, установленном законом Республики Кыргызстан. Взаимоотношения сторон при указанной передаче прав регулируются договором.

Статья 9.

Привлечение финансовых средств иностранными инвесторами

Иностранные инвесторы имеют право привлекать в Республике Кыргызстан финансовые средства в виде кредитов, выпуска в установленном поряд-

ке ценных бумаг и займов. В качестве обеспечения обязательств иностранного инвестора может быть использовано его имущество.

Статья 10.
Свобода использования
иностранными инвесторами
результатов инвестиций

Иностранцы вправе владеть, пользоваться и распоряжаться результатами своих инвестиций, включая реинвестиции и торговые операции на территории Республики Кыргызстан.

Иностранцы могут вывозить прибыль или ее часть в виде продукции собственного производства или купленных на рынке товаров и услуг.

Вывоз купленных на рынке товаров и услуг производится в порядке, установленном законодательством Республики Кыргызстан об экспортно-импортных операциях.

Вывоз иностранцами советской и иностранной валюты осуществляется в порядке, предусмотренном законодательством Республики Кыргызстан о валютном регулировании.

Статья 11.
Соблюдение иностранцами финансовых,
экологических, градостроительных и других требований

Иностранцы обязаны соблюдать экологические, финансовые, градостроительные и другие требования, установленные законодательством Республики Кыргызстан.

Статья 12.
Запрещение недобросовестной конкуренции

Иностранцы не должны допускать недобросовестную конкуренцию и обязаны выполнять требования антимонопольного законодательства Республики Кыргызстан.

III. ПОРЯДОК ИНОСТРАННОГО ИНВЕСТИРОВАНИЯ

Статья 13.
Лицензия на иностранную инвестицию
в Республике Кыргызстан и ее регистрация

Лицензия (разрешение) на иностранную инвестицию в Республике Кыргызстан выдается Кабинетом Министров Республики Кыргызстан не позднее чем в 30-дневный срок после поступления заявки иностранного инвестора.

Форма заявки и перечень обосновывающих ее документов утверждаются Кабинетом Министров Республики Кыргызстан.

Регистрация иностранных инвесторов производится Министерством финансов Республики Кыргызстан.

Плата за лицензию на иностранную инвестиционную деятельность устанавливается в размерах и порядке, предусмотренных Законом о налогах в Республике Кыргызстан.

Статья 14.

Начало осуществления иностранной инвестиционной деятельности в Республике Кыргызстан

Иностранная инвестиционная деятельность в Республике Кыргызстан должна быть начата не позднее 12 месяцев после получения лицензии на ее осуществление. Если после истечения указанного времени инвестирование не начато, лицензия аннулируется.

Статья 15.

Совместные предприятия в Республике Кыргызстан

Совместными предприятиями являются предприятия, в которых доля уставного фонда принадлежит иностранному инвестору (инвесторам). Размер этой доли определяется на договорной основе.

Договор об учреждении совместного предприятия заключается между юридическим лицом (лицами) или гражданином (гражданами) и иностранным инвестором (инвесторами).

Создание и деятельность совместных предприятий регулируется специальным законом и другим законодательством Республики Кыргызстан.

Статья 16.

Иностранные предприятия в Республике Кыргызстан

Иностранными предприятиями в Республике Кыргызстан являются предприятия, уставный фонд которых полностью принадлежит иностранному инвестору (инвесторам).

Создание и деятельность иностранных предприятий регулируется специальным законом и другим законодательством Республики Кыргызстан.

Статья 17.

Приобретение иностранными инвесторами акций и других ценных бумаг в Республике Кыргызстан

Иностранные инвесторы в Республике Кыргызстан вправе приобретать акции и другие ценные бумаги в установленном законодательством Республики Кыргызстан порядке.

К акционерному обществу, контрольным пакетом акций которого (51 процент) владеет иностранный инвестор, применяется более льготный статус совместного предприятия.

Статья 18.

Целевые денежные вклады и другие формы хозяйственной и иной деятельности иностранных инвесторов в Республике Кыргызстан

Целевые денежные вклады и другие формы хозяйственной и иной деятельности иностранных инвесторов в Республике Кыргызстан регулируются специальным законом и другим законодательством Республики Кыргызстан.

Статья 19.

Налогообложение иностранных инвесторов в Республике Кыргызстан

Налогообложение иностранных инвесторов в Республике Кыргызстан производится в соответствии с налоговым законодательством Республики Кыргызстан.

Статья 20.

Дополнительные налоговые льготы иностранным инвесторам в Республике Кыргызстан

Иностранным инвесторам предоставляются дополнительные льготы по налогу на объявленную прибыль:

если иностранный инвестор внес в капитал юридического лица долю в конвертируемой валюте в размере 20 и более процентов, или в сумме свыше 0,3 млн. долларов США, или эквивалент в другой конвертируемой валюте, то в течение десяти лет он освобождается от налога с 25 процентов прибыли;

если вклад иностранного инвестора в капитал юридического лица, внесенный в конвертируемой валюте, превышает 30 процентов, или 0,8 млн. долларов США, то в течение первых пяти лет освобождается от налога 30 процентов прибыли, в течение последующих пяти лет – 50 процентов прибыли;

если иностранный инвестор внес свою долю в капитал юридического лица, занимающегося деятельностью, указанной в приложении к настоящему Закону, то в течение первых пяти лет освобождается от налога 100 процентов прибыли, а в последующие пять лет – 60 процентов.

Статья 21.

Ответственность иностранных инвесторов в Республике Кыргызстан

При несоблюдении договорных обязательств, несвоевременную и не в полном размере уплату налогов иностранные инвесторы несут имущественную и иную ответственность в порядке, установленном законами Республики Кыргызстан.

Статья 22.

Налогообложение прибыли, вывозимой иностранными инвесторами из Республики Кыргызстан

Прибыль, полученная иностранными инвесторами, уплачивающими налоги с прибыли, при вывозе за границу налогами не облагается.

Освобожденные от уплаты налога с прибыли иностранные инвесторы уплачивают налог в размере 5 процентов от вывозимой прибыли.

Статья 23.

Таможенные льготы

Материальный вклад иностранных инвесторов в уставный фонд в период его формирования ввозится без таможенных налогов.

Таможенные льготы на ввозимые и вывозимые сырье и продукцию устанавливаются Кабинетом Министров Республики Кыргызстан.

Статья 24.

Иностранные инвестиции в свободных экономических зонах

Порядок осуществления иностранных инвестиций и предоставления иностранным инвесторам льгот в свободных экономических зонах в Республике Кыргызстан устанавливается по каждой зоне Кабинетом Министров Республики Кыргызстан в соответствии с законодательством республики о свободных экономических зонах.

IV. ПРАВОВАЯ ЗАЩИТА ИНОСТРАННЫХ ИНВЕСТОРОВ В РЕСПУБЛИКЕ КЫРГЫЗСТАН

Статья 25.

Порядок разрешения споров, связанных с иностранной инвестиционной деятельностью в Республике Кыргызстан

Споры, связанные с иностранной инвестиционной деятельностью в Республике Кыргызстан, рассматриваются, в соответствии с действующим в Республике Кыргызстан законодательством, в судах, Государственном арбитраже или по договоренности сторон — в третейском суде.

Статья 26.

Страхование иностранных инвестиций в Республике Кыргызстан

Иностранные инвестиции в Республике Кыргызстан могут, а в случае, предусмотренном законодательством Республики Кыргызстан, должны быть застрахованы.

ПРЕЗИДЕНТ РЕСПУБЛИКИ КЫРГЫЗСТАН

А. АКАЕВ

гор. Бишкек, 28 июня 1991 года
Вестник Правительства №13
ноябрь 1991 г.

ПРИЛОЖЕНИЕ

Перечень инвестиционной деятельности, участие в которой иностранного инвестора дает ему право на льготы при уплате налогов

1. Электроника:
производство компонентов;
производство компьютеров и периферии компьютеров;
производство электронного оборудования и оказание связанных с этим услуг, предоставляемых изготовителем, включая производство электронных товаров народного потребления.

2. Производство автотранспортных средств, запасных частей и деталей к ним.
3. Производство станков.
4. Изготовление машин и оборудования для сельского хозяйства, производства продуктов питания.
5. В области производства деталей, машин и механизмов: изготовление литых, кованных и штампованных деталей высокой точности;
производство запасных частей и компонентов многоцелевого назначения, высококачественных приспособлений и приборов, клапанов, гидравлических и пневматических элементов, современных антифрикционных подшипников и деталей, крупных и повышенной производительности синтетических частей, технологических материалов;
производство инструментов и приспособлений;
изготовление технической керамики.
6. В области упаковочной технологии:
производство упаковочных материалов и тары; оборудования.
7. В области производства фармацевтических изделий, средств защиты растений и полуфабрикатов:
изготовление новых фармацевтических материалов;
производство новых видов средств защиты растений;
производство ключевых полуфабрикатов, используемых в фармацевтике и производстве средств защиты растений;
изготовление продукции, применяемой в ветеринарии.
8. Переработка сельскохозяйственного сырья, изготовление товаров пищевой и легкой промышленности.
9. Производство материалов для разведения растений и животных.
10. Связь.
11. Туризм:
строительство и эксплуатация сооружений для развития альпинизма и курортного туризма (если эксплуатация осуществляется строителем);
реставрация исторических памятников;
строительство и эксплуатация гостиниц.
12. Медицинское оборудование.
13. Разработка, добыча и переработка минерально-сырьевых ресурсов.
14. Производство промстройматериалов и изделий.
15. Производство товаров народного потребления.
16. Производство полиграфического оборудования и бумаги.
17. Переработка промышленных и бытовых отходов.
18. Комплексная переработка угля, вскрышных пород и "хвостов" горнодобывающих предприятий.
19. Производство оборудования и приспособлений, резко уменьшающих выброс (сброс) загрязняющих веществ в атмосферу и воды.
20. Производство детского питания.
21. Производство механизмов и средств для инвалидов, организация цехов и производств, на которых могли бы работать инвалиды.
22. Производство одноразовых шприцев.
23. Производство социально озадаченной технологии и техники.
24. Производство малой механизации и сельскохозяйственной техники для крестьянских хозяйств.

Кабинет Министров Республики Кыргызстан имеет право изменять "Приложение" и предоставлять дополнительные налоговые льготы иностранным инвесторам.

СОЗДАНИЕ НОВОЙ НЕПРАВИТЕЛЬСТВЕННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ

Радикальные перемены происходят в последнее время на территории Содружества Независимых Государств, в Европе и во всем мире. Преодолен период "холодной войны", государства заявляют о своей приверженности развитию демократии и равноправного и взаимного сотрудничества.

Все большую роль в этом процессе играют как традиционные, межправительственные, так и нетрадиционные отношения между народами, общественными организациями и отдельными людьми, развивающие то, что называют народной дипломатией.

В то же время нельзя не видеть, что государства и народы стоят перед новыми опасностями, такими как загрязнение окружающей среды, распространение новых видов современного оружия, обострение продовольственной проблемы. Эти проблемы стоят и перед народами евро-атлантического региона и делают необходимым поиск новых, более гибких форм взаимодействия.

Откликом на эти требования дня является создание в Москве 27 марта 1992 г. Ассоциации евро-атлантического сотрудничества – "международной общественной организации, объединяющей как юридических, так и физических лиц государств в целях содействия хельсинкскому процессу, политическому, экономическому и гуманитарному сотрудничеству в евро-атлантическом регионе мира". Среди 49 ее учредителей – общественные организации, институты отдельных стран, частные лица.

Эта новая международная организация преследует широкий спектр как внутригосударственных, так и внешнеполитических целей. К первым относятся развитие и укрепление гражданских обществ на основе демократии, защита прав человека, урегулирование межнациональных конфликтов и споров, развитие общечеловеческих гуманистических ценностей, сохранение культурного исторического наследия народов.

В деятельности Ассоциации предусматривается поощрение процессов, направленных на укрепление всеобщего мира и безопасности в соответствии с принципами Устава ООН, развитие сотрудничества в евро-атлантическом и евро-азиатском регионе, преодоление раскола Европы. Обращает на себя внимание стремление к укреплению сотрудничества европейской и международных инструментов, таких как СБСЕ, НАТО, Европейский союз, Совет Европы, Совет государств Балтийского моря и иных органов и организаций.

О признании важности целей Ассоциации говорит то, что в состав международной инициативной группы по созданию Ассоциации вошли видные представители международной общественности: генеральный секретарь Североатлантической ассамблеи П. Кортерье, член парламента Великобритании Б. Джордж, директор Центра по исследованию проблем войны, мира и средств массовой информации Нью-Йоркского университета Р. Манофф, академики В. Журкин, Б. Топорнин, вице-президент Ассоциации ВУЗов России В. Быстров, председатель Комиссии по иностранным делам Верховного Совета Эстонской Республики И. Тооме и другие.

Говоря о новой Ассоциации, нельзя не упомянуть о перспективах ее развития, в частности определении ее статуса как международной неправительственной организации. Эта процедура может включить просьбу Ассоциации о предоставлении ей консультативного статуса при ЭКОСОС, направленную Комитету по неправительственным организациям, при этом определение категории Ассоциации зависело бы от объема ее компетенции, другими словами, от

масштабов и глубины деятельности, в чем юристы-международники могли бы сыграть свою положительную роль.

В.Ф. ШАВРОВ,
доцент кафедры
международного права МГИМО, кандидат юридических наук

УСТАВ АССОЦИАЦИИ ЕВРО-АТЛАНТИЧЕСКОГО СОТРУДНИЧЕСТВА (АЕАС)

1. Общие положения

1.1. Ассоциация Евро-Атлантического Сотрудничества, именуемая в дальнейшем "Ассоциация", является международной общественной организацией, объединяющей как юридических, так и физических лиц различных государств в целях содействия хельсинкскому процессу, политическому, экономическому и гуманитарному сотрудничеству в евро-атлантическом регионе мира.

1.2. Ассоциация действует независимо от государственных органов и иных официальных структур, идеологических течений и политических группировок. Она способствует развитию неправительственной дипломатии, открыта для сотрудничества с другими общественными организациями, является постоянным связующим звеном для диалога, сравнения позиций, обмена опытом и идеями в области военной и политической безопасности, экономического и гуманитарного сотрудничества и защиты прав человека, для поддержки и практической реализации нацеленных на это проектов и программ, руководствуясь интересами ее участников, выраженных в настоящем Уставе.

1.3. Ассоциация осуществляет свою деятельность в соответствии с законами тех стран, на территории которых эта деятельность осуществляется, настоящим Уставом, а также следуя общепризнанным принципам и нормам международного права.

1.4. Ассоциация, ее центры, представительства и отделения могут являться юридическими лицами в соответствии с законодательствами тех стран, где они действуют, и обладают всеми привилегиями и иммунитетом, предоставляемыми аналогичным организациям соответствующими нормами международного права. Обладают собственностью, от своего имени приобретают и отчуждают имущественные права, выступают в качестве истца и ответчика в суде. Имеют самостоятельный баланс. Располагают необходимыми счетами в банках стран, охватываемых ее деятельностью.

2. Основные цели и направления деятельности

2.1. Основные цели:

— содействие всем позитивным процессам, направленным в соответствии с принципами ООН на укрепление международной стабильности, всеобщего мира и безопасности, продвижение разоружения, взаимопонимания, партнерства и сотрудничества государств в евро-атлантическом и евро-азиатском регионах, развитию и углублению всех направлений хельсинкского процесса, оказание в этом плане влияния на правительства и правительственные институты;

— содействие демократии, укреплению гражданских обществ и защите прав человека;

— содействие осуществлению прав народов и наций, национальных

меньшинств, цивилизованному и ненасильственному урегулированию межгосударственных и международных конфликтов и споров, в том числе путем посредничества;

- содействие преодолению исторического раскола Европы на "Запад – Восток", становлению полнокровных, равноправных и взаимовыгодных разносторонних отношений и связей между всеми государствами европейского и атлантического регионов с учетом роли таких международных институтов, как СБСЕ, НАТО, Североатлантический совет сотрудничества, ЕС, Совет государств Балтийского моря, ЗЕС, Совет Европы, иных межправительственных и межпарламентских органов;

- содействие вхождению независимых государств, образованных на территории бывшего СССР, в европейское политическое, экономическое и гуманитарное пространства; развитие в этих государствах общечеловеческих ценностей, принципов демократии, гуманизма;

- участие в международном сотрудничестве, направленном на осуществление политических, экономических, правовых, военных и других реформ, имеющих целью образование общего евро-атлантического пространства;

- поддержка международного сотрудничества, направленного на конверсию военного производства в гражданских целях;

- содействие экономическому, научно-техническому и экологическому сотрудничеству на неправительственном и правительственном уровнях, включая развитие деловых связей и реализацию конкретных экономических и социальных проектов в различных странах;

- поощрение и содействие гуманитарной помощи и благотворительной деятельности;

- содействие культурному сотрудничеству, сохранению и возрождению культурного и исторического наследия народов.

2.2. Для реализации поставленных целей Ассоциация:

- развивает контакты и устойчивые связи между участниками Ассоциации – национальными и международными неправительственными организациями и органами, отдельными деятелями и частными лицами различных стран;

- поощряет взаимодействие на общественном уровне между заинтересованными институтами, группами людей и отдельными лицами, а также с парламентскими и правительственными органами, желающими внести свой вклад в евро-атлантическое строительство;

- осуществляет обмен делегациями, проводит в различных странах конференции, семинары, круглые столы, консультации по широкому кругу проблем, организует комиссии и исследовательские группы, проводит специализированные выставки;

- вступает в контакты и сотрудничает с другими международными и национальными организациями, участвует в их деятельности;

- представляет интересы (или осуществляет функции представительства) отдельного участника Ассоциации в другой стране, открывает свои представительства в различных странах, оказывает участникам Ассоциации и сотрудничающим с ними организациям и частным лицам консультативные и исполнительные услуги;

- содействует научным и научно-практическим исследованиям;

- осуществляет информационную и издательскую деятельность;

- способствует реализации политических, экономических, гуманитарных и иных программ в соответствии с законодательством стран, на территории которых эти программы и мероприятия осуществляются;

- проводит независимую экспертизу национальных нормативных актов и международных соглашений, имеющих важное значение для свободы и безопасности человека, народов и наций;

– вступает в контакты и поддерживает отношения в рамках законодательства соответствующей страны с любыми органами, учреждениями, организациями и фирмами, а также частными лицами по вопросам, входящим в компетенцию Ассоциации;

– принимает участие в любых видах разрешенной законом деятельности, которая могла бы способствовать реализации ее целей;

– уполномочивает другие организации участвовать в реализации ее целей, например в форме франшизы или другой аналогичной форме;

– совершает с учреждениями, организациями, предприятиями и отдельными лицами различные юридические акты в рамках законодательства данной страны и своего устава;

– открывает расчетный и иные счета в банках, пользуется банковским кредитом в странах, где она зарегистрирована и осуществляет свою деятельность;

– осуществляет в соответствии с уставными целями и направлениями финансово-хозяйственную и другие виды деятельности, предназначенные для финансового, материального и информационного обеспечения работы Ассоциации, в том числе приобретает в собственность или арендует строения, транспортные средства, имущество социально-бытового и культурного назначения.

3. Участники Ассоциации

3.1. Ассоциация не имеет фиксированного членства. Участниками Ассоциации помимо соучредителей могут быть с согласия Координационного Совета Ассоциации неправительственные и правительственные национальные и международные организации различного характера, их представители в индивидуальном качестве, частные лица, граждане различных государств и лица без гражданства, желающие вносить свой вклад в осуществление уставных целей Ассоциации.

3.2. Юридические лица (организации), желающие стать соучредителями Ассоциации, представляют письменное заявление об этом с подтверждением, что они разделяют цели и задачи Ассоциации.

3.3. Участники Ассоциации имеют право:

– участвовать в ее деятельности, выдвигать на ее рассмотрение свои инициативы, программы и проекты, добиваться их реализации;

– пользоваться услугами Ассоциации в приоритетном порядке;

– публиковать свои материалы в изданиях Ассоциации;

– получать от органов и должностных лиц Ассоциации информацию о ее деятельности.

3.4. Участники Ассоциации обязаны:

– соблюдать Устав Ассоциации, выполнять ее рекомендации;

– активно участвовать в одном или нескольких проектах (программах)

Ассоциации.

3.5. Устав Ассоциации не ограничивает права ее участников на сотрудничество с другими организациями.

4. Руководящие органы Ассоциации

4.1. Совет учредителей Ассоциации

Высшим органом Ассоциации является Совет учредителей, состоящий из физических лиц и представителей организации (юридических лиц), учредивших данную Ассоциацию. Состав Совета может пополняться за счет лиц и организаций, изъявивших желание стать соучредителем Ассоциации после ее образования.

Консультации или заседания Совета учредителей проводятся по мере необходимости.

Совет учредителей:

- утверждает Устав Ассоциации, вносит в него дополнения и изменения;
- избирает из своей среды двух сопредседателей;
- избирает на основе консенсуса Координационный Совет Ассоциации со сроком полномочий 5 лет.

4.2. Сопредседатели Совета учредителей:

- поддерживают связи с учредителями Ассоциации;
- представляют интересы учредителей в Координационном Совете Ассоциации;
- представляют Ассоциацию в отношениях с межправительственными и правительственными органами отдельных государств, с межпарламентскими организациями и национальными парламентами;
- созывают по мере необходимости Совет учредителей и председательствуют на нем.

4.3. Координационный Совет Ассоциации

Координационный Совет избирается Советом учредителей в составе двух сопредседателей Совета учредителей, трех президентов Ассоциации, шести вице-президентов Ассоциации, членов Координационного Совета, директора-координатора и заместителя директора-координатора Ассоциации. Состав Координационного Совета может меняться до истечения срока его полномочий по решению Совета учредителей.

В состав Координационного Совета могут избираться как учредители, так и другие участники Ассоциации.

Координационный Совет:

- разрабатывает, рассматривает и утверждает общие направления деятельности, основные программы и проекты Ассоциации;
- утверждает руководителей программ и организует их осуществление;
- содействует участникам Ассоциации в реализации их инициатив и проектов;
- рассматривает и утверждает бюджет Ассоциации;
- учреждает свои центры, штаб-квартиру, открывает представительства и отделения в различных странах и регионах, координирует их деятельность;
- вносит изменения и дополнения в Устав Ассоциации в порядке, установленном разделом VII настоящего Устава.

Координационный Совет осуществляет свою деятельность на основе регулярных консультаций и собирается на свои заседания по мере необходимости. Рекомендации (решения) Совета принимаются на основе консенсуса либо большинством голосов.

Рекомендации (решения) по текущим вопросам деятельности Ассоциации могут приниматься совместно сопредседателями Совета учредителей, президентами, вице-президентами, директором-координатором или заместителем директора-координатора Ассоциации. Координационный Совет вправе изменить или отменить эти рекомендации (решения).

4.4. Президенты Ассоциации:

- осуществляют общее руководство основными направлениями деятельности Ассоциации;
- по взаимной договоренности поочередно руководят деятельностью Координационного Совета;
- представляют Ассоциацию в международных и национальных организациях;
- подписывают все необходимые официальные документы, связанные с деятельностью Ассоциации.

4.5. Вице-президенты Ассоциации:

- координируют разработку и осуществление основных программ и проектов Ассоциации, содействуют реализации проектов ее участников;
- привлекают членов Координационного Совета и других участников Ассоциации к реализации конкретных проектов;
- выполняют по уполномочию президентов отдельные их функции, замещают их в случае отсутствия или невозможности исполнения ими своих обязанностей;
- представляют интересы Ассоциации, связанные с осуществлением основных программ.

4.6. Члены Координационного Совета Ассоциации:

- участвуют в решении всех вопросов, подлежащих рассмотрению Координационным Советом;
- активно содействуют реализации конкретных программ и проектов Ассоциации и ее участников;
- осуществляют представительские и иные функции, связанные с деятельностью Ассоциации.

4.7. Директор-координатор Ассоциации:

- организует практическую реализацию рекомендаций (решений) Совета учредителей и Координационного Совета, регулярный обмен информацией между членами Координационного Совета и другими участниками Ассоциации;
- отвечает за материально-техническое и финансовое обеспечение деятельности Ассоциации, распоряжается финансами и имуществом Ассоциации в соответствии с утвержденным бюджетом, открывает расчетные счета в банках и осуществляет операции по ним;
- вступает от имени Ассоциации в отношения с другими организациями и частными лицами, заключает договоры, контракты, подписывает без специальной доверенности финансовые, административные и иные документы, связанные с обеспечением деятельности Ассоциации;
- пользуется правом приема и увольнения постоянных и временных сотрудников Ассоциации, осуществляет руководство ими.

4.8. Заместитель директора-координатора Ассоциации:

- выполняет по уполномочию директора-координатора отдельные его функции и замещает в полном объеме директора-координатора в случае его отсутствия или невозможности исполнения им своих обязанностей.

5. Имущество и средства Ассоциации

Имущество и средства Ассоциации образуются:

- из добровольных пожертвований ее участников, спонсорских взносов, единовременных пособий и целевых субсидий от других организаций и частных лиц;
- поступлений от информационной, издательской, посреднической и прочей деятельности, предусмотренной настоящим Уставом;
- имущества, переданного ей соучредителями и другими участниками;
- иных средств и имуществ, приобретенных Ассоциацией по другим законным основаниям.

Средства, получаемые в результате деятельности Ассоциации, направляются на реализацию уставных целей Ассоциации, в том числе оплату постоянных и временных сотрудников, занятых осуществлением долгосрочных и краткосрочных программ и проектов Ассоциации. Ассоциация самостоятельно определяет порядок и формы оплаты постоянных и временных сотрудников. Ассоциация отвечает по своим обязательствам своим имуществом. Ассоциация не несет ответственности по обязательствам ее участников, равно как и ее участники не несут ответственности по ее обязательствам.

6. Атрибуты и местонахождение Ассоциации и ее руководящих органов

6.1. Ассоциация использует для своего названия аббревиатуру АЕАС (от английского Association for Euro-Atlantic Cooperation).

6.2. Ассоциация, ее центры, штаб-квартира, представительства и отделения имеют бланки и печати со своим наименованием, а также другие реквизиты.

6.3. Рабочими языками Ассоциации являются английский, русский и французский языки.

6.4. Местонахождение штаб-квартиры (Координационного Совета) Ассоциации – г. Москва (Российская Федерация), ул. Пречистенка, 3.

7. Порядок внесения изменений и дополнений в Устав Ассоциации

7.1. Устав Ассоциации может изменяться и дополняться в соответствии с национальным законодательством стран, где она зарегистрирована или имеет свои центры, представительства, отделения, штаб-квартиру.

7.2. Изменения и дополнения в Устав Ассоциации вносятся Советом учредителей или Координационным Советом Ассоциации. В последнем случае они считаются принятыми, если по истечении месячного срока со дня получения извещения об этом учредителями Ассоциации от них не поступит возражений.

8. Прекращение деятельности Ассоциации

8.1. Решение о прекращении деятельности Ассоциации принимается не менее 2/3 членов Координационного Совета и утверждается Советом учредителей.

8.2. Порядок ликвидации ее дел, распределения ее имущества и денежных средств определяется Координационным Советом Ассоциации в соответствии с нормами национального гражданского законодательства и международного права.

МОСКОВСКИЙ ЖУРНАЛ МЕЖДУНАРОДНОГО ПРАВА

Сдано в набор 15.06.92. Подписано в печать 16.07.92. Формат 60 x 88 ¹/₁₆.

Бумага офсетная № 1. Гарнитура "Пресс-роман". Печать офсетная.

Усл.-печ. л. 13,72. Усл.кр.-отт. 14,09. Уч.-изд.л. 14,30.

Тираж 2000 экз. Заказ 1179. Изд. № 3/мжмп.

Отпечатано с готового оригинал-макета
издательства "Международные отношения"
в типографии № 9 НПО "Всесоюзная книжная палата"
109033, Москва, Волочаевская, 40.

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Мы обращаемся к читателям, уже ставшим нашими подписчиками, и тем, кто еще обдумывает свой выбор, с предложением подписаться на "Московский журнал международного права".

Получив название "Московский", по месту создания и нахождения редакции, по кругу авторов, членов редакционного совета и географии распространения журнал является по существу международным.

Наиболее общим образом цель журнала можно определить как утверждение в общественном сознании понимания международного права как величайшей социокультурной ценности, а прав человека — как изначальных, неотъемлемых и непроемлемых.

Разумеется, журнал будет стремиться по возможности охватить все актуальные проблемы современных международных отношений, в том числе правовые аспекты международной хозяйственной жизни. Без предвзятости и идеологических предпочтений он предоставляет свои страницы для свободного соревнования идей, анализа общемировых социальных процессов, поисков путей создания международного сообщества правовых государств. Наше кредо — профессионализм, содействие распространению и более широкому признанию международного права.

Авторы журнала — авторитетные отечественные и зарубежные юристы-международники.

Мы полагаем, что большую ценность для читателя журнала будет представлять раздел "Документы", в котором будут публиковаться нормативные акты России и государств, ранее входивших в состав СССР, в частности регулирующие отношения с иностранным элементом, договоры России с иностранными государствами, а также международно-правовые акты всемирного и регионального значения.

Журнал выходит ежеквартально. Подписная цена на год — 80 руб.

Наш индекс — 70 893.

Подписка принимается во всех отделениях связи.

ИЗДАТЕЛЬСТВО "МЕЖДУНАРОДНЫЕ ОТНОШЕНИЯ" ГОТОВИТ К ИЗДАНИЮ В 1992 ГОДУ СБОРНИК ДОКУМЕНТОВ И МАТЕРИАЛОВ "МЕЖДУНАРОДНОЕ СОТРУДНИЧЕСТВО В ОБЛАСТИ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА" (50 л.).

В нем продолжена начатая в 1989 году сборником "СССР и международное сотрудничество в области прав человека" публикация многосторонних договоров, резолюций международных организаций, документов Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе, посвященных защите прав и свобод личности. Среди них можно отметить такие значительные акты, как Конвенция о правах ребенка 1989 года, Международная конвенция о защите прав всех трудящихся-мигрантов и членов их семей 1990 года, Документ Московского совещания Конференции по человеческому измерению СБСЕ 1991 года.

Исторический раздел сборника знакомит читателя с историей развития гуманитарной мысли в древнем Новгороде и древнем Пскове, в Англии, США и Франции.

Завершается сборник разделом, в котором содержатся положения российского законодательства о правах человека.

